Цветаева

Марина Ивановна

1892 - 1941

Классики

за 30 минут

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения.

В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе.

Для широкого круга читателей.

- Цветаева за 30 минут
  - Библиографический очерк
  - Бежит тропинка с бугорка…
  - Наши царства
  - За книгами
  - Красной кистью рябина зажглась…
  - Домики старой Москвы
  - В субботу
  - Как правая и левая рука
  - Наконец-то встретила…
  - Моим стихам, написанным так рано…
  - На развалинах счастья нашего…
  - Кто создан из камня
  - Тоска по родине!
  - Вот опять окно…
  - С большою нежностью – потому…
  - Семь холмов – как семь колоколов!..
  - Кроме любви
  - В раю
  - Эвридика – орфею
  - И не спасут ни стансы, ни созвездья…
  - Молитва
  - Весна в вагоне
  - В люксембургском саду
  - Бабушке
  - Где лебеди? – а лебеди ушли…
  - Не думаю, не жалуюсь, не спорю…

- Ошибка
- Роландов рог
- Мне нравится, что вы больны не мной
- Уединение: уйди
- Душа и имя
- Облачко
- Маме
- В огромном городе моем – ночь…
- Я с вызовом ношу его кольцо…
- Пленница
- Я знаю правду!
- Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес…
- Мы с тобою лишь два отголоска…
- Есть счастливцы и счастливицы…
- Люблю – но мука еще жива…
- Хвала времени
- На тебе, ласковый мой, лохмотья…
- Идешь, на меня похожий…
- В зале
- В черном небе слова начертаны…
- Имя твое – птица в руке…
- Кабы нас с тобой да судьба свела…
- Руан
- Глаза
- Никто ничего не отнял!..
- Стихи разных лет
  - «Не смейтесь вы над юным поколеньем!..»
  - Маме
  - «Проснулась улица. глядит, усталая…»
  - Лесное царство
  - В зале
  - Мирок
  - «Месяц высокий над городом лег…»
  - В Кремле
  - У гробика
  - Эпитафия
    - На земле
    - Последнее слово
    - В земле
    - Над землей
  - Даме с камелиями
  - Жертвам школьных сумерок
  - Сереже
  - Дортуар весной

- Первое путешествие
- Второе путешествие
- Летом
- Самоубийство
- Вокзальный силуэт

- «Как простор наших горестных нив…»
  -
  - Нине
  - В париже
  - В шенбрунне
  - Kamerata
  - Расставание
  - Колдунья
  - Ace
  - (Шуточное стихотворение)
  - Шарманка весной
  - Людовик xvii
  - На скалах
  - Дама в голубом
  - В ouchy
  - Акварель
  - Сказочный Шварцвальд
  - Как мы читали «Lichtenstein»
  - Отъезд
  - Книги в красном переплете
  - Инцидент за супом
  - Мама за книгой
  - Пробужденье
  - Утомленье
  - Баловство
  - Лучший союз
  - Сара в версальском монастыре
  - Маленький паж
  - Встреча
  - Новолунье
  - Эпитафия
  - В сумерках
  - Эльфочка в зале
  - Памяти нины джаваха
  - Сестры
  - На прощанье
  - «Мое сердце в тяжелых оковах…»
  - Perpetuum mobile
  - Следующему

- Мама в саду
- Луч серебристый
- Мама на лугу
- Втроем
- Мука́ и му́ка
- Каток растаял
- Встреча
- Бывшему чародею
- Чародею
- В чужой лагерь
- Анжелика
- Добрый колдун
- Потомок шведских королей
- Недоумение
- Обреченная

○ «На солнце, на ветер, на вольный простор…»

-
- От четырех до семи
- Волей луны
- Rouge et bleue
- Столовая
- Пасха в апреле
- Сказки соловьева
- Картинка с конфеты
- Ricordo di tivoli

○ У кроватки

-
- Три поцелуя
- Два в квадрате
- Связь через сны
- «Не гони мою память! лазурны края…»
- Привет из вагона
- Зеленое ожерелье

○ «Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?..»

-
- Плохое оправданье
- Предсказанье
- Оба луча
- Детская
- Разные дети
- Наша зала
- «По тебе тоскует наша зала…»
- «Ваши белые могилки рядом…»

- «Прости» нине
- Ее слова
- Сердца и души
- Надпись в альбом
- Зимой
- Так будет
- Правда
- Стук в дверь
- Счастье
- Невестам мудрецов
- Еще молитва
- Осужденные
- Из сказки в жизнь
- В зеркале книги М. Д.-В.
- Эстеты
- Они и мы
- «Безнадежно-взрослый вы? о, нет!..»
- Маме
- «Курлык»
- После праздника
- В классе
- На бульваре
- Совет
- Мальчик с розой
- Колыбельная песня асе
- Подрастающей
- Волшебник
- Первая роза
- Исповедь
- Девочка-смерть
- Мальчик-бред
- Принц и лебеди
- Неравные братья
- Скучные игры
- Мятежники
- Живая цепочка
- Баярд
- Мама на даче
- Жар-птица
- «Так»
- Молитва в столовой
- Юнге
- Очаг мудреца
- Путь креста

- Памятью сердца
- Добрый путь!
- Победа
- Ни здесь, ни там
- Последняя встреча
- На заре
- «И как прежде оне улыбались…»
- Эпилог
- Не в нашей власти
- Распятие
- Привет из башни
- Резеда и роза
- Итог дня
- Молитва лодки
- Призрак царевны
- Письмо на розовой бумаге
- Два исхода
- На концерте
- Зимняя сказка
- «И уж опять они в полуистоме…»
- Декабрьская сказка
- Под новый год
- Угольки
- Дикая воля
- Гимназистка
- Тройственный союз
- Поклонник байрона
- «Он был синеглазый и рыжий…»
- Под дождем
- После чтения «les rencontres de м. de breot» regner
- Слезы
- Aeternum vale
- Детский юг
- Только девочка
- Тверская
- В пятнадцать лет
- Розовый домик
- До первой звезды
- Барабан
- В. я. брюсову
- Кошки
- Молитва морю
- Жажда

- Волшебство
- На возу
- Вождям
- Июль – апрелю
- В сквере
- Весна в вагоне
- После гостей
- Конец сказки
- Болезнь
- В сонном царстве
- Бабушкин внучек
- Венера
- Контрабандисты и бандиты
- Рождественская дама
- Белоснежка
- Детский день
- Приезд
- Паром
- Осень в тарусе
- Ока
- На радость
- Герцог рейхштадтский
- Зима
- Розовая юность
- Полночь
- Неразлучной в дорогу
- Бонапартисты
- Конькобежцы
- Первый бал
- Старуха
- «Прости» волшебному дому
- На вокзале
- Из сказки – в сказку
- Литературным прокурорам
- «Он приблизился, крылатый…»
- «Посвящаю эти строки…»
- «Идешь, на меня похожий…»
- «Солнцем жилки налиты – не кровью…»
- «Вы, идущие мимо меня…»
- «Сердце, пламени капризней…»
- «Мальчиком, бегущим резво…»
- «Я сейчас лежу ничком…»
- «Идите же! – мой голос нем…»
- Сергею эфрон-дурново

- Байрону
- Встреча с пушкиным
- Аля
- «Уж сколько их упало в эту бездну…»
- «Быть нежной, бешеной и шумной…»
- Генералам двенадцатого года
- В ответ на стихотворение
- «Ты, чьи сны еще непробудны…»
- Восклицательный знак
- «Взгляните внимательно и если возможно – нежнее…»
- «В тяжелой мантии торжественных обрядов…»
- «Вы родились певцом и пажем…»
- «Макс волошин первый был…»
- «В огромном липовом саду…»
- ««О, где вы, где вы, нежный граф?..»
- «Над феодосией угас…»
- Але
- П. Э.
- «Я видела вас три раза…»
- Подруга
- Уж часы – который час?..
- «Собаки спущены с цепи…»
- Германии
- «Радость всех невинных глаз…»
- «Безумье – и благоразумье…»
- Анне Ахматовой
- «Легкомыслие! – милый грех…»
- «Голоса с их игрой сулящей…»
- «Бессрочно кораблю не плыть…»
- «Что видят они? – пальто…»
- «Какой-нибудь предок мой был – скрипач…»
- Асе

○ «И все вы идете в сестры…»

-
- «Спят трещотки и псы соседовы…»
- «В тумане, синее ладана…»

○ «С большою нежностью – потому…»

-
- «Все георгии на стройном мундире…»
- «Лорд байрон! – вы меня забыли!..»
- «Заповедей не блюла, не ходила к причастью…»
- «Как жгучая, отточенная лесть…»
- «В гибельном фолианте…»

- «Мне полюбить вас не довелось»
- «Два солнца стынут – о господи, пощади!..»
- «Цветок к груди приколот…»

- «Цыганская страсть разлуки!..»
  -
  - «Полнолунье и мех медвежий…»
  - «Быть в аду нам, сестры пылкие…»
  - «День угасший…»
  - «Лежат они, написанные наспех…»
  - «Даны мне были и голос любый…»
  - «Отмыкала ларец железный…»
  - «Посадила яблоньку…»
  - «К озеру вышла. крут берег…»
  - «Собирая любимых в путь…»
  - «Ты запрокидываешь голову…»
  - «Откуда такая нежность?..»
  - «Разлетелось в серебряные дребезги…»
  - «Не сегодня – завтра растает снег…»
  - «Голуби реют серебряные, растерянные…»
  - «Еще и еще песни…»
  - «Не ветром ветреным – до – осени…»
  - «Гибель от женщины. вот знак…»
  - «Приключилась с ним странная хворь…»
  - «Устилают – мои – сени…»
  - «На крыльцо выхожу – слушаю…»
  - «В день благовещенья…»
  - «Канун благовещенья…»
  - «Четвертый год…»
  - «За девками доглядывать, не скис…»
  - «Димитрий! Марина! в мире…»
  - «Облака – вокруг…»
  - «Из рук моих – нерукотворный град…»
  - «Мимо ночных башен…»
  - «Настанет день – печальный, говорят!..»
  - «Над городом, отвергнутым Петром…»
  - «Над синевою подмосковных рощ…»
  - «Москва! – какой огромный…»
  - «Говорила мне бабка лютая…»
  - «Да с этой львиною…»
  - «Веселись, душа, пей и ешь!..»
  - «Братья, один нам путь прямохожий…»
  - «Всюду бегут дороги…»
  - «Люди на душу мою льстятся…»
  - «Коли милым назову – не соскучишься!..»

- «Обвела мне глаза кольцом…»
- «Руки люблю…»
- «В огромном городе моем – ночь…»
- «После бессонной ночи слабеет тело…»
- «Нынче я гость небесный…»
- «Сегодня ночью я одна в ночи…»
- «Нежно-нежно, тонко-тонко…»
- «Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая…»
- «Кто спит по ночам? никто не спит!..»
- «Бессонница! друг мой!..»
- «Нежный призрак…»
- «Ты проходишь на запад Солнца…»
- «Зверю – берлога…»
- «У меня в москве – купола горят!..»
- «Думали – человек!..»
- «Должно быть – за той рощей…»
- «И тучи оводов вокруг равнодушных кляч…»
- «Как слабый луч сквозь черный морок адов…»
- «Вот он – гляди – уставший от чужбин…»
- «Останешься нам иноком…»
- «Други его – не тревожьте его!..»
- «А над равниной…»
- «Не расстрельщиками навылет…»
- «Без зова, без слова…»
- «Как сонный, как пьяный…»
- «Так, господи! и мой обол…»
- «То-то в зеркальце – чуть брезжит»
- «В оны дни ты мне была, как мать…»
- «Я пришла к тебе черной полночью…»
- «Продаю! продаю! продаю!..»
- «Много тобой пройдено…»
- «О, муза плача, прекраснейшая из муз!..»
- «Охватила голову и стою…»
- «Еще один огромный взмах…»
- «Имя ребенка – Лев…»
- «Сколько спутников и друзей!..»
- «Не отстать тебе! я – острожник…»
- «Ты, срывающая покров…»
- «На базаре кричал народ…»
- «Златоустой Анне-всея Руси…»
- «У тонкой проволоки над волной овсов…»
- «Ты солнце в выси мне застишь…»
- «Руки даны мне – протягивать каждому обе…»
- «А что если кудри в плат…»

- «Белое солнце и низкие, низкие тучи…»
- «Вдруг вошла…»
- «Искательница приключений…»
- «Села я на подоконник, ноги свесив…»
- «Наездницы, развалины, псалмы…»
- «В полнолунье кони фыркали…»
- «Не моя печаль, не моя забота…»
- «И взглянул, как в первые раза…»
- «Бог согнулся от заботы…»
- «Чтоб дойти до уст и ложа…»
- «И поплыл себе – Моисей в корзине!..»
- «На завитки ресниц…»
- «Соперница, а я к тебе приду…»
- «И другу на руку легло…»
- «Так, от века здесь, на земле, до века…»
- «И не плача зря…»
- Евреям
- «Целую червонные листья и сонные рты…»
- «Погоди, дружок!..»
- «Каждый день все кажется мне: суббота!..»
- «Словно ветер над Нивой, словно…»
- «Счастие или грусть…»
- «Через снега, снега…»
- «По дорогам, от мороза звонким…»
- «Рок приходит не с грохотом и громом…»
- «Я ли красному как жар киоту…»
- «Ты, мерящий меня по дням…»
- «Я бы хотела жить с вами…»
- «По ночам все комнаты черны…»
- «Так, одним из легких вечеров…»
- «Мне ль, которой ничего не надо…»
- «День идет…»
- «Мировое началось во мгле кочевье…»
- «Только закрою горячие веки…»
- «Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»
- «У камина, у камина…»
- «На заре морозной…»
- «Долго на заре туманной…»
- «После стольких роз, городов и тостов…»
- «Ровно – полночь»
- «И была у Дон-Жуана – шпага…»
- «И падает шелковый пояс…»
- «И разжигая во встречном взоре…»
- «И сказал господь…»

- «Уж и лед сошел, и сады в цвету…»
- «Над церковкой – голубые облака…»
- Царю – на пасху
- «За отрока – за голубя – за сына…»
- «Во имя отца и сына и святого духа…»
- «Чуть светает…»
- «А все же спорить и петь устанет…»
- Стенька Разин
- Гаданье
- «И кто-то, упав на карту…»
- «Из строгого, стройного храма…»
- «В лоб целовать – заботу стереть…»
- «Голубые, как небо, воды…»
- «А пока твои глаза…»
- «Горечь! горечь! вечный привкус…»
- «И зажег, голубчик, спичку…»
- Але
- «А царит над нашей стороной…»
- Кармен
- Иоанн
- Цыганская свадьба
- Князь тьмы
- Boheme
- «Ну вот и окончена метка…»
- Юнкерам, убитым в нижнем
- «И в заточеньи зимних комнат…»
- «Бороды – цвета кофейной гущи…»
- Любви старинные туманы
- «Из Польши своей спесивой…»
- «Молодую рощу шумную…»
- «С головою на блещущем блюде…»
- «Собрались, льстецы и щеголи…»
- «Нет! еще любовный голод…»
- Иосиф
- «Только в очи мы взглянули – без остатка…»
- «Мое последнее величье…»
- «Без бога, без хлеба, без крова…»
- «Поздний свет тебя тревожит?..»
- «Я помню первый день, младенческое зверство…»
- «Тот – щеголем наполовину мертвым…»
- «Ввечеру выходят семьи…»
- «И вот, навьючив на верблюжий горб…»
- «Аймек-гуарузим – долина роз…»

        - «Запах, запах…»
        - «Бел, как мука, которую мелет…»
        - «Ночь. – норд-ост. – рев солдат. – рев волн…»
        - «Плохо сильным и богатым…»
        - Корнилов
        - Москве
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

Цветаева за 30 минут

Библиографический очерк

Выдающаяся русская поэтесса, прозаик и переводчик Марина Ивановна Цветаева появилась на свет восьмого октября (26 сентября по ст. стилю) 1892 года в интеллигентной семье. День ее рождения совпал с празднованием православной церковью памяти апостола Иоанна Богослова и это обстоятельство многократно воспето в творчестве поэтессы. Ее отцом был профессор Московского университета, замечательный филолог и искусствовед, директор Румянцевского музея и основоположник Музея изящных искусств – Иван Владимирович Цветаев, а матерью превосходная пианистка, ученица Николая Рубинштейна – Мария Мейн являвшаяся представительницей обрусевшей польско-немецкой семьи.

Благотворное влияние матери позволило раскрыться таланту девочки очень рано. С шести лет Марина не только свободно говорила на немецком и французском языках, но и писала на них свои первые стихи, равно, как и на русском. Родительница готовила дочь к карьере музыканта, мечтала об этом и прививала вкус к прекрасному.

Детство юное дарование провела преимущественно в Москве и Тарусе, но в связи с болезнью матери семейству приходилось подолгу жить за рубежом: в Италии, Швейцарии и Германии. Начальное образование Марина получила на родине в частной женской гимназии им. М.Т. Брюхоненко. Затем продолжила его в ведущих пансионах Лозанны и Фрайбурга. Свой свободолюбивый и независимый характер серьезно проявила в шестнадцатилетнем возрасте, самостоятельно отправившись в университет Сорбонны для того, чтобы прослушать небольшой курс лекций, посвященных древне-французской литературе.

К сожалению, в 1906 году битва с чахоткой была проиграна для Марии Мейн и дальнейшим воспитанием четырех детей: Марины, ее единокровных сестры Валерии и брата Андрея, а также сестры Анастасии занимался Иван Владимирович. Он позаботился о хорошем образовании для всех своих отпрысков, прививал им любовь к русской и зарубежной классической литературе, поощрял изучение иностранных языков.

1910 год ознаменовался для Марины Ивановны выпуском ее первого сборника стихов «Вечерний альбом» в типографии А.А. Левинсона и сделано это было на собственные сбережения девушки. Это событие не осталось незамеченным и на юную поэтессу обратили внимание такие мастера слова как: Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин, Николай Гумилев и др. Затем

последовала ее самая первая опубликованная критическая статья «Волшебство в стихах Брюсова», а спустя два года и новый сборник стихов «Волшебный фонарь».

Ранний период творчества поэтессы выдержан в духе символизма. Она участвовала в работе кружков и студий московских символистов, лично познакомилась с Валерием Брюсовым, поэтом Эллисом (Львом Кобылинским). Помимо Брюсова, на ее творческое становление оказали Н. Некрасов и М. Волошин, в доме которого она даже в разные годы гостила.

Наряду с творческим совершенствованием, развивалась и ее личная жизнь. Так, в 1911 году Цветаева встретила своего будущего мужа – Сергея Эфрона. Уже в январе 1912 года они стали законными супругами, а в сентябре того же года и родителями дочери Ариадны, которую домочадцы называли Алей.

Третий сборник стихов Марины Ивановны «Из двух книг» увидел свет в 1913 году. Лето 1916 года застало поэтессу в городе Александрове, где она гостила у сестры Анастасии и ее гражданского супруга Маврикия Минца. Там же были созданы циклы стихотворений «К Ахматовой», «Стихи о Москве» и пр. Позже этот период ее жизни был назван литературоведами «Александровским летом Марины Цветаевой».

Два года (с 1914 по 1916 гг.) Цветаева состояла в романтических отношениях с молодой поэтессой и переводчицей Софией Парнок, которой был посвящен цикл стихов «Подруга». Однако уже в 1916 году Марина вернулась к мужу, а прежнее увлечение назвала «первой катастрофой в своей жизни».

Рожденная в 1917 году дочь Ирина скончалась в трехлетнем возрасте от голода в Кунцевском подмосковном приюте. Гражданская война стала временем серьезных испытаний для Цветаевой, супруг которой был солдатом Белой армии. Сама поэтесса жила в Борисоглебском переулке Москвы, где был создан очередной цикл стихов «Лебединый стан», посвященный Сергею Эфрону и белому движению.

С 1918 по 1919 годы Марина Ивановна создает поэмы «Егорушка», «На красном коне», «Царь-девица», романтические пьесы. В апреле 1920 года состоялось ее личное знакомство с князем Сергеем Волконским.

Май 1922 года ознаменовался для Цветаевой решением отправиться вместе с дочерью Ариадной за рубеж, где уже находился ее супруг. Последний оказался за границей после разгрома Деникина и в статусе офицера Белой армии поступил в Пражский университет.

Первое время мать и дочь жили в Берлине, затем на

протяжении трех лет – в Праге и ее предместьях. В частности, там были созданы «Поэма Горы» и «Поэма Конца», посвященные Константину Родзевичу. С 1925 года после появления на свет сына Георгия, семья обосновалась в Париже. Но и там не было покоя поэтессе в связи с обвинениями мужа – Сергея Эфрона в работе на НКВД и его участии в заговоре против сына Троцкого – Льва Седова.

Марина Цветаева дружила и активно переписывалась весь период эмиграции с Борисом Пастернаком. Именно он посоветовал ей в мае 1926 года начать переписку с австрийским поэтом Райнером Марией Рильке, которая прервалась в том же году в связи со смертью последнего.

Практически ни одно из произведений, созданных Цветаевой в эмиграции так и не увидело свет. Лишь последний прижизненный сборник стихов «После России» был опубликован в 1928 году в Париже.

В 1930 году поэтесса создает поэтический цикл «Маяковскому», самоубийство которого стало для нее потрясением.

Если стихотворения Цветаевой были не слишком популярными в эмиграции, то проза пользовалась успехом у публики и начиная с 1930 годов стала основной в ее творчестве. В частности, увидели свет: «Мой Пушкин» (1937 г.), «Мать и музыка» (1935 г.), «Дом у Старого Пимена» (1934 г.), «Повесть о Сонечке» (1938 г.), «Живое о живом» (посвящены М. Волошину, 1933 г.), «Нездешний вечер» (посвящено М. Кузмину, 1936 г.), «Пленный дух» (посвящено А. Белому, 1934 г.) и др.

В этот период Цветаева со своей семьей были очень бедны, они проживали фактически в нищете и немного помогала им с деньгами Саломея Андроникова.

1937 год стал поворотным в жизни всего семейства. Сначала 15 марта Ариадна получила возможность вернуться в Россию, которой с удовольствием воспользовалась. А затем, 10 октября туда же бежал и Сергей Эфрон, спасаясь от обвинений в причастности к громкому заказному политическому убийству. Лишь в 1939 году к мужу и дочери присоединилась сама Марина Ивановна. Она обосновалась на даче НКВД в Болшеве (сейчас там Мемориальный дом-музей поэтессы).

Неожиданно, 27 августа того же года аресту подверглась сначала Ариадна, а потом – 10 октября и ее отец. Спустя всего два года заточения, 16 октября 1941 года Сергея Яковлевича Эфрона расстреляли на Лубянке (по иным сведениям в Орловском централе). Дочь провела в застенках долгих пятнадцать лет и была реабилитирована только в 1955 году.

Все это время Цветаева не писала ничего. Ее отдушиной стали переводы. За этим занятием ее и застала Великая Отечественная война, с началом которой работу над переводом Федерико Гарсиа Лорки пришлось отложить на неопределенное время.

8 августа 1941 года они вместе с сыном были эвакуированы и 18 августа оказались в числе других поэтов в городе Елабуге на Каме. Марина Цветаева собиралась обосноваться в Чистополе, даже получила разрешение на прописку там и подыскивала себе работу. Сохранилось ее заявление о приеме на должность посудомойки: «В совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве посудомойки в открывающуюся столовую Литфонда. 26 августа 1941 года». Уже 28 августа она вновь была в Елабуге, планируя жизнь в Чистополе. Но этим планам так и не суждено было сбыться никогда.

31 августа 1941 года великая русская поэтесса, прозаик и переводчик – Марина Ивановна Цветаева свела счеты с этой жизнью. Она повесилась в доме Бродельщиковых, где тогда жила с сыном. Написала три предсмертные записки: сыну, Асеевым, и «эвакуированным». Оригинальный текст последней был утерян и его позже восстанавливал сам Георгий Эфрон. В самих предсмертных посланиях она просит прощения у сына и объясняет причины своего поступка, просит Асеевых позаботиться о сыне, которого называет «Муром», а своих коллег «эвакуированных» умоляет присмотреть за Георгием и отправить его к Асеевым в Чистополь.

Свой последний приют Марина Ивановна нашла 2 сентября 1941 года на Петропавловском кладбище в Елабуге, но где именно расположена могила – не известно до сих пор. Предположительно она находится на южной стороне возле кладбищенской каменной стены. И именно на этом месте ее сестра Анастасия Цветаева воздвигла крест в 1960 году. Еще через десять лет, уже в 1970 году на месте креста было установлено гранитное надгробие. Именно это надгробие сегодня считается официальной могилой величайшей поэтессы, но насколько это предположение верно – никто не знает и по сей день.

Бежит тропинка с бугорка…

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;
Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И все поют о добром, старом,
О детском времени они.
О дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.
Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы

Стихотворение создано в 1911 году и посвящено беззаботному детству Марины Цветаевой. Она тоскует по тем временам, когда жизнь была простой: «…О дни, где утро было рай, И полдень рай, и все закаты!..» и размеренной: «…Все так же сонными лугами Лениво движется Ока…».

С душевной болью, но и с благодарной нежностью поэтесса обращается в своих воспоминаниях к прекрасному времени детства: «…И все поют о добром, старом, О детском времени они…» и «…Где были шпагами лопаты И замком царственным сарай…». Говорит о стремительном и неумолимом беге времени: «…Колокола звонят в тени, Спешат удары за ударом…». Ей сложно смириться с тем, что так как было раньше уже никогда не будет. Мы все взрослеем и нас затягивает в водоворот житейских трудностей и проблем, но мы не должны забывать о своих корнях, истоках.

Заканчивается произведение немым вопросом: «…Куда ушли, в какую даль вы? Что между нами пролегло?…» ответа на который нет. Время уходит безвозвратно и никто не знает куда или почему.

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.
Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.
Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на всё – на фею нужен глаз!
Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..
Но день прошел, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих…
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё невзрослый передаст ли стих?

Стихотворение создано в 1908-1910 годах и входит в самый первый сборник поэтессы «Вечерний альбом». Посвящено оно детству Марины Цветаевой – времени, когда она была маленькой девочкой, не существовало никаких взрослых проблем, можно было играть с утра до вечера и ни о чем не беспокоиться: «…Нам хорошо. Пока еще в постели Все старшие, и воздух летний свеж, Бежим к себе…».

Она называет себя «феей», как и свою подружку, с которой они чувствовали себя владычицами леса: «…Мы обе – феи, добрые соседки…», ей казалось, что им доступно тайное знание, не понятное взрослым: «…Что ясно нам – для них совсем туманно…». Природа была их царством, в котором им все близко и понятно, где они – прекрасные королевы, обладающие несметными богатствами: «…Владенья наши царственно-богаты…», «…В них ручейки, деревья, поле, скаты И вишни прошлогодние во мху…».

Стихотворение пропитано радостью жизни, светлой грустью о том, что эти времена позади, но и благодарностью за то, что они вообще были. Тогда поэтесса была по-настоящему счастлива и ее-

ребенка не смущало недоумение взрослых: «…Двух диких девочек лишь видят в нас…», она была в своей стихии: «…Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..», предоставлена сама себе до самого вечера и свободна: «…Ах, этот мир и счастье быть на свете…».

За книгами

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая, – мне семь лет,
Я упряма, – это лучше.
Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.
«Поиграй, возьмись за дело,
Домик строй». – «А где картон?»
«Что за тон?» – «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!
Надоело… жить… на свете,
Все большие – палачи,
Давид Копперфильд»… – «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»
Прямо в рот летят снежинки…
Огонечки фонарей…
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»
Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

Марина Цветаева всегда очень любила поэзию: с самого раннего детства она зачитывалась книгами, как теми, что давала ей мать, так и теми, которые были предназначены для ее брата Андрея. По сюжету девочка семи лет никак не дождется поездки в книжную лавку, которую ей обещала родительница и готова даже самостоятельно туда ехать.

Возраст – не случаен: сама поэтесса говорила, что все самое важное она узнала за первые сень лет жизни, а последующие сорок – просто осознавала. Не случаен и образ матери – человека, который много значил в ее жизни и которого она так рано потеряла. Взрослая Марина благодарна последней за привитую любовь к искусству и часто воспевает образ матери в своем творчестве.

Строчка: «…Все большие – палачи, Давид Копперфильд»… – «Молчи!..» – это аллюзия к герою книги «Жизнь Дэвида

Копперфильда, рассказанная им самим» Ч. Диккенса в которой речь идет о несчастном детстве маленького мальчика и этот образ обиженного ребенка, Цветаева переносит на себя. Упоминание смерти: «…Надоело… жить… на свете…» – здесь еще просто ребячество, а не действительное предчувствие чего-то трагического, свойственного более позднему творчеству поэтессы.

Красной кистью рябина зажглась…

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Стихотворение было создано в сентябре 1916 года накануне 26-го дня рождения поэтессы. Рябина для нее – совершенно особенная ягода, которая ассоциируется с торжеством, буйством осенних красок и ее собственным днем рождения: «…Красною кистью Рябина зажглась…». При этом, сам факт своего появления на свет, Цветаева не воспринимает как нечто выдающееся и пишет об этом просто: «…Падали листья. Я родилась…». А поскольку в этот же день православная церковь празднует и праздник Иоанна Богослова, в стихотворении упоминание о колокольном звоне, который оглашал всю округу: «…Спорили сотни Колоколов…» и «…День был субботний: Иоанн Богослов…».

Мотив религии также не случаен, хотя, поэтесса и не была глубоко религиозной, но в самые сложные периоды жизни, она неизменно обращалась к Богу, моля о защите и помощи. Сама вера воспринимается ею как нечто само собой разумеющееся, естественное, незыблемое, не подвластное времени или моде. И она благодарна судьбе за то, что появилась на свет именно теплым осенним днем, восхваляет в стихотворении сам факт своего рождения.

Примечательно, что именно незадолго до своего 26-ти летия Цветаева решила разорвать порочную любовную связь с Софьей Парнок и вернуться к мужу – Сергею Эфрону. И хотя это решение и далось ей не просто – она любила Парнок, но дочери нужен был отец, а ей самой – полноценная семья, чего любовница дать не могла. Еще через некоторое время, Цветаева осознает насколько правильным было это решение о восстановлении семьи с мужем.

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,
Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?
Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,
Кудри, склоненные к пяльцам,
Взгляды портретов в упор…
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!
Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.
Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Стихотворение написано в 1911 году и отражает тоску по былым временам, по былому величию Москвы, аристократическому прошлому и богатству убранства домов: «… Где потолки расписные, До потолков зеркала…», «… Великолепные морды На вековых воротах…» и «…Домики с знаком породы, С видом ее сторожей…». Одновременно, это и гимн городу, воспевание его красоты, величия, славного исторического прошлого.

Старые домики – это и символ былых времен, прошлого самой Цветаевой, которое безвозвратно уходит. Времена меняются и начавшийся в 1911 году технический прогресс постепенно уничтожает эти милые сердцу поэтессы дома: «… Домовладельцы – их право! И погибаете вы…», «…Из переулочков скромных Все исчезаете вы…», «…Точно дворцы ледяные По мановенью жезла…». Дома исчезают, но заборы от них остаются и

это навевает особенную грусть на Цветаеву: «…Странно постукивать пальцем О деревянный забор!..».

Поэтессе тяжело расстаться с прошлым и принять тот факт, что прежней Москвы, как и прежней России больше нет – время не стоит на месте, необходимо развиваться, меняться, ускорять темп жизни: «…Вас заменили уроды, – Грузные, в шесть этажей…». Сопротивляться веянию нового – глупо и бесполезно, а значит, остаются лишь воспоминания и тоска по: «…Славе прабабушек томных…», «…Где клавесина аккорды, Темные шторы в цветах…», «…Кудри, склоненные к пяльцам, Взгляды портретов в упор…».

В субботу

Темнеет… Готовятся к чаю…
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.
О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!
Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет… Сегодня Суббота,
И будет печальная мама.
Темнеет… Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

Произведение входит в сборник «Волшебный фонарь», который поэтесса посвятила своему супругу – Сергею Эфрону. Согласно сюжета, в субботний вечер семья собирается вместе перед вечерним чаепитием и, несмотря на то, что на улице уже темнеет, дома тепло и уютно: «…Темнеет… Готовятся к чаю…». Цветаева, представляя себя маленькой девочкой, читает сестренке сказку: «…Дремлет Ася под маминой шубой. Я страшную сказку читаю…».

Перед читателем возникают сказочные образы, которые причудливо переплетаются с миром реальности: «…Я страшную сказку читаю О старой колдунье беззубой…» и «…О старой колдунье, о гномах, О принцессе, ушедшей закатом…». Очевидны мотивы конца, гибели, предчувствия чего-то нехорошего. Неосознанный страх перед будущим и теми испытаниями, которое оно уготовило: «…Как жутко в лесах незнакомых Бродить ей с невидящим братом!..» и «…Одна у колдуньи забота: Подвести его к пропасти прямо!..». Это особенно контрастирует с образом домашнего спокойствия и безопасности.

Этот же мотив одиночества, грусти находит свое отражение не только в сказке, но и в реальности: «…Темнеет… Сегодня Суббота, И будет печальная мама…», хотя и нет особых причин для огорчения – все в сборе, должна царить радость и шутки. Поэтесса предчувствует безрадостность и трагичность жизни,

мастерски соединяя два мира: книжный и реальный, чтобы показать, насколько нестабильно и туманно будущее.

Как правая и левая рука

Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежны, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.
Но вихрь встаёт – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!

Стихотворение создано в июле 1918 года и посвящено любимому мужу – Сергею Эфрону. Это ода всепоглощающей любви и верности возлюбленному, торжество страсти и нежности, символ неделимости пары: «…Как правая и левая рука – Твоя душа моей душе близка» и «…Мы смежны, блаженно и тепло, Как правое и левое крыло…».

Присутствует мотив птицы – как символа дальних странствий, ведь и в реальной жизни супруги в этот период находились далеко друг от друга. Отсюда и сравнение их с крыльями: «…Как правое и левое крыло…». Супруга говорит о внутреннем, духовном единстве с мужем, которое не в силах разрушить никакое расстояние.

Вместе с тем, очевиден и мотив предчувствия грядущих испытаний, чего-то нехорошего, скверного: «…Но вихрь встаёт – и бездна пролегла От правого – до левого крыла!..». Возможно речь идет о подавлении восстания Деникина, в результате чего супругу пришлось бежать за границу, что и привело их в итоге к разлуке. Несмотря на это, верная жена по-прежнему нежно любит своего мужа и надеется на скорую встречу.

Наконец-то встретила…

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.
Что для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба
Человека – в нем.
Мне дождя, и радуги,
И руки – нужней
Человека надоба
Рук – в руке моей.
И за то, что с язвою
Мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!

Стихотворение создано в сентябре 1936 года и относится к позднему периоду творчества поэтессы. В нем лейтмотивом звучит мысль о том, что каждому человеку нужен другой человек, желание любить и быть любимой: «…Человеку – надоба Человека – в нем…».

Посвящено оно мужу – Сергею Эфрону. Поэтесса признается, что несмотря на все сложности и испытания, выпавшие на их долю, она по-прежнему любит и поддерживает супруга, благодарна судьбе за то, что встретила его: «…Наконец-то встретила Надобного – мне…». Любовь обладает исцеляющей силой: «…Что для ока – радуга, Злаку – чернозем…» и Цветаевой в тот период ее жизни было особенно необходимо чувствовать себя нужной и любимой: «…Мне дождя, и радуги, И руки – нужней Человека надоба Рук – в руке моей…». Жизнь в Париже не была радостной и легкой, супруг подолгу отсутствовал и Цветаевой отчаянно не хватало его поддержки.

Строчка: «…И за то, что с язвою Мне принес ладонь…» – это отсылка к библейскому сюжету израненных рук Христа и символизирует непреходящую любовь, преданность, кротость перед судьбой и готовность пожертвовать собой во имя любви: «… Эту руку – сразу бы За тебя в огонь!».

Моим стихам, написанным так рано…

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Марина Цветаева славилась своим пророческим даром и сильной интуицией. Часто она произносила загадочные фразы, сбывавшиеся с невероятной точностью в последствии. Сама она говорила, что не понимает как именно создаются стихи – ее рукой как будто кто-то водит. К таким стихотворениям относится и данное, созданное в 1913 году. В нем поэтесса не только предсказала собственную судьбу, но и судьбу всего ее творчества.

На самом деле в начале своего творческого пути Цветаева была не слишком востребована читателем и ее сборники действительно пылились на полках магазинов: «…Где их никто не брал и не берет!..» и они действительно были «нечитанными стихами». Но связано это было с положением женщины-поэтессы в мужском мире поэзии начала XX века. Добиться признания тогда было практически невозможно. А долгая эмиграция и революционные события в стране, способствовали полному забвению Цветаевой.

Лишь через двадцать лет после ее смерти в 60-х годах прошлого века, ее поэзия была по достоинству оценена современниками. И вновь, все произошло так, как она и предсказывала: «…Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед». Сбылись и строчки: «…Сорвавшимся, как брызги из фонтана, Как искры из ракет…» – ее стихи действительно привнесли свежую струю во всю поэзию Серебряного Века.

На развалинах счастья нашего…

…На развалинах счастья нашего
Город встанет – мужей и жен.
И на том же блаженном воздухе,
– Пока можешь еще – греши! –
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,
Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!..

Данное произведение является отрывком из «Поэмы Горы», написанной в 1924-1939 годах. В нем речь идет о сиюминутном настроении поэтессы в данный момент и говорит о ее неверии в будущее счастье с супругом, ей кажется, что все уже позади: «…На развалинах счастья нашего…». Мотив предчувствия несчастий и бед: «…Пока можешь еще – греши!..». Она говорит о том, что всегда найдутся паразиты – люди, разлучившие ее с мужем, наживающиеся на чужой беде: «…Будут лавочники на отдыхе Пережевывать барыши…» и «…Этажи и ходы надумывать, Чтобы каждая нитка – в дом!..» – как символ новых испытаний и житейских неурядиц.

Тем неожиданнее звучат нотки надежды: «…Город встанет – мужей и жен. И на том же блаженном воздухе…». Цветаева отчаянно хочет верить в то, что все еще наладится: «…Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь Крыши с аистовым гнездом!..». Наряду с надеждой в этой строчке звучит отчаяние, какая-то отрешенность и отрицание собственного будущего счастья.

Кто создан из камня

Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и нагробные плиты…
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!
Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволье.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.
Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!

Стихотворение создано в 1920 году, спустя всего несколько недель после похорон трехлетней дочери Ирины. Существуют свидетельства того, что мать ее никогда не любила, а потому и не слишком переживала о потере. Данное произведение наполнено радостью, надеждой и оптимизмом. В череде житейских неурядиц поэтесса надеется выстоять, выжить несмотря ни на что. Ведь помимо смерти ребенка она оказалась разлучена и с супругом – Сергеем Эфроном, о чем сожалеет по-настоящему.

Она противопоставляет себя другим людям, заявляет о том, что выше и лучше их: «…Кто создан из камня, кто создан из глины…», сравнивает себя с Афродитой, вышедшей из пены морской: «…А я серебрюсь и сверкаю!..». Заявляет, что не является бренной плотью: «…Кто создан из глины, кто создан из плоти – Тем гроб и нагробные плиты…». Убеждена, что несмотря ни на что сможет достучаться до людских сердец: «…Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети Пробьется мое своеволье…».

Однако ничто из сказанного ей в данном стихотворении правдой не является: она очень слаба и не в силах противиться судьбе, от нее ничего не зависит на самом деле, а достучаться до людских сердец ей удастся спустя 20 лет после смерти. В реальной жизни вскоре она сама стала эмигранткой, ее жизнь была безрадостной и полной тоски по Родине, на которую она не могла вернуться. А даже когда и получилось вернуться в Россию,

горести обрушились на нее с новой силой, приведя к потере всех, кого она любила и, в итоге, к суициду.

Тоска по родине!

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне все равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен…)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –
Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина…

Стихотворение было создано в 1934 году в Праге. Оно пронизано отчаянным осознанием своей невостребованности как поэтессы на Родине и сомнениями в будущем на чужбине. Строчка: «…Мне совершенно все равно – Где совершенно одинокой Быть, по каким камням домой Брести с кошелкою базарной…» – это признание поэтессы в том, что она больше нигде не чувствует себя дома, семейное счастье осталось в прошлом, ее душа окаменела и сделалась ко всему равнодушной.

Цветаева всегда трепетно относилась к России, но счастливой в ней она так и не стала, равно как и за границей. Все, что у нее осталось – это воспоминания о прошлом, когда все было относительно хорошо и ей не надо было буквально выживать. Она констатирует, что ее «выжили» из поэзии того времени: «…Львом, из какой людской среды Быть вытесненной – непременно…», сообщает о том, что даже родной язык ей уже не мил, раз ее все равно никто не понимает: «…Не обольщусь и языком Родным, его призывом млечным. Мне безразлично – на каком Непонимаемой быть встречным!..».

Вот опять окно…

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
Не от свеч, от ламп темнота зажглась:
От бессонных глаз!
Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи…
Нет и нет уму
Моему покоя.
И в моем дому
Завелось такое.
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

Стихотворение входит в созданный в 1916 году сборник стихов «Бессонница». Именно в этот период поэтесса решила вернуться к мужу после романа с Софьей Парнок. Вместе с тем, она понимает, что сильно изменилась и прежней уже не будет никогда. Она сомневается в возможности обретения счастья с супругом.

Первая строчка: «…Вот опять окно, Где опять не спят…» – символизирует то, что поэтесса не одинока в мире мятущихся душ, она убеждена, что в жизни каждого человека наступает период размышлений, раздумий и к ним тоже приходит бессонница. Тогда в их окнах тоже подолгу не гаснет свет. Далее, она пытается угадать чем заняты люди: «…Может – пьют вино, Может – так сидят…», предполагает встречу возлюбленных: «… Или просто – рук Не разнимут двое…» и констатирует, что у каждого из нас есть свои причины для того, чтобы подольше не гасить свет: «…В каждом доме, друг, Есть окно такое…».

Цветаева подчеркивает, что за каждым светящимся окошком в доме скрыты человеческие эмоции, переживания, страхи, восторги, разлуки или встречи: «…Крик разлук и встреч – Ты,

окно в ночи!..» и не столь важно чем именно освещена комната бессонными глазами или тысячами свеч: «…Не от свеч, от ламп темнота зажглась: От бессонных глаз!..», «…Может – сотни свеч, Может – три свечи…». Поэтесса признает, что ранее не задумывалась о причинах бессонницы людей, пока сама лично не столкнулась с этим: «…И в моем дому Завелось такое…». В эпилоге она призывает любого случайного прохожего помолиться за светящееся окно в темноте: «…Помолись, дружок, за бессонный дом, За окно с огнем!..».

С большою нежностью – потому…

С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,
Кому – разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой…
И все? – записки, и все? – цветы,
Которых хранить – невмочь…
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!

Стихотворение создано в 1915 году и в реальной жизни поэтессы в этот момент не было никаких поводов для столь пессимистичного настроения. Она недавно вышла замуж и родила дочь, ей всего 23 года. Вероятнее всего, поводом для расстройства послужил скандальный и порицаемый обществом роман с Софьей Парнок, ради которой она даже ушла от мужа, о чем позже сильно сожалела.

Так или иначе, Цветаева, рано потерявшая мать, пытается угадать что же кроется там, за чертой жизни земной. И если изначально смерть внушала ей панический ужас, то с течением времени она начала воспринимать ее как избавление от бремени житейских тревог и проблем. Как способ перехода в другое измерение – она верила в загробную жизнь. И в данном произведении поэтесса размышляет о том, что произойдет, если ее не станет: «…Я все раздумываю, кому Достанется волчий мех, Кому – разнеживающий плед И тонкая трость с борзой, Кому – серебряный мой браслет, Осыпанный бирюзой…». Ее заботит судьба не только материальных вещей, но и духовных: «…И все? – записки, и все? – цветы, Которых хранить – невмочь…». В итоге она понимает, что ее уход заметят лишь самые близкие и родные люди, но тематика смерти часто присутствует в ее творчестве.

Строчка: «…Что скоро уйду от всех…» говорит о том, что Цветаева не просто не боится смерти, она ее ждет, хотя до реальной физической кончины поэтессы еще целых 30 лет. Однако учитывая то, что она совершила суицид, смерть действительно кажется ей спасением, а пока ей только 23, она лишь заигрывает с судьбой: «…Последняя рифма моя – и ты,

Последняя моя ночь!».

Семь холмов – как семь колоколов!..

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи колоколах – колокольни.
Всех счётом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!
В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.
И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.
Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землёй московскою!

Стихотворение написано в 1916 году и входит в поэтический цикл «Стихи о Москве» – городе, где поэтесса появилась на свет. К слову, она неоднократно подчеркивала как горда тем, что ее день рождения совпал с праздником Иоанна Богослова: «…В колокольный я, во червонный день Иоанна родилась Богослова…».

Примечательна интонация произведения, создающая у читателя эффект колокольного звона за счет переноса одной идеи на несколько строк, тире как пауз, постоянных повторов, частого использования буквы «о»: «…Семь холмов – как семь колоколов! На семи колоколах – колокольни…». Часто упоминаются ей и всевозможные знахарки, паломники, празднование православных торжеств как символ старой «настоящей» Москвы.

Эпилог стихотворения снова содержит тему смерти, часто встречающуюся во всем творчестве поэтессы. Она просит попа: «… Поп, крепче позаткни мне рот Колокольной землёй московскою!» – как просьбу похоронить в любимом городе. Однако эта просьба не была удовлетворена, поскольку скончалась поэтесса в Елабуге и была похоронена на Петропавловском кладбище. По иронии судьбы, точное место расположения ее могилы не известно до сих пор.

Кроме любви

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.
Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы – ты и я – принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность – других.
Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробужденьи души.
В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме…
(В нашем доме, весною…) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной – любви.

Данное произведение является одним из первых для поэтессы, создано в 1906 году и входит в сборник «Вечерний альбом» в раздел «Любовь». По признанию самой поэтессы этот сборник – признание в любви человеку, которому иначе об этом сказать она не могла.

В стихотворении речь идет о Трехпрудном доме в Москве, где жила Цветаева и куда позже вернулась после смерти матери, поэтому она его описывает изнутри: «…Только нам этот образ кивнул из вечернего зала…», «…В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме…». Она говорит «наш дом»: «…В нашем доме, весною…», показывая, что ей он тоже очень дорог и памятен, хотя наследовали его старшие дети отца – Андрей и Валерия.

Это еще пробное, несмелое стихотворение. В нем нет классического «почерка» Цветаевой, нет никакой драмы, фатализма, мистики, душевного надрыва. Вместе с тем, оно просто в своем очаровании.

В раю

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.
Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.
Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!
Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, – я слез не утаю…
Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

Стихотворение создано в 1910 году и изначально предназначалось для поэтического конкурса, устроенного Валерием Брюсовым. В нем она последовательно раскрывает свое видение места любви в жизни человека и отрицает, что любовь может победить смерть. Очередное произведение, посвященное фантазиям о загробной жизни.

Поэтесса уже в самом начале стиха упоминает о том, что ей довелось в жизни испытать много плохого, настолько много, что она не забудет об этом и на том свете: «…Воспоминанье слишком давит плечи, Я о земном заплачу и в раю…», упоминает о том, что всегда будет любить мужа – Сергея Эфронта и в случае их встречи там, она ему скажет все то же самое: «…Я старых слов при нашей новой встрече Не утаю…» и «…Где всё покой, я буду беспокойно Ловить твой взор…».

Одновременно, она чувствует, что если человек несчастлив на земле, то и в раю он счастья не обретет: «…Одна в кругу невинно-строгих дев, Я буду петь, земная и чужая…», поскольку любовь живет лишь до тех пор, пока жив сам человек. Этим она отвергает собственно идею вечности любви. В качестве эпилога, она говорит о том, что если во взаимоотношениях нет гармонии, то встречи и вовсе ни к чему, а также о том, что раю нет места земным любовным страстям: «…Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи, И не для встреч проснемся мы в раю!».

Эвридика – орфею

Для тех, отженивших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?
Для тех, отрешивших последние звенья
Земного… На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим – свидание нож.
Уплочено же – всеми розами крови
За этот просторный покрой
Бессмертья…
До самых летейских верховий
Любивший – мне нужен покой
Беспамятности… Ибо в призрачном доме
Сем – призрак ты, сущий, а явь –
Я, мертвая… Что же скажу тебе, кроме: –
«Ты это забудь и оставь!»
Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! – С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.
Уплочено же – вспомяни мои крики! –
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

Произведение создано в 1923 году и в его основе лежит авторское переосмысление мифа о том, как отважный Орфей отправился в Аид за своей любимой, погибшей от укуса змеи. Написано оно через год после эмиграции Цветаевой в Париж, который она очень не любила, скучала по родине, чувствовала себя глубоко несчастной.

В частности, она задается вопросом о том, насколько сама Эвридика хотела, чтобы ее спасали и сравнивает себя с ней – стоило ли покидать «царство мертвых» (Россию), чтобы вновь оказаться живой (в Париже) при том, что эта жизнь ей не нужна: «…Сем – призрак ты, сущий, а явь – Я, мертвая… Что же скажу тебе, кроме…» и «…О, не превышение ли полномочий Орфей, нисходящий в Аид?…». Поэтесса очень сожалеет о том, что позволила себя уговорить и уехала из любимой Москвы: «…

Любивший – мне нужен покой Беспамятности… Ибо в призрачном доме…», признается, что больше не любит мужа и воспринимает его скорее как брата или друга: «…Внутрь зрящим – свидание нож…».

И эпилог стихотворения: «…Не надо Орфею сходить к Эвридике И братьям тревожить сестер» – говорит о том, что иногда не нужно вмешиваться в ход событий, пусть все идет своим чередом, людей нужно уметь отпускать, поскольку из благих намерений можно сделать только хуже, что и произошло с самой поэтессой.

И не спасут ни стансы, ни созвездья…

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется – возмездье
За то, что каждый раз,
Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.
Что самодержцем вас признав на веру, –
Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без вас мне не был пуст!
Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных –
Рифм только, а не уст.
Возмездие за то, что злейшим судьям
Была – как снег, что здесь, под левой грудью
Вечный апофеоз!
Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

Стихотворение написано в 1920 году и к этому моменту Цветаева уже сформировалась как автор, познала литературный успех. Но революция 1917 года задала новый вектор в литературе, которому поэтесса не соответствовала, а в сочетании с симпатиями к белогвардейцам и вовсе оказалось персоной нон-гранта. Она была одинокой, покинутой всеми и без средств к существованию, но изменять своим принципам в обмен на продуктовые карточки, упорно не желала.

Не желала она и становиться такой как все – писать социально-ориентированные стихи, оставаясь верной романтическому направлению. В этом она открыто признается: «…Искала я над лбом своим просторным Звезд только, а не глаз…». Поэзия по ее мнению – бессмертна и не может быть средством пропаганды, каковой ее пытались представить: «…Что самодержцем вас признав на веру…». В этом главное противоречие: есть ли смысл продолжать отдавать всю свою душу без остатка чему-то столь не постоянному? Осознав это, она просит прощения у мужа за былую холодность: «…Искала я у нежных уст румяных – Рифм только, а не уст…».

Поэтесса понимает, что бедственное материальное положение – это ее возмездие за преданность собственным идеалам, что она наказана за это: «…Возмездие за то, что злейшим судьям Была – как снег, что здесь, под левой грудью…» и «…Что с глазу на глаз с молодым Востоком Искала я на лбу своем высоком Зорь только, а не роз!». Но быть другой «угодной» власти она не могла, до конца оставаясь верной лишь себе самой.

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.
Ты мудрый, Ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!
Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
и амазонкой мчаться в бой;
Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень…
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!
Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след…
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Стихотворение создано поэтессой в день ее семнадцатилетия – 26 сентября 1909 года. И позже стало ключевым в ее первом сборнике «Вечерний альбом». Оно пропитано юношеским максимализмом и страхом взросления, ужасом неизвестности, которую ей приготовила взрослая жизнь. Одновременно, она, как и многие талантливые писатели, наделена даром предвидения и понимает, что на ее долю выпадет множество испытаний.

Начинается произведение мольбой к Богу о смерти в 17 лет, пока она еще не знает как тяжела бывает жизнь, которую сравнивает с закрытой книгой: «…Вся жизнь как книга для меня…». Поэтесса признает, что щедро одарена богом талантами и теперь ей хочется слишком много всего, пройти сотни различны путей: «…Ты сам мне подал – слишком много! Я жажду сразу – всех дорог!..» и «…Всего хочу: с душой цыгана Идти под песни на разбой, За всех страдать под звук органа и амазонкой мчаться в бой…». Ей кажется, что она не приспособлена для этой жизни: «… Чтоб был легендой – день вчерашний, Чтоб был безумьем – каждый день!..».

Юная Цветаева считает, что лучше периода, чем детство быть уже не может, поэтому финальная строчка содержит вновь обращение к Богу со странной для подростка просьбой: «…Ты дал мне детство – лучше сказки И дай мне смерть – в семнадцать лет!». Вероятно, в чем-то она оказалась права, ведь свой литературный крест она нести до конца не смогла, предпочтя свести счеты с жизнью.

Весна в вагоне

Встают, встают за дымкой синей
Зеленые холмы.
В траве, как прежде, маргаритки,
И чьи-то глазки у калитки…
Но этой сказки героини
Апрельские – не мы!
Ты улыбнулась нам, Мария,
(Ты улыбалась снам!)
Твой лик, прозрачней анемоны,
Мы помним в пламени короны…
Но этой встречи феерия
Апрельская – не нам!

Стихотворение создано в 1911 году и входит в сборник «Волшебный фонарь», посвященный мужу – Сергею Эфрону и французской художнице, родом из Полтавской области – Марии Башкирцевой, которая стала популярной благодаря дневнику, который вела с 12 лет и до смерти в 25 лет от туберкулеза. Все литературное сообщество того времени зачитывалось этим дневником и Цветаева была среди самых преданных почитателей.

В самом произведении содержатся отсылки к Блоку А.А., который оказал очень сильное влияние на поэтессу и она даже посвятила ему отдельный поэтический сборник «Стихи к Блоку». Очевидно «размывание» реальности, когда читатель не знает наверняка идет ли речь о реальных событиях, или это воображение автора: «…Ты улыбнулась нам, Мария, (Ты улыбалась снам!)…».

Согласно биографам Цветаевой, она собиралась создать даже отдельный поэтический цикл, посвященный М. Башкирцевой, но эта затея так и не была воплощена в жизнь.

В люксембургском саду

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки…
О детки в траве, почему не мои?
Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»
Как бабочки девочек платьица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой…
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– «Подумайте, сын мой…» – «Да что вы! А мой».
Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, –
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

Стихотворение из цикла «Вечерний альбом» 1910 года относится к раннему периоду творчества поэтессы и посвящено Люксембургскому саду в Париже, где гуляла 16-летняя Цветаева.

Это раннее нежное произведение, простое и легкое. По сюжету девушка наблюдает как матери совершают прогулку со своими детьми. Эта картина кажется ей настолько совершенной и прекрасной, что она решает воспеть ее в стихах: «…Как будто на каждой головке коронка От взоров, детей стерегущих, любя…». Она полагает, что каждая женщина с ребенком обладает целым миром: «…И матери каждой, что гладит ребенка, Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!..» и «…Как бабочки девочек платьица пестры, Здесь ссора, там хохот, там сборы домой…».

Молодая девушка очень рано поняла интуитивно, что все женщины одинаковы в безграничной любви к детям, словно сестры: «…И шепчутся мамы, как нежные сестры: – «Подумайте, сын мой…» – «Да что вы! А мой»…». И тем неожиданнее финал произведения, в котором Цветаева напоминает о том, что женщина может быть и со шпагой в руках, и отважным воином: «…Я женщин люблю, что в бою не робели, Умевших и шпагу держать, и копье», но главное ее предназначение быть матерью: «…Но знаю, что только в плену колыбели Обычное – женское – счастье мое!».

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы…
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?
Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли…
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.
Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?
Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!
День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?..

Произведение создано в 1914 году и посвящено бабушке Цветаевой – Марии Бернацкой – польской аристократке и светской львице. Поскольку она погибла очень молодой, в двадцать лет, то сама Марина, которой на тот момент было 18 лет, не чувствовала разницы в возрасте. От бабушки ей досталась лишь фотография поразительно красивой женщины.

И именно по причине того, что женщина на фотографии была молодой, поэтесса ее называет «юная бабушка»: «…Юная бабушка! Кто целовал Ваши надменные губы?…», но незнакомка на фотографии выглядит строго и смотрит с вызовом: «…По сторонам ледяного лица Локоны, в виде спирали…» и «…Темный, прямой и взыскательный взгляд. Взгляд, к обороне готовый…». Это настолько озадачивает автора, что она со страхом и восхищением вопрошает: «…Юная бабушка, кто вы?…». Очевидно сожаление поэтессы о том, что она так и не узнала свою бабушку, не наговорилась с ней вдоволь, не переняла ее опыт: «…Сколько возможностей вы унесли, И невозможностей – сколько? – В ненасытимую прорву земли, Двадцатилетняя полька!..».

Вместо эпилога Цветаева пытается разобраться в том, что она

сама переняла от своей молодой и прекрасной бабушки: «… – Бабушка! – Этот жестокий мятеж В сердце моем – не от вас ли?..».

Где лебеди? – а лебеди ушли…

– Где лебеди? – А лебеди ушли.
– А вороны? – А вороны – остались.
– Куда ушли? – Куда и журавли.
– Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались.
– А папа где? – Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
– Куда возьмет? – На лебединый Дон.
Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь…

Стихотворение создано в 1918 году и входит в сборник стихов «Лебединый стан», посвященный белогвардейцам, симпатию к которым неоднократно высказывала Цветаева. Она осталась одна с двумя детьми в России, раздираемой событиями революции 1917 года, познала голод, нужду и отчаяние. Похоронила младшую дочь Ирину. Муж в это время был вместе с другими белогвардейцами во Франции.

Произведение в формате детской считалки на самом деле очень глубоко по своей сути. Мать перед сном рассказывает детям сказку о лебедях, где последние – это остатки царской армии, бежавшие в Европу, а вороны – это негодяи, оказавшиеся у власти и разворовывающие некогда великую державу: «… – Где лебеди? – А лебеди ушли. – А вороны? – А вороны – остались…». При этом, поэтесса даже рада тому, что «лебеди» спаслись, ведь они несут в себе ту настоящую русскую культуру, которая когда-нибудь возродиться вновь: «… – Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались…».

И только на вопрос детей об отце, ей нечего сказать, ведь она сама ничего о нем не знала: жив ли он или, тем более, когда вернется домой. Поэтому она просто убаюкивает детей и надеется на лучшее: «… – А папа где? – Спи, спи, за нами Сон, Сон на степном коне сейчас приедет…». Автору и самой хотелось бы поскорее встретиться со своим любимым «белым лебедем» – супругом.

Не думаю, не жалуюсь, не спорю…

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь
ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.
Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного и жданного подарка
Не жду.
Не радует ни утро, ни трамвая
Звенящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.
На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.
Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

Стихотворение создано в июле 1914 года и посвящено тяжело больному, умирающему брату Сергея Эфрона – Петру. Биографы поэтессы считают, что настоящая любовь вспыхнула в сердце Цветаевой лишь перед смертью Петра. Она часто его навещала и ситуация была столь серьезной, что Сергей даже собирался уйти добровольцем на Первую мировую войну, но брат проиграл туберкулезу и в этом уже не было необходимости.

Произведение мрачное, тяжелое, пропитано безразличием ко всему происходящему, безнадегой: «…Не думаю, не жалуюсь, не спорю. Не сплю. Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю…» и «…Живу, не видя дня, позабывая Число и век…». Здесь переживания глубоко любящего человека за возлюбленного и осознание того, что помочь ему ничем не можешь, отсюда такая апатия и безнадега.

В финале стихотворения строчка: «…Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик Двух темных лун» рассматривается исследователями Цветаевой двояко: и в контексте две луны – два глаза возлюбленного, и в смысле две темные луны – два разных мужчины, хотя и братья. О точной трактовке нам остается лишь догадываться…

Ошибка

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой – она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.
Когда пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.
Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль –
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!
Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!
Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой, –
Но без любви мы гибнем. Чародей!

Стихотворение создано в 1910-1911 годах и посвящено поэту и переводчику Льву Кобылинскому, известному как Эллис. Он претендовал на руку и сердце Цветаевой, но получил отказ. Для того, чтобы сохранить максимально теплые дружеские отношения и вежливо объяснить, что любви нет, поэтесса использует самые мягкие метафоры: «…Когда снежинку, что легко летает, Как звездочка упавшая скользя, Берешь рукой – она слезинкой тает, И возвратить воздушность ей нельзя…».

Она сравнивает себя с тем хрупким созданием, которое нельзя к чему-либо принудить или заставить, объясняет, что будет несчастной с Эллисом: «…Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах Видать не грезу, а земную быль – Где их наряд? От них на наших пальцах Одна зарей раскрашенная пыль!..». Поэтому просит отчаянно влюбленного в нее юношу пощадить мотыльков и снежинок, с которыми ассоциирует себя: «…Оставь полет снежинкам с мотыльками…» и «…Нельзя мечту свою хватать руками, Нельзя мечту свою держать в руках!..» – как символ того, что порой мы можем случайно погубить то, что просто нам понравилось.

В финале произведения поэтесса открыто говорит о том, что нет любви или страсти и быть их не может, а «зыбкая грусть» их заменить не может: «…Нельзя тому, что было грустью зыбкой, Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»…». Вместе с тем, она благодарна Эллису за любовь, признавая, что именно она – главное в нашей жизни: «…Твоя любовь была такой ошибкой, – Но без любви мы гибнем. Чародей!..».

Роландов рог

Как бедный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве:
За князем – род, за серафимом – сонм,
За каждым – тысячи таких, как он, –
Чтоб, пошатнувшись, – на живую стену
Упал – и знал, что тысячи на смену!
Солдат – полком, бес – легионом горд,
За вором – сброд, а за шутом – все горб.
Так, наконец, усталая держаться
Сознаньем: долг и назначеньем: драться, –
Под свист глупца и мещанина смех, –
Одна за всех – из всех – противу всех,
Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.
И сей пожар в груди – тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

Произведение создано в марте 1921 года и содержит в себе отсылки к знаменитейшей «Песни о Роланде». Его главная тема – одиночество поэта. За каждым кто-то стоит: «…За князем – род, за серафимом – сонм, За каждым – тысячи таких, как он…» и только за поэтом – никого, он сирота.

Второй важный персонаж – шут. В старину именно шуты могли безнаказанно говорить королям всю неприятную правду как она есть и Цветаева сравнивает себя с таким шутом – говорить правду, даже если она и не приятна: «…Как бедный шут о злом своем уродстве, Я повествую о своем сиротстве…» и «… Солдат – полком, бес – легионом горд, За вором – сброд, а за шутом – все горб…». Но согласно легенде у храброго рыцаря Роланда был рог, в который тот мог протрубить в случае опасности, однако не сделал этого вовремя и по сюжету его убили, хотя он и успел один раз позвать на помощь. Звук этого рога услышал его родной дядя король Карл I Великий и отомстил за племянника. Отсюда фраза «некий Карл».

Цветаева признает, что когда становится совсем невмоготу, поэт тоже может протрубить в такой рог, обращаясь к обществу, призывая не оставаться равнодушными: «…Одна за всех – из всех – противу всех, Стою и шлю, закаменев от взлету, Сей громкий зов в небесные пустоты…». И она искренне надеется, что кто-нибудь услышит этот призыв: «…И сей пожар в груди – тому

залог, Что некий Карл тебя услышит, Рог!..»

Мне нравится, что вы больны не мной

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе…
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!
Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, –
За то, что вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не вами!

Легендарное стихотворение создано в 1915 году, стало популярным после переложения его на ноты, став романсом в исполнении Аллы Пугачевой. Лишь спустя годы сестра Марины – Анастасия рассказала семейную историю написания этого произведения.

Оказалось, что посвящено оно Маврикию Минцу – супругу Анастасии, который оказался полностью под властью чар последней. Но не меньшее впечатление на него произвело знакомство и с Мариной. Он ухаживал за обеими девушками, проявляя знаки внимания. Симпатия была взаимной, Цветаева открыто кокетничала с ним, но эмоция не успела перерасти в серьезное чувство, поскольку Маврикий был к этому моменту уже обручен с Анастасией. Отсюда строчки: «…Мне нравится, что вы

больны не мной, Мне нравится, что я больна не вами…» – она позволила сестре быть счастливой и отошла в сторону, за что последняя всегда была ей благодарна.

Это небольшое недоразумение стало важным уроком для поэтессы о том, что нельзя мешать настоящим чувствам, особенно, если это твои родные люди. Поэтому она говорит: «… Мне нравится еще, что вы при мне Спокойно обнимаете другую…», «…Что никогда в церковной тишине Не пропоют над нами: аллилуйя!..». При этом, ей несколько жаль, что их отношения не сложились, ведь симпатия Марины была серьезной: «…За то, что вы больны – увы! – не мной, За то, что я больна – увы! – не вами!».

Уединение: уйди

Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.
Чтоб ни души, чтоб ни ноги
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.
Кто победил на площади –
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди –
Справляй и погребай победу
Уединения в груди.
Уединение: уйди,
Жизнь!

Стихотворение написано в 1934 году в период эмиграции Цветаевой. Основной его мотив – одиночество как женщины и как поэта. Она противопоставляет себя всему миру, а одиночество не проклятье, а способ заглянуть поглубже в себя, чтобы быть хорошим художником.

С другой стороны, одиночество и спасение от непонятости и ненужности в реальном мире, утешение поэтесса находила в своей душе. Зачастую обращала больше внимания на неодушевленные предметы: стул, куст, сад и пр., посвящая им стихи, бывала нелюдимой.

Это уже взрослая, сложившаяся лирика совершенно сформировавшегося мастера. И в ней вся Цветаева: мудрая, печальная и покинутая женщина, несчастная, но сдержанная, простая и лаконичная. Стихотворение не сопротивление, а простое принятие и признание реальности, побег в глубины своей души, чтобы там найти утешение.

Душа и имя

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!
В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!
Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

Произведение датируется 1912 годом и входит в сборник «Волшебный фонарь», посвященный Сергею Эфрону. В нем Цветаева рассказывает о происхождении ее имени: от «marinus» – морской. Отсюда тематика моря так часто встречающаяся в творчестве поэтессы.

С морем можно сравнить и ее душу – глубокую, непостижимую, бунтующую. Частые повторы в стихотворении призваны подчеркнуть еще одну лейтмотивную тему – одиночества поэта, которому нет дела до бала, его душа мятежна и неспокойна: «…Пока огнями смеется бал, Душа не уснет в покое…».

В эпилоге произведения поэтесса напоминает, что ее имя значит «морская» – глубокая, одинокая, не понятая окружающими, загадочная и такая же у нее душа.

Облачко

Облачко, белое облачко с розовым краем
Выплыло вдруг, розовея последним огнем.
Я поняла, что грущу не о нем,
И закат мне почудился – раем.
Облачко, белое облачко с розовым краем
Вспыхнуло вдруг, отдаваясь вечерней судьбе.
Я поняла, что грущу о себе,
И закат мне почудился – раем.
Облачко, белое облачко с розовым краем
Кануло вдруг в беспредельность движеньем крыла.
Плача о нем, я тогда поняла,
Что закат мне – почудился раем.

Дата написания стихотворения не известна, но биографы Цветаевой предполагают, что это произошло между 1906 и 1920 годами, предположительно в Коктебеле, где она встретила своего будущего мужа.

Кажущаяся простота произведения обманчива – поэтесса делится с читателем своими чувствами и переживаниями, не вполне осознавая их причины. Идет ли речь о страхе перед взрослой жизнью или просто понимании того, к прошлому возврата нет и она сама теперь навсегда другая – не знает никто. Тем не менее, она пишет: «…Я поняла, что грущу не о нем, Я поняла, что грущу о себе…» – как символ уходящего в прошлое настоящего. Строчка: «…И закат мне почудился – раем…» – аллюзия к безвозвратно ушедшему детству поэтессы, ведь именно детям доступен рай и не доступен взрослым. Об этом же говорит и строчка: «…Облачко, белое облачко с розовым краем Кануло вдруг в беспредельность движеньем крыла…» – прошлое уходит, люди меняются, но им на смену приходит взросление, взрослые проблемы и страх перед неизвестностью.

Финал стихотворения циклично повторяет его общую идею: тоску о минувшем и страх перед будущим: «…Плача о нем, я тогда поняла, Что закат мне – почудился раем».

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.
Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.
К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.
С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров…
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!
Все бледней лазурный остров-детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

Стихотворение создано в 1907 году и входит в самый первый сборник стихов Цветаевой «Вечерний альбом». На момент его написания поэтессе 15 лет и она чувствует, что детство уже позади и она посвящает произведение матери. Известно, что воспитание в интеллигентной семье наложило серьезный отпечаток на характер Марины: вместо веселых игр со сверстниками – строгость и послушание, вместо ребячества – хорошие манеры, искусство, классическая музыка. При этом, именно в родительском доме матери удавалось создать тот островок безопасности и светлого счастья, который так и не смогла создать взрослая Марина для своей семьи.

Начинается произведение строчкой: «…В старом вальсе штраусовском впервые Мы услышали твой тихий зов…», которая рисует перед читателем картину тихого семейного вечера под звуки вальса Штрауса, музыкальное воспитание девочек, стремление привить им любовь к настоящему искусству. Далее следует признание: «…С той поры нам чужды все живые И отраден беглый бой часов…» означающее, что отныне веселые игры и шалости остались позади, ведь гораздо милее слушать

мамин голос и учиться у нее. Не случайна строчка: «…Все, чем в лучший вечер мы богаты, Нам тобою вложено в сердца…» – благодарность маме за то, что она смогла привить им настоящие ценности, показать настоящую красоту искусства.

Однако мама ушла из жизни очень рано, а вместе с ней ушло и детство, и беззаботность юности: «…Все бледней лазурный остров-детство, Мы одни на палубе стоим…» – как символ осиротелости, одиночества и неизвестности перед будущим. Заканчивается стихотворение фразой, полной отчаяния и тоски: «…Видно грусть оставила в наследство Ты, о мама, девочкам своим!».

В огромном городе моем – ночь…

В огромном городе моём – ночь.
Из дома сонного иду – прочь
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.
Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.
Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.
Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

Произведение создано весной 1916 года и входит в поэтический цикл «Бессонница». Посвящено оно горестному осознанию того, что в ее семейной жизни сейчас далеко не лучшие времена в связи с ее уходом к Софье Парнок и последующим возвращением к супругу. Былой страсти и единения душ с последним больше нет и ей остались только горестные мысли и переживания.

В надежде привести свои мысли в порядок, поэтесса гуляет бессонными ночами по пустынному городу: «…В огромном городе моём – ночь. Из дома сонного иду – прочь…», она полностью погружена в себя и предполагает, что редкие прохожие в ней видят чью-то жену и дочь: «…И люди думают: жена, дочь, – А я запомнила одно: ночь…».

Само построение рифм создает ощущение звука гулких шагов по пустынной улице: «…ночь, прочь, дочь…», «…путь, чуть, дуть, в грудь…», «…свет, цвет, вслед, нет…», «…бус, вкус, уз, снюсь». Очевиден мотив одиночества, грусти, подавленности, горестных дум.

Поэтесса чувствует себя тенью, ускользающей с рассветом: «…И тень вот эта, а меня – нет…» и иногда ей кажется, что она и вовсе является сном для всех ее близких: «…Освободите от дневных уз, Друзья, поймите, что я вам – снюсь».

Я с вызовом ношу его кольцо…

Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге! –
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.
Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.
В его лице я рыцарству верна, –
Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

Стихотворение создано в 1914 году и посвящено горячо любимому мужу – Сергею Эфрону. Кольцо, о котором идет речь, выполнено из сердолика – любимого камня Цветаевой. Именно этот камень ей подарил в первый же вечер знакомства Сергей в Коктебеле и она поняла, что это – судьба. С тех пор поэтесса не расставалась с кольцом до конца жизни.

Несмотря на сложности в браке и ее прошлое увлечение Софией Парнок, она все равно вернулась к мужу и признается, что по-настоящему любит только его: «…Да, в Вечности – жена, не на бумаге!..». По поводу внешности супруга поэтесса указывает, что он высок и тонок: «…Он тонок первой тонкостью ветвей…», а его глаза напоминают ей две бездны: «…Под крыльями раскинутых бровей – Две бездны…». Рассказывает она также и об аристократическом происхождении мужа: «…В его лице трагически слились Две древних крови…» – мать – русская дворянка, а отец Сергея – представитель помещичьей еврейской семьи. В нем она видит своего рыцаря: «…В его лице я рыцарству верна…».

Эпилог произведения представляет собой пророчество, которому суждено сбыться: «…Такие – в роковые времена – Слагают стансы – и идут на плаху». Через несколько лет ее муж – представитель белогвардейцев, вернется в Россию из эмиграции, где будет арестован и позже расстрелян, заплатив жизнью за свои

убеждения.

Пленница

Она покоится на вышитых подушках,
Слегка взволнована мигающим лучом.
О чем загрезила? Задумалась о чем?
О новых платьях ли? О новых ли игрушках?
Шалунья-пленница томилась целый день
В покоях сумрачных тюрьмы Эскуриала.
От гнета пышного, от строгого хорала
Уводит в рай ее ночная тень.
Не лгали в книгах бледные виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахин,
И слышен смех звенящий мандолин,
И о любви вздыхают кастаньеты.
Склонив колено, ждет кудрявый паж
Ее, наследницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки
И ждет серебряный, тяжелый экипаж.
Но… грезы всё! Настанет миг расплаты;
От злой слезы ресницы дрогнет шелк,
И уж с утра про королевский долг
Начнут твердить суровые аббаты.

Произведение из раннего этапа творчества М. Цветаевой было создано в 1910 году и вошло в самый первый ее поэтический сборник «Вечерний альбом». Образ прекрасной пленницы навеян поэтессе из разнообразных сказок, легенд и преданий.

Согласно сюжета молодая девушка является дочерью богатых и знатных родителей и не нуждается ни в чем: «…Она покоится на вышитых подушках…», ее мысли заняты лишь обновками: «…О чем загрезила? Задумалась о чем? О новых платьях ли? О новых ли игрушках?…». Более того, позже выясняется, что она является наследницей испанских королей: «…Шалунья-пленница томилась целый день В покоях сумрачных тюрьмы Эскуриала…» и «… Склонив колено, ждет кудрявый паж Ее, наследницы, чарующей улыбки…». Перед читателем возникает картина прекрасного и строгого дворца, роскоши: «…От гнета пышного, от строгого хорала Уводит в рай ее ночная тень…» и «…Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки И ждет серебряный, тяжелый экипаж…».

Одновременно, автор напоминает, что сказочная жизнь беззаботна лишь на первый взгляд, тогда как на самом деле, она обременена множеством условностей и долгом: «…Но… грезы

всё! Настанет миг расплаты…», «…И уж с утра про королевский долг Начнут твердить суровые аббаты» – как символ того, что вечной радости не бывает и за все нужно платить, просто эта самая плата для каждого своя: кто-то расстается с детской непосредственностью, кто-то – со свободой принятия решений, кто-то просто навсегда становится другим и осознает, что возможно, оказался в «золотой клетке».

Я знаю правду!

Я знаю правду! Все прежние правды-прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?
Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

Стихотворение создано осенью 1915 года и это были тяжелые времена в жизни Цветаевой: муж ушел на войну (Первая мировая война), а она осталась совсем одна с маленькими детьми и без средств к существованию.

Поэтесса пытается донести до людей напрасность борьбы, войны друг с другом: «…Не надо людям с людьми на земле бороться…». Объясняет, что человеческая жизнь гораздо более ценна, чем чьи-то амбиции. В череде смены пор года, мы не замечаем в своей извечной битве, простые радости: «…Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь… Уж ветер стелется, уже земля в росе, Уж скоро звездная в небе застынет вьюга…». Цветаева пробует угадать о чем думают ученые люди, что ими движет в продолжении войны: «…О чем – поэты, любовники, полководцы?» – и эту же мысль можно трактовать, как то, что не важно сколь высоко мы находимся на социальной ступени, важно помнить, что мы все люди и ни одна человеческая жизнь не должна быть загублена войной.

В эпилоге стихотворения появляется мотив загробной жизни, к которому часто прибегала Цветаева: «…И под землею скоро уснем мы все, Кто на земле не давали уснуть друг другу» – в контексте того, что смерть примирит в итоге даже самых яростных противников, но стоит ли умирать, чтобы понять неоправданность войны? Поэтесса уверено говорит, что «нет» и именно поэтому заявляет еще в самом начале стихотворения: «…Я знаю правду! Все прежние правды-прочь!..».

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес…

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.
Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи я вернее пса.
Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи.
Но пока тебе не скрещу на груди персты –
О проклятие! – у тебя остаешься – ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, –
Оттого что мир – твоя колыбель, и могила – мир!

Стихотворение создано в августе 1916 года и представляет собой продолжение творческого диалога с А. Блоком. В частности, по мнению биографов поэтессы строчка: «…Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой…» созвучна с похожей у Блока из цикла «Кармен»: «…Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь…». И в то же время, у Цветаевой любовь – это буря страсти, шквал эмоций, ураган признаний: «…Оттого что я тебе спою – как никто другой. Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей, У всех золотых знамен, у всех мечей…», «…Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной, Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой…».

Очевиден здесь и библейский мотив: «…И в последнем споре возьму тебя – замолчи! – У того, с которым Иаков стоял в ночи…» – имеется в виду притча о битве Бога с Иаковом, к которому тот явился ночью в образе ангела и Иаков просил у него благословления. Лишь на рассвете он получил не только благословение, но и в новое имя – Израиль в благодарность за истинную веру. То есть, лирическая героиня Цветаевой готова бороться за возлюбленного даже с Господом Богом. Также строчка: «…Два крыла твои, нацеленные в эфир…» – говорит об ассоциации любимого с ангелом.

Это стихотворение, как и многие из лирики Цветаевой, положено на музыку и неоднократно исполнялось в виде романса-баллады известнейшими артистами. Наиболее известна она в исполнении Ирины Аллегровой на музыку Игоря Крутого.

Мы с тобою лишь два отголоска…

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.
Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.
Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора,
Только тайны утраченной жаль!
От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

Доподлинно не известна дата создания этого стихотворения, но биографы поэтессы предполагают, что это произошло в промежутке 1912-1920 гг. Известно, что к тому моменту она уже была замужем и данное произведение посвящено именно любимому супругу – Сергею Эфрону.

Отношения с супругом никогда не были ровными и, как и у любой пары, были свои проблемы. Одной из главных таких проблем явилась связь поэтессы с Софьей Парнок и последующий уход от мужа. Через какое-то время она к нему вернулась, но былых чувств и эмоций было уже не вернуть. Отсюда строчка: «… Мы с тобою лишь два отголоска: Ты затихнул, и я замолчу…» – в контексте того, что они единое целое, несмотря ни на что и воспринимать его как друга она не может: «…Оттого тебя чувствовать другом Мне порою до слез тяжело…». Цветаева признает, что когда-то между ними была настоящая любовь: «… Мы когда-то с покорностью воска Отдались роковому лучу. Это чувство сладчайшим недугом Наши души терзало и жгло…», но потом искра эмоций угасла. И ей тяжело с этим смириться: «… Станет горечь улыбкою скоро, И усталостью станет печаль…».

Цветаева раскаивается в своей связи с Парнок, признается, что это было ошибкой: «…От тебя, утомленный анатом, Я познала сладчайшее зло…», а из их отношений с супругом ушла тайна, то сокровенное, что было для обоих самым дорогим: «…Жаль не

слова, поверь, и не взора, Только тайны утраченной жаль!». Поэтесса не знает как теперь воспринимать мужа, в ее душе борются тысячи эмоций, но ни другом, ни братом она его не считает: «…Оттого тебя чувствовать братом Мне порою до слез тяжело», но и былой любви тоже больше нет.

Есть счастливцы и счастливицы…

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь не могущие. Им –
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным!
Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.
Пел же над другом своим Давид.
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос
Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав, – Эвридика бы по нему
Как по канату вышла…
Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.

Стихотворение входит в один из самых эмоциональных сборников стихов поэтессы «Надгробие», выпущенный в 1935 году. Посвящено оно молодому двадцатипятилетнему поэту Николаю Павловичу Гронскому, который трагически погиб в результате несчастного случая 21 ноября 1934 года на станции парижского метро «Пастер». Он был поэтом «первой волны» эмиграции, достаточно близким другом поэтессы и адресатом ее лирики: «Юноше в уста» (1928 г.), «Лес: сплошная маслобойня…» (1928 г.) и др.

Горечь и трагизм утраты выражены в строчках: «…Меж стенания надгробного Долг повелевает – петь…» и «…Слезы лить! Как сладко вылиться Горю – ливнем проливным! Чтоб под камнем что-то дрогнуло…». Мотив песни как выражения самых глубоких душевных страданий прослеживается в строчке: «…Пел же над другом своим Давид. Хоть пополам расколот!..» – речь идет о притче про настоящую дружбу между царем Давидом и Ионафаном. И когда последний пал в битве на Гелвуйской горе, то Давид выразил свою печаль посредством погребальной песни.

Другой мотив, часто встречающийся в лирике Цветаевой –

мифы о Древней Греции. В частности, миф о великолепном певце Орфее, который спустился в Аид за своей Эвридикой: «…Если б Орфей не сошел в Аид Сам, а послал бы голос… Встав, – Эвридика бы по нему Как по канату вышла…». В ее понимании Орфей – всемогущ, всесилен, для него нет ничего невозможного, воплощает в себе настоящее бессмертное искусство, которому подвластны оба мира: и земной, и потусторонний.

Люблю – но мука еще жива…

Люблю – но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:
Дождливые, – расточившие все
Сам выдумай, чтобы в их листве
Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,
На гроб стекал, чтобы лоб – светал,
Озноб – стихал, чтобы кто-то спал
И спал…
…Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня – сожгут).
Баюкай же – но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:
Уютами…

Стихотворение создано в конце сентября 1923 года и посвящено любовнику Цветаевой – Константину Болеславовичу Родзевичу, который был близким другом мужа поэтессы – Сергея Эфрона. По мнению некоторых биографов, именно от Родзевича Цветаева родила сына Георгия, называемого дома «Муром». И это были серьезные настоящие эмоции, любовь, страсть, а не просто увлечение. Но она была замужем и сам Константин вскоре женился на другой женщине.

Упоминание о дожде – не случайно, в день их последней встречи в статусе любовников, когда было принято решение расстаться, тоже шел дождь: «…Дождливые, – расточившие все Сам выдумай, чтобы в их листве Дождь слышался: то не цеп о сноп: Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб…». Дальнейшая жизнь без возлюбленного кажется ей бессмысленной, отсюда вновь мотив смерти: «…На гроб стекал, чтобы лоб – светал, Озноб – стихал, чтобы кто-то спал…». В финале произведения Цветаева просит утолить ее душевные страдания объятиями, а не словами: «…Баюкай же – но прошу, будь друг: Не буквами, а каютой рук…».

Примечательно, что спустя несколько лет Цветаева и Родзевич встретились вновь. Произошло это в Париже в 1926 году, где оба жили в период эмиграции. Но любовь не вспыхнула снова. Они стали посторонними людьми. Хотя, в старости сам

Родзевич называл отношения с Мариной Цветаевой одним из самых значительных событий в жизни.

Хвала времени

Вере Аренской

Беженская мостовая!
Гикнуло – и понеслось
Опрометями колес.
Время! Я не поспеваю.
В летописях и в лобзаньях
Пойманное… но песка
Струечкою шелестя…
Время, ты меня обманешь!
Стрелками часов, морщин
Рытвинами – и Америк
Новшествами… – Пуст кувшин! –
Время, ты меня обмеришь!
Время, ты меня предашь!
Блудною женой – обнову
Выронишь… – «Хоть час да наш!»
– Поезда с тобой иного
Следования!.. –
Ибо мимо родилась
Времени! Вотще и всуе
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную.

Стихотворение создано в мае 1923 года и входит в цикл стихов «После России» (1928 г.). Посвятила поэтесса его Вере Аренской, с которой вместе училась в гимназии и которая была сестрой известного актера и режиссера Юрия Завадского. В тот же день было написано письмо Максимилиану Волошину, в котором Цветаева рассуждала о прошлом, настоящем и о ходе времени вообще.

На самом деле, поэтесса боялась времени и, особенно, технического прогресса. Ее это повергало в шок. Не случайны строчки: «…Гикнуло – и понеслось Опрометями колес. Время! Я не поспеваю…» и «…Время, ты меня обманешь! Стрелками часов, морщин Рытвинами…». Поэтесса сопротивлялась техническому прогрессу и считала Америку его источником, отсюда: «…и Америк Новшествами… – Пуст кувшин!..» – говоря о ненужности всех этих новых веяний.

Лейтмотивным является мотив одиночества, осознания того,

что родилась Цветаева в «дурное» время: «…Ибо мимо родилась Времени! Вотще и всуе…». Она сама часто признавалась, что родилась не в ту эпоху, не понимает и не любит время современное ей. Стремилась всячески огородиться от всех современных изобретений, находя пищу для стихотворений во внутреннем, а не во внешнем мире.

На тебе, ласковый мой, лохмотья…

На тебе, ласковый мой, лохмотья,
Бывшие некогда нежной плотью.
Всю истрепала, изорвала, –
Только осталось что два крыла.
Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.
А бедные истлевшие отрепья
Ты в ризницу снеси.

Произведение написано примерно в 1918 году в тот период, когда супруг поэтессы – Сергей Эфрон в письме предложил ей с детьми бежать из России, объятой пожаром революции. И нищая, голодная, преданная друзьями, Цветаева на это с радостью согласилась. Так началась ее жизнь в эмиграции.

Тяжелейшее материальное положение и нужда оставили отпечаток также на ее душе: «…Всю истрепала, изорвала, – Только осталось что два крыла…». У мужа она ищет спасения для себя и детей: «…Одень меня в свое великолепье, Помилуй и спаси…». С другой стороны, Цветаева обращается и к Богу, сравнивая себя с ангелом: «…Только осталось что два крыла…» – в контексте того, что едва не погибла с голоду. Также к Богу обращены строчки: «…Помилуй и спаси…» – как просьба выжить и встретиться с любимым мужем.

Финал стихотворения: «…А бедные истлевшие отрепья Ты в ризницу снеси» можно трактовать как попытку очистить тело и душу от всех тех ужасов, что ей пришлось пережить в России. Но раны слишком глубоки, она потеряла слишком много и до конца «очиститься» не сможет уже никогда.

Идешь, на меня похожий…

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет, –
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя…
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!
И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились…
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!
Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, –
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.
Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.
Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли…
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Стихотворение создано в 1913 году и представляет собой философское рассуждение на тему жизни и смерти. Соответственно, лейтмотивной темой является потустороннее существование, вера в загробный мир.

В частности, Цветаева пытается представить, что будет, когда она погибнет, ведет монолог с воображаемым прохожим: «… Идешь, на меня похожий, Глаза устремляя вниз… Прохожий, остановись!..». Ей хочется, чтобы ее помнили: «…Что звали меня Мариной И сколько мне было лет…», а саму ее могилу не воспринимали с ужасом: «…Не думай, что здесь – могила, Что я появлюсь, грозя…». Наоборот, она напоминает о том, что когда-то

тоже жила и сама была такой беспечной любопытной зевакой: «… Я слишком сама любила Смеяться, когда нельзя!.. Я тоже была, прохожий! Прохожий, остановись!..».

Несмотря на довольно мрачную тематику, само произведение оставляет ощущение легкости, принятия того, что смерть так же естественна, как и жизнь, они не мыслимы друг без друга. Обратной стороной медали такого философского восприятия гибели явилось лично для поэтессы решение о самоубийстве, как способе перейти в лучший мир, спасаясь от ужасов земного бытия.

В зале

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала…
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица, –
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни…
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

Стихотворение относится к раннему этапу творчества поэтессы и входит в ее самый первый сборник стихов «Вечерний альбом» в раздел «Детство». Навеяно оно воспоминаниями из давно минувшего детства, когда мать по вечерам давала детям уроки музыки.

Согласно сюжета дети бесстрашно пробираются через весь дом в темный зал: «…Над миром вечерних видений Мы, дети, сегодня цари…» и «…Темнеет высокая зала, Уходят в себя зеркала…» для того, чтобы соприкоснуться с прекрасным – с музыкой. Детское воображение рисует им образы чего-то ужасного, злобного и тем важнее для сестер победить в себе эти страхи: «…Уж кто-то идет из угла. Нас двое над темной роялью Склонилось, и крадется жуть…». Даже лица взрослых кажутся им особенно зловещими и таинственными: «…Посмотрим, что ныне творится Под пологом вражеской тьмы? Темнее, чем прежде, их

лица, – Опять победители мы!..» – в контексте победители над собственными страхами и разыгравшимся воображением. Строчка: «…Последнее близко сраженье, И темных окончится власть…» говорит о том, что Цветаева понимает, что детство скоро закончится, а с ним и уйдут всяческие «страшные» видения и образы. Одновременно, ей жаль это признавать, ведь она не знает, что ее ждет впереди.

А пока, она просто констатирует тот факт, что детям дано видеть то, что не доступно взрослым: «…Мы знаем, мы многое знаем Того, что не знают они!» как бы заявляя о том, что с возрастом мы все теряем ту частицу самих себя, которая неразрывно нас связывает с детством.

В черном небе слова начертаны…

В черном небе слова начертаны –
И ослепли глаза прекрасные…
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.
В поте – пишущий, в поте – пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь, над кудрями пляшущий, –
Дуновение вдохновения!

На момент создания этого стихотворения поэтесса была доведена до отчаяния постоянной нуждой, голодом и страхом. Как жену белогвардейца, ее отказывалось принимать общество того времени, она была не востребована как поэт. Муж в это время находился в эмиграции и Цветаева долгое время вообще о нем ничего не знала. Она осталась в революционной России одна без средств к существованию.

Строчка: «…В черном небе слова начертаны – И ослепли глаза прекрасные…» обозначает, что отныне всем заправляет коммунистическая партия, но она сама отказывается следовать ее заветам. Далее: «…И не страшно нам ложе смертное, И не сладко нам ложе страстное…» – в контексте того, что ей уже все равно, ничто ее не радует и не имеет особого смысла. Слова: «…В поте – пишущий, в поте – пашущий!..» адресованы всем трудягам и значат, что не важно на какой ниве, но человек, по мнению партии, должен работать не жалея себя во имя всеобщего блага. Только на самом деле этого не оценит никто.

Эпилог произведения: «…Нам знакомо иное рвение… Дуновение вдохновения!» – в смысле, что к творческому человеку, коим обязательно является поэт, приходит озарение, муза для создания стихов, он не может работать на заказ. Как не может и поэтесса, наделенная даром к романтическим виршам, начать писать тексты на злобу дня, как того требовала реальность.

Имя твое – птица в руке…

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток…
С именем твоим – сон глубок.

Стихотворение создано в 1916 году и посвящено А. Блоку – поэту, которым она искренне восхищалась. Позже произведение вошло в целый сборник стихов «К Блоку». Несмотря на то, что они не были близко знакомы, сама Цветаева часто посещала его творческие вечера, не уставая поражаться таланту этого человека.

Строчка: «…Имя твое – пять букв…» показывает, что раньше в дореволюционной России фамилия Блока писалась с буквой «ять» на конце: «Блокъ». Поэтесса относилась к нему с таким обожанием, что воспринимала его как некое божество, случайно «зашедшее» в этот мир. Поэтому о любви речи не шло – она считала себя недостойной этого, хотя сам Александр Александрович был определенно любимцем женщин и в него многие были по-настоящему влюблены. Цветаева как бы пробует «на вкус» его имя: «…Имя твое – льдинка на языке. Одно-единственное движенье губ…» и «…Мячик, пойманный на лету, Серебряный бубенец во рту. Камень, кинутый в тихий пруд…». Одновременно с мелодичностью, поэтесса констатирует и то, что его имя известно многим, оно может быть громким: «…В легком щелканье ночных копыт Громкое имя твое гремит…» и неотвратимом, как пуля в висок: «…И назовет его нам в висок Звонко щелкающий курок…». Цветаева признавалась, что ни один

человек ранее не вызывал в ее душе такую бурю эмоций.

Заканчивается стихотворение строчкой: «…Имя твое – поцелуй в снег. Ключевой, ледяной, голубой глоток…С именем твоим – сон глубок» – как констатация факта о том, что она действительно засыпала с томиком его стихов в руках и ей снились прекраснейшие сны. Сны, дававшие ей силы для борьбы с несправедливостью этого мира и творчества.

Кабы нас с тобой да судьба свела…

Кабы нас с тобой да судьба свела –
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!
Как последний сгас на мосту фонарь –
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, – всех собой дарю!
Кабы нас с тобой да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола!
Поднялся бы звон по Москве – реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.
Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру…
И пылила бы дороженька – бела, бела, –
Кабы нас с тобой – да судьба свела!

Стихотворение входит в этапный сборник «Версты» (1922 г.) и посвящено переосмыслению истории России. Особенно Цветаеву интересуют события Смутного времени, отсюда парадигма «царь-самозванец». Политические события в стране, связанные с революцией, гражданской войной и народным бедствием, также ассоциируются у поэтессы со Смутными временами, которые просто нужно пережить.

В произведении перекликаются сразу несколько ведущих мотивов, столь характерных для творчества Цветаевой: любви, родины, греха и предательства. При этом, не известно к кому именно обращены строки: «…Кабы нас с тобой да судьба свела…» – вероятно это вообще воображаемый персонаж. Вместе с тем, по сюжету стихотворения лирическая героиня представляет себя самозваной царицей: «…Я кабацкая царица, ты кабацкий царь…», она властна и щедра: «…Присягай, народ, моему царю! Присягай его царице, – всех собой дарю!..», а на заднем фоне читатель как бы слышит переливы колоколов: «…Поработали бы царские на нас колокола!..» – как знак благословения и чего-то важного. При этом, она понимает, что их бы называли самозванцами: «…Поднялся бы звон по Москве – реке О прекрасной самозванке и ее дружке…» и потом непременно казнили бы: «…Покачались бы мы, братец, на ночном ветру…»,

хотя перед этим они могли бы как следует попировать: «… Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру…».

Интонация стихотворения напоминает русскую фольклорную песню, а под самозванцами Цветаева, вероятно, подразумевает новую власть, незаконно захватившую управление страной. Обращаясь к истории, она говорит о том, что это не навсегда и справедливость обязательно восторжествует.

Руан

И я вошла, и я сказала: – Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь. Карл Седьмой!
Не ждите, принц, скупой и невеселый,
Бескровный принц, не распрямивший плеч,
Чтоб Иоанна разлюбила – голос,
Чтоб Иоанна разлюбила – меч.
И был Руан, в Руане – Старый рынок…
– Все будет вновь: последний взор коня,
И первый треск невинных хворостинок,
И первый всплеск соснового огня.
А за плечом – товарищ мой крылатый
Опять шепнет: – Терпение, сестра! –
Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра.

Стихотворение создано примерно в 1917-1918 гг. и посвящено Жанне д'Арк. В это время во Франции скрывался ее супруг – белогвардеец Сергей Эфрон и с тем, чтобы быть к нему ближе, Цветаева пишет цикл стихов об этой стране, обращаясь к ее истории.

Личностью Жанны д'Арк поэтесса восхищалась, стремилась быть на нее похожей и, даже, отождествляла себя с ней: «…И я вошла, и я сказала: – Здравствуй!..». В произведении кратко рассказывается история этой легендарной женщины-воительницы: «…Пора, король, во Францию, домой! И я опять веду тебя на царство…». При этом, Цветаева себя называет славянским вариантом имени Жанна – Иоанна: «…Чтоб Иоанна разлюбила – голос, Чтоб Иоанна разлюбила – меч…». Такое громкое сравнение не случайно, ведь и самой поэтессе приходилось сражаться за право оставаться самой собой, творить, любить. А в особенно тяжкие периоды жизни ей приходилось бороться за собственную жизнь и свободу.

Эпилог стихотворения: «… – Все будет вновь: последний взор коня, И первый треск невинных хворостинок, И первый всплеск соснового огня…» является пророческим для самой Цветаевой, только ее эшафотом будет не костер, а самоубийство – как акт доведенной до совершенного отчаяния воительницы.

Глаза

Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зеленые – соленые –
Крестьянские глаза!
Была бы бабою простой,
Всегда б платили за постой
Всё эти же – веселые –
Зеленые глаза.
Была бы бабою простой,
От солнца б застилась рукой,
Качала бы – молчала бы,
Потупивши глаза.
Шел мимо паренек с лотком…
Спят под монашеским платком
Смиренные – степенные –
Крестьянские глаза.
Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза…
Что видели – не выдадут
Крестьянские глаза!

Стихотворение написано в 1918 году и посвящено осмыслению жизни простых крестьян. Именно в этот период они особенно сильно наводнили город, спасаясь от ужасов революции и голода на селе. И именно тогда Цветаева задумалась об их образе жизни, ведь до этого дочь интеллигентных московских родителей никогда не встречалась с ними так близко.

Поэтесса использует прием переноса и не всегда понятно о ком она говорит: о крестьянах или о себе, ведь у нее самой были зеленые глаза. Она, скорее, приравнивает себя с ними перед лицом общей беды: «…Привычные к степям – глаза, Привычные к слезам – глаза, Зеленые – соленые – Крестьянские глаза!..». Пытается поставить себя на их место: «…Была бы бабою простой…», но одновременно и отгораживается от них: «…Всегда б платили за постой Всё эти же – веселые – Зеленые глаза…» – признавая, что сама она не может заплатить за себя лишь взглядом прекрасных глаз. Об этом противопоставлении говорит и строчка: «…Качала бы – молчала бы, Потупивши глаза…» – знак покорности, безропотности, но сослагательное наклонение говорит об обратном – она не крестьянка и никогда покорной не

будет, как никогда и не замолчит.

Кольцевая структура стиха – начинается и заканчивается одними и теми же строчками: «…Привычные к степям – глаза, Привычные к слезам – глаза…» призвана привлечь внимание читателя именно к глазам людей как показателю настоящих душевных переживаний, не случайно их называют «зеркалом души». В них поэтесса видит истинное страдание, безнадегу и отчаяние, но признает, что рассказывают люди об этом очень неохотно и только самым близким: «…Что видели – не выдадут Крестьянские глаза!» как не расскажет об этом и она сама.

Никто ничего не отнял!..

О. Э. Мандельштаму

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих верст.
Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!
На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь,
Юный ли взгляд мой тяжел?
Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед…
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

Стихотворение создано в 1916 году и посвящено О.Э. Мандельштаму. Они познакомились в 1915 году в Коктебеле, но особенно тесная дружба-влюбленность между ними продлилась с февраля по июнь 1916 года. Именно в этот период они посвятили друг другу множество стихов. Сложно сказать были ли там серьезные чувства, но вскоре молодые люди разбежались и каждый продолжил жить своей жизнью.

Несомненно, они восхищались друг другом. В частности, Цветаева его сравнивает с молодым Державиным: «…Что вам, молодой Державин, Мой невоспитанный стих!..» и даже признавала себя не такой талантливой как он: «…Я знаю, наш дар – неравен, Мой голос впервые – тих…». Вместе с тем, она понимает, что как две яркие творческие личности, они не смогли бы быть вместе: «…Мне сладостно, что мы врозь. Целую Вас – через сотни Разъединяющих верст…». Эту строчку можно трактовать и иначе, ведь известно, что именно Осип Эмильевич был инициатором расставания и поэтесса его здесь как бы отпускает. Она понимает также, что жизненный путь по-настоящему талантливого человека не может быть простым, поэтому пишет: «…На страшный полет крещу Вас: Лети, молодой орел!..».

Кольцевая структура стиха говорит о том, что даже несмотря на то, что они не смогли быть вместе, она его никогда не забудет, он навечно в ее душе и она всегда будет вспоминать его с нежностью: «…Нежней и бесповоротней Никто не глядел Вам вслед…», даже спустя годы: «…Целую Вас – через сотни Разъединяющих лет».

Стихи разных лет

«Не смейтесь вы над юным поколеньем!..»

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра…

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, –
Ведь каждый из бойцов – герой!
Гордитесь юным поколеньем!

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров…
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров-детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

«Проснулась улица. глядит, усталая…»

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.

Покрыты инеем деревья черные, –
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это – сон!

Лесное царство

Асе

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на все…
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаше берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной – луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, –
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть – на лету!

В зале

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала…
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица, –
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть.

Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни л.
Мы знаем, мы многое знаем
Того. что не знают они!

Мирок

Дети – это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети – это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети – это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блестки фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети – это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кроватки трепетный обет,
Дети – это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

«Месяц высокий над городом лег…»

Месяц высокий над городом лег,
Грезили старые зданья…
Голос ваш был безучастно-далек:
– «Хочется спать. До свиданья».
Были друзья мы иль были враги?
Рук было кратко пожатье,
Сухо звучали по камню шаги
В шорохе длинного платья.
Что-то мелькнуло, – знакомая грусть,
– Старой тоски переливы…
Хочется спать Вам? И спите, и пусть
Сны Ваши будут красивы;
Пусть не мешает анализ больной
Вашей уютной дремоте.
Может быть в жизни Вы тоже покой
Муке пути предпочтете.
Может быть Вас не захватит волна,
Сгубят земные соблазны, –
В этом тумане так смутно видна
Цель, а дороги так разны!
Снами отрадно страдания гнать,
Спящим не ведать стремленья,
Только и светлых надежд им не знать,
Им не видать возрожденья,
Им не сложить за мечту головы, –
Бури – герои достойны!
Буду бороться и плакать, а Вы
Спите спокойно!

В Кремле

Там, где мильоны звезд-лампадок
Горят пред ликом старины,
Где звон вечерний сердцу сладок,
Где башни в небо влюблены;
Там, где в тени воздушных складок
Прозрачно-белы бродят сны –
Я понял смысл былых загадок,
Я стал поверенным луны.

В бреду, с прерывистым дыханьем,
Я все хотел узнать, до дна:
Каким таинственным страданьям
Царица в небе предана
И почему к столетним зданьям
Так нежно льнет, всегда одна…
Что на земле зовут преданьем, –
Мне все поведала луна.

В расшитых шелком покрывалах,
У окон сумрачных дворцов,
Я увидал цариц усталых,
В глазах чьих замер тихий зов.
Я увидал, как в старых сказках,
Мечи, венец и древний герб,
И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп.

О, сколько глаз из этих окон
Глядели вслед ему с тоской,
И скольких за собой увлек он
Туда, где радость и покой!
Я увидал монахинь бледных,
Земли отверженных детей,
И в их молитвах заповедных
Я уловил пожар страстей.
Я угадал в блужданьи взглядов:
– «Я жить хочу! На что мне Бог?»
И в складках траурных нарядов
К луне идущий, долгий вздох.

Скажи, луна, за что страдали

Они в плену своих светлиц?
Чему в угоду погибали
Рабыни с душами цариц,
Что из глухих опочивален
Рвались в зеленые поля?
– И был луны ответ печален
В стенах угрюмого Кремля.

У гробика

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, видавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка…
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грези, никто не тревожит,
Грози меж лилий…

Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

Не нам судить, не нам винить…
Нельзя за тайну ненавидеть.

В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна, от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.
Не знаем мы, где верный путь,
И не судить, а плакать надо.

Эпитафия

Л. А. Т.

На земле

– «Забилась в угол, глядишь упрямо…
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
– «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!»

Последнее слово

О будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой как ты нельзя обидеть:
Суровый звук – порвется нить!

В земле

– «Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
– «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!»

Над землей

– «Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?»
– «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!»

Даме с камелиями

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд…
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской…
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо…

О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Все в любви. Спи с миром, Маргарита…
Все в любви… Любила – спасена!

Жертвам школьных сумерок

Милые, ранние веточки,
Гордость и счастье земли,
Деточки, грустные деточки,
О, почему вы ушли?

Думы смущает заветные
Ваш неуслышанный стон.
Сколько-то листья газетные
Кроют безвестных имен!..
Губы, теперь онемелые,
Тихо шепнули: «Не то…»
Смерти довериться, смелые,
Что вас заставило, что?
Ужас ли дум неожиданных,
Душу зажегший вопрос,
Подвигов жажда ль невиданных,
Или предчувствие гроз, –
Спите в покое чарующем!
Смерть хороша – на заре!
Вспомним о вас на пирующем,
Бурно-могучем костре.
– Правы ли на смерть идущие?
Вечно ли будет темно?
Это узнают грядущие,
Нам это знать – не дано.

Сереже

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жаля.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха,
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!»

О, зови, зови сильней ее!
О земле, где все – одна тревога
И о том, как дивно быть у Бога,
Все скажи, – ведь дети знают все!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа…
Ты ушел… Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

Дортуар весной

Анне Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье средь спящих.
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар – как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожиданья,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинны, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок…» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо…
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весною теплица?

Первое путешествие

– «Плывите!» молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пена,
Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.

Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей,
Печальных глаз и рощ лимонных.

Мы плыли мимо берегов,
Где зеленеет Пальма Мира,
Где из спокойных жемчугов
Дворцы, а башни из сапфира.

Исчез последний снег зимы,
Нам цвел душистый снег магнолий.
Куда летим? Не знали мы!
Да и к чему? Не все равно ли?

Тянулись гибкие цветы,
Как зачарованные змеи,
Из просветленной темноты
Мигали хитрые пигмеи…

Последний луч давно погас,
В краях последних тучек тая,
Мелькнуло облачко-Пегас,
И рыб воздушных скрылась стая,

И месяц меж стеблей травы
Мелькнул в воде, как круг эмали…
Он был так близок, но, увы –
Его мы в сети не поймали!

Под пестрым зонтиком чудес,
Полны мечтаний затаенных,
Лежали мы и страх исчез
Под взором чьих-то глаз зеленых.

Лилось ручьем на берегах

Вино в хрустальные графины,
Служили нам на двух ногах
Киты и грузные дельфины…

Вдруг – звон! Он здесь! Пощады нет!
То звон часов протяжно-гулок!
Как, это папин кабинет?
Диван? Знакомый переулок?

Уж утро брезжит! Боже мой!
Полу во сне и полу-бдея
По мокрым улицам домой
Мы провожали Чародея.

Второе путешествие

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами…
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть… – отворяй же скорей
Тайным знаком серебряной палочки! –
Там фонтаны из слез матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть –
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

Летом

– «Ася, поверьте!» и что-то дрожит
В Гришином деланном басе.
Ася лукава и дальше бежит…
Гриша – мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
Клонятся трепетной нишей…
Гриша глаза вытирает тайком,
Ася – смеется над Гришей!

Самоубийство

Был вечер музыки и ласки,
Все в дачном садике цвело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло!
Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял – жестом злого жезла
Ее колдун увлек туда.
Рыдала с дальней дачи флейта
В сияньи розовых лучей…
Он понял – прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей.
Он крикнул: «Мама!», вновь и снова,
Потом пробрался, как в бреду,
К постельке, не сказав ни слова
О том, что мамочка в пруду.
Хоть над подушкою икона,
Но страшно! – «Ах, вернись домой!»
…Он тихо плакал. Вдруг с балкона
Раздался голос: «Мальчик мой!»

В изящном узеньком конверте
Нашли ее «прости»: «Всегда
Любовь и грусть – сильнее смерти».
Сильнее смерти… Да, о да!..

Вокзальный силуэт

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтенная страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
(Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни…
Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я все пойму, что неприглядно…
Но ошибаться – так отрадно!
Но ошибиться – так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить вас – такой.

«Как простор наших горестных нив…»

Как простор наших горестных нив,
Вы окутаны грустною дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди схоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи – ни против, ни за…

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольно, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блестки,
Замирает и лучший мотив…

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая…
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

Нине

К утешениям друга-рояля
Ты ушла от излюбленных книг.
Чей-то шепот в напевах возник,
Беспокоя тебя и печаля.

Те же синие летние дни,
Те же в небе и звезды и тучки…
Ты сомкнула усталые ручки,
И лицо твое, Нина, в тени.

Словно просьбы застенчивой ради,
Повторился последний аккорд.
Чей-то образ из сердца не стерт!..
Все как прежде: портреты, тетради,

Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий…
В тихих комнатках маленькой дачи
Все как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена…
Здесь, в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там. на Оке.

Пусть меж нами молчанья равнина
И запутанность сложных узлов.
Есть напевы, напевы без слов,
О любимая, дальняя Нина!

В париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде все пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

В шенбрунне

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
«Марсельеза! Трон!.. В Париже…»

Буквы ринулись с страниц,
Строчка – полк. Запели трубы…
Капли падают с ресниц,
«Вновь с тобой я!» шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

…Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
– «Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!»

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем объятый.
«Что рокочет там, меж чащ?
Море, что ли?» – «Сын, – солдаты!»

– «О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, –
Это рай?» – «Мой сын – Париж!»
– «А над ним склонилась?» – «Слава».

В ярком блеске Тюилери,

Развеваются знамена.
– «Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!»

Барабаны, звуки струн,
Все в цветах… Ликуют дети…
Все спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

Камерата

«Au moment ou je me disposals a monter l'escalier, voila qu'une femme, envelopee dans un manteau, me saisit vivement la main et l'embrassa».

Prokesh-Osten. «Mes relations avec le due de Reichstadt».

Его любя сильней, чем брата,
– Любя в нем род, и трон, и кровь, –
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
Без пенья хора, мирт и лент,
Рука с рукой вошла с ним рядом
В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чащ!
Друг другу вняли – без обета
Мундир как снег и черный плащ.

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной – ты,
Он – в ореоле светлых прядей,

И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас – дремала кровь.
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

Расставание

Твой конь, как прежде, вихрем скачет
По парку позднею порой…
Но в сердце тень, и сердце плачет,
Мой принц, мой мальчик, мой герой.
= = =
Мне шепчет голос без названья:
– «Ах, гнета грезы – не снести!»
Пред вечной тайной расставанья
Прими, о принц, мое прости.
= = =
О сыне Божьем эти строфы:
Он, вечно-светел, вечно-юн,
Купил бессмертье днем Голгофы,
Твоей Голгофой был Шенбрунн.
= = =
Звучали мне призывом Бога
Твоих крестин колокола…
Я отдала тебе – так много!
Я слишком много отдала!
= = =
Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай…
Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!
= = =
Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь…
Прощай, мой герцог светлокудрый,
Моя великая любовь!

Колдунья

Я – Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой – хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, –
Я призрачных эльфов сестра…
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер – ничей…
Я сон твой. О рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: «Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи речи позор.
Колдунья лукава, как зверь!»
– Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

Асе

Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!
Ждет тебя моря волна изумрудная,
Всплеск голубого весла,
Жить нашей жизнью подпольною, трудною
Ты не смогла.
Что же, иди, коль борьба наша мрачная
В наши ряды не зовет,
Если заманчивей влага прозрачная,
Чаек сребристых полет!
Солнцу горячему, светлому, жаркому
Ты передай мой привет.
Ставь свой вопрос всему сильному, яркому –
Будет ответ!
Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!

(Шуточное стихотворение)

Придет весна и вновь заглянет
Мне в душу милыми очами,
Опять на сердце легче станет,
Нахлынет счастие – волнами.

Как змейки быстро зазмеятся
Все ручейки вдоль грязных улицев,
Опять захочется смеяться
Над глупым видом сытых курицев.

А сыты курицы – те люди,
Которым дела нет до солнца,
Сидят, как лавочники – пуды
И смотрят в грязное оконце.

Шарманка весной

– «Herr Володя, глядите в тетрадь!»
– «Ты опять не читаешь, обманщик?
Погоди, не посмеет играть
Nimmer mehr этот гадкий шарманщик!»

Золотые дневные лучи
Теплой лаской травку согрели.
– «Гадкий мальчик, глаголы учи!»
– О, как трудно учиться в апреле!..

Наклонившись, глядит из окна
Гувернантка в накидке лиловой.
Fraulein Else сегодня грустна,
Хоть и хочет казаться суровой.

В ней минувшие грезы свежат
Эти отклики давних мелодий,
И давно уж слезинки дрожат
На ресницах больного Володи.

Инструмент неуклюж, неказист:
Ведь оплачен сумой небогатой!
Все на воле: жилец-гимназист,
И Наташа, и Дорик с лопатой,

И разносчик с тяжелым лотком,
Что торгует внизу пирожками…
Fraulein Else закрыла платком
И очки, и глаза под очками.

Не уходит шарманщик слепой,
Легким ветром колеблется штора,
И сменяется: «Пой, птичка, пой»
Дерзким вызовом Тореадора.

Fraulein плачет: волнует игра!
Водит мальчик пером по бювару.
– «Не грусти, lieber Junge. – пора
Нам гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!»

– «Я конфет попрошу у Алеши!
Fraulein Else, где черненький мяч?
Где мои, Fraulein Else, калоши?»

Не осилить тоске леденца!
О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

Людовик xvii

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам – вино, тебе – пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!

Не сгнивший плод – цветок неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!

Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.

Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.

Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют…
И ты простер слабеющие руки
Туда наверх, где странникам – приют.

На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льем,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься – королем.

На скалах

Он был синеглазый и рыжий,
(Как порох во время игры!)
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он – мой!» – «Нет – он мой!» – «Почему ж?»
Володя решает: «Вы обе!
Вы – жены, я – турок, ваш муж».

Забыто, что в платьицах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»
– «Домой! Ася, Муся, Володя!»
– Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим – как взрослые – трубки,
Мы – воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, – о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
– Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

Дама в голубом

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.
Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно… Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.
Эрик задумчив: – «Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю… О Боже… О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!»
Молвил – и видит: из сумрачных чащ
Дама идет через луг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительный рук;
Резвый поток золотистых кудрей
Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрей,
Вот уж склонилась над ним.
– «Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!»
Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.
Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн…
Эрик очнулся. Вокруг – никого,
Только барашки и он.
В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом…
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

В ouchy

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

– «Все в знаньи, скажут вам науки,
Не знаю… Сказки – хороши!»
О эти медленные звуки,
О эта музыка в Ouchy!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

Акварель

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

Сказочный Шварцвальд

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге –
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.
Здесь лишь лани бродят, скачут белки…
Пенье птиц… Жужжание пчелы…

Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры
С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься – ветхая старушка
Выйдет, щурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, –
Это Waldfrau, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случалося на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.

Будешь радость видеть в каждом миге,
Все поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, –
Темный Шварцвальд сказками богат!

Как мы читали «Lichtenstein»

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятье
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих – мой герой, а Георг – Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня – милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямы,
Там, на солнце, нежен лик Христа…

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

Отъезд

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень, осень!
Мы уезжаем. Боже, как всегда
Отъезд сердцам желанен и несносен!

Чуть вдалеке раздастся стук колес, –
Четыре вздрогнут детские фигуры.
Глаза Марилэ не глядят от слез,
Вздыхает Карл, как заговорщик, хмурый.

Мы к маме жмемся: «Ну зачем отъезд?
Здесь хорошо!» – «Ах, дети, вздохи лишни».
Прощайте, луг и придорожный крест,
Дорога в Хорбен… Вы, прощайте, вишни,

Что рвали мы в саду, и сеновал,
Где мы, от всех укрывшись, их съедали…
(Какой-то крик… Кто звал? Никто не звал!)
И вы, Шварцвальда золотые дали!

Марилэ пишет мне стишок в альбом,
Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы!
Хлопочет мама; в платье голубом
Мелькает Ася с Карлом там, у ивы.

О на крыльце последний шепот наш!
О этот плач о промелькнувшем лете!
Какой-то шум. Приехал экипаж.
– «Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!»

– «Марилэ, друг, пиши мне!» Ах, не то!
Не это я сказать хочу! Но что же?
– «Надень берет!» – «Не раскрывай пальто!»
– «Садитесь, ну?» и папин голос строже.

Букет сует нам Асин кавалер,
Сует Марилэ плитку шоколада…
Последний миг… – «Nun, kann es losgehn, Herr?»[1]
Погибло все. Нет, больше жить не надо!

Мы ехали. Осенний вечер блек.

Мы, как во сне, о чем-то говорили…
Прощай, наш Карл, шварцвальдский паренек!
Прощай, мой друг, шварцвальдская Марилэ!

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам бывало.
– «Уж поздно!» – «Мама, десять строк!»…
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки…
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет… В воздухе свежо…
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры…
Кладбище… Вещий крик совы…
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона…
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы…
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

Инцидент за супом

– «За дядю, за тетю, за маму, за папу»…
– «Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу»…
– «Нельзя баловаться, нельзя, мой пригожий!».
(Уж хочется плакать от злости Сереже.)
– «Не плачь, и на трех он на лапах поскачет».
Но поздно: Сереженька-первенец – плачет!

Разохалась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросает тетради,
Отец опечален: семейная драма!
Волнуется там, перед зеркалом, мама…
– «Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы ждете?»
– «За папу, за маму, за дядю, за тетю»…

Мама за книгой

…Сдавленный шепот… Сверканье кинжала.
– «Мама, построй мне из кубиков домик!»
Мама взволнованно к сердцу прижала
Маленький томик.

…Гневом глаза загорелись у графа:
«Здесь я, княгиня, по благости рока!»
– «Мама, а в море не тонет жирафа?»
Мама душою – далеко!

– «Мама, смотри: паутинка в котлете!»
В голосе детском упрек и угроза.
Мама очнулась от вымыслов: дети –
Горькая проза!

Пробужденье

Холодно в мире! Постель
Осенью кажется раем.
Ветром колеблется хмель,
Треплется хмель над сараем;
Дождь повторяет: кап-кап,
Льется и льется на дворик…
Свет из окошка – так слаб!
Детскому сердцу – так горек!
Братец в раздумий трет
Сонные глазки ручонкой:
Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и таз
В темном углу – наготове.
Холодно! Кукла без глаз
Мрачно нахмурила брови:
Куколке солнышка жаль!
В зале – дрожащие звуки…
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки.

Утомленье

Жди вопроса, придумывай числа…
Если думать – то где же игра?
Даже кукла нахмурилась кисло…
Спать пора!

В зале страшно: там ведьмы и черти
Появляются все вечера.
Папа болен, мама в концерте…
Спать пора!

Братец шубу надел наизнанку,
Рукавицы надела сестра,
– Но устанешь пугать гувернантку…
Спать пора!

Ах, без мамы ни в чем нету смысла!
Приуныла в углах детвора,
Даже кукла нахмурилась кисло…
Спать пора!

Баловство

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча,
(Плакать смешно и стараться!)
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама…
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце…

Лучший союз

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
– «С ним-лишь на небе!» – «Здесь – не с ней!»
Уж с колыбельных нежных дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,
Но ваши встречи – только муки,
И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!
Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни – только тени.

Сара в версальском монастыре

Голубей над крышей вьется пара,
Засыпает монастырский сад.
Замечталась маленькая Сара
На закат.

Льнет к окну, лучи рукою ловит,
Как былинка нежная слаба,
И не знает крошка, что готовит
Ей судьба.

Вся застыла в грезе молчаливой,
От раздумья щечки розовей,
Вьются кудри золотистой гривой
До бровей.

На губах улыбка бродит редко,
Чуть звенит цепочкою браслет, –
Все дитя как будто статуэтка
Давних лет.

Этих глаз синее не бывает!
Резкий звук развеял пенье чар:
То звонок воспитанниц сзывает
В дортуар.

Подымает девочку с окошка,
Как перо, монахиня-сестра.
Добрый голос шепчет: «Сара-крошка,
Спать пора!»

Село солнце в медленном пожаре,
Серп луны прокрался из-за туч,
И всю ночь легенды шепчет Саре
Лунный луч.

Маленький паж

Этот крошка с душой безутешной
Был рожден, чтобы рыцарем пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потешной,
Как наивные драмы,
Эту детскую страсть.

Он мечтал о погибели славной,
О могуществе гордых царей
Той страны, где восходит светило.
Но она находила забавной
Эту мысль и твердила:
– «Вырастай поскорей!»

Он бродил одинокий и хмурый
Меж поникших, серебряных трав,
Все мечтал о турнирах, о шлеме…
Был смешон мальчуган белокурый
Избалованный всеми
За насмешливый нрав.

Через мостик склонясь над водою,
Он шепнул (то последний был бред!)
– «Вот она мне кивает оттуда!»
Тихо плыл, озаренный звездою,
По поверхности пруда
Темно-синий берет.

Этот мальчик пришел, как из грезы,
В мир холодный и горестный наш.
Часто ночью красавица внемлет,
Как трепещут листвою березы
Над могилой, где дремлет
Ее маленький паж.

Встреча

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри… Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной –
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Новолунье

Новый месяц встал над лугом,
Над росистою межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж… Милый, дальний… Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Эпитафия

Тому, кто здесь лежит под травкой вешней,
Прости, Господь, злой помысел и грех!
Он был больной, измученный, нездешний,
Он ангелов любил и детский смех.

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть…
Во всех грехах он был – ребенок нежный,
И потому – прости ему, Господь!

В сумерках

(На картину «Au Crepouscule» Paul Chabas[2] в Люксембургском музее)

Клане Макаренко

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны
Мерные всплески весла.
Вся – как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод расцвела.
Сумеркам – верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети – безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала…
Мама с балкона домой позвала
Девочку цвета луны.

Эльфочка в зале

Ане Калин

Запела рояль неразгаданно-нежно
Под гибкими ручками маленькой Ани.
За окнами мчались неясные сани,
На улицах было пустынно и снежно.

Воздушная эльфочка в детском наряде
Внимала тому, что лишь эльфочкам слышно.
Овеяли тонкое личико пышно
Пушистых кудрей беспокойные пряди.

В ней были движенья таинственно-хрупки.
– Как будто старинный портрет перед вами!
От дум, что вовеки не скажешь словами,
Печально дрожали капризные губки.

И пела рояль, вдохновеньем согрета,
О сладостных чарах безбрежной печали,
И души меж звуков друг друга встречали,
И кто-то светло улыбался с портрета.

Внушали напевы: «Нет радости в страсти!
Усталое сердце, усни же, усни ты!»
И в сумерках зимних нам верилось власти
Единственной, странной царевны Аниты.

Памяти нины джаваха

Всему внимая чутким ухом,
– Так недоступна! Так нежна! –
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар…

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые – ручки, лобик,
На бледном личике – вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось…
Вокруг лампады, образа…
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье – лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар…
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги

Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Сестры

«Car tout n'est que reve, o ma soeur!».[3]

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
Они вдвоем шепнули: «Ах!»…
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе… обе…

Сквозь сон ответил он: Люблю я!..
Раскрыл объятья – зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

23-30 декабря 1909

На прощанье

Mein Herz tragt schwere Ketten
Die Du mir angelegt.
Ich mocht' mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer tragt[4]

Франкфуртская песенка.

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытуя, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая, –
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду – твоя.

Ты все мне поведал – так рано!
Я все разгадала – так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижен под сенью
Моих опустившихся век…
Темнеет… Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи…
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного – и навек!

4-9 января 1910

«Мое сердце в тяжелых оковах…»

«Мое сердце в тяжелых оковах,
которыми ты его опутал.
Клянусь жизнью,
ни у кого нет цепей тяжелее.»

Perpetuum mobile

Как звезды меркнут понемногу
В сияньи солнца золотом,
К нам другу друг давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
– И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
– И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг…
Вдруг за лампадой – блеск ракеты!
За проповедником – шутник!
– И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

Следующему

Quasi una fantasia[5].

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явленье,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь – удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»
– С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком – дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий…
В небе алмазы…
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

Мама в саду

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени…

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, –
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело…
Льнут к ней травы вплоть.
– Пальцы только мнут гвоздику. –

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
– «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
– Только там, за домом, тени.

Луч серебристый

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

Мама на лугу

Вы бродили с мамой на лугу
И тебе она шепнула: «Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!»

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Все цвело и пело в вечер мая…
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.

Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи,
Зашептала мама в горьком плаче:
«Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе,
До конца лишь сердце нам закон!»

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака.

Втроем

– «Мы никого так»…
– «Мы никогда так»…
– «Ну, что же? Кончайте»…

27-го декабря 1909 г.

Горькой расплаты, забвенья ль вино, –
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева – к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большего знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах…

Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.
Как неизведано утро встречать
В детской, прижавшись, втроем…

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне…
О, какой сладкий обман!

Мука́ и му́ка

– «Все перемелется, будет мукой!»
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше мукой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше мукой!

Каток растаял

…«но ведь есть каток»…
Письмо 17 января 1910 г.

Каток растаял… Не услада
За зимней тишью стук колес.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.

Зимою грусть была едина…
Вдруг новый образ встанет… Чей?
Душа людская – та же льдина
И так же тает от лучей.

Пусть в желтых лютиках пригорок!
Пусть смел снежинку лепесток!
– Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток…

Встреча

…«есть встречи случайные»…
Из дорогого письма.

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел – так нежданно! так спешно! –
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму…
Все кругом покупали цветочки,
Мы купили букетик… К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

Бывшему чародею

Вам сердце рвет тоска, сомненье в лучшем сея.
– «Брось камнем, не щади! Я жду, больней ужаль!»
Нет, ненавистна мне надменность фарисея,
Я грешников люблю, и мне вас только жаль.

Стенами темных слов, растущими во мраке,
Нас, нет, – не разлучить! К замкам найдем ключи
И смело подадим таинственные знаки
Друг другу мы, когда задремлет все в ночи.

Свободный и один, вдали от тесных рамок,
Вы вновь вернетесь к нам с богатою ладьей,
И из воздушных строк возникнет стройный замок,
И ахнет тот, кто смел поэту быть судьей!

– «Погрешности прощать прекрасно, да, но эту –
Нельзя: культура, честь, порядочность… О нет».
– Пусть это скажут все. Я не судья поэту,
И можно все простить за плачущий сонет!

Чародею

Рот как кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая…
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.

Над тобою и днем не слабели
В дальнем детстве сказанья ночей,
Оттого ты с рожденья – ничей,
Оттого ты любил – с колыбели.

О, как многих любил ты, поэт:
Темноких, светло-белокурых,
И надменных, и нежных, и хмурых,
В них вселяя свой собственный бред.

Но забвение, ах, на груди ли?
Есть ли чары в земных голосах?
Исчезая, как дым в небесах,
Уходили они, уходили.

Вечный гость на чужом берегу,
Ты замучен серебряным рогом…
О, я знаю о многом, о многом,
Но откуда-сказать не могу.

Оттого тебе искры бокала
И дурман наслаждений бледны:
Ты возлюбленный Девы-Луны,
Ты из тех, что Луна приласкала.

В чужой лагерь

«Да, для вас наша жизнь действительно в тумане».

Разговор 20-го декабря 1909 г.

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман…
Для нас безумные объятья
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом – смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те –
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны – в темноте!

Нас вальс и вечер – все тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить…
Неотвратимого не может,
Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, вешний запах,
Оркестра пение вдали –
И мы со вздохом в темных лапах,
Сожжем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: «Милый!»
Что будет розовым закат.

Анжелика

Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я – Анжелика.

Тихое пенье звучит в унисон,
Окон неясны разводы,
Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.

Взор мой и в детстве туда ускользал,
Он городами измучен.
Скучен мне говор и блещущий зал,
Мир мне – так скучен!

Кто-то пред Девой затеплил свечу,
(Ждет исцеленья ль больная?)
Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я – иная.

Сладостна слабость опущенных рук,
Всякая скорбь здесь легка мне.
Плющ темнолиственный обнял как друг
Старые камни;

Бело и розово, словно миндаль,
Здесь расцвела повилика…
Счастья не надо. Мне мира не жаль:
Я – Анжелика.

Добрый колдун

Все видит, все знает твой мудрый зрачок,
Сердца тебе ясны, как травы.
Зачем ты меж нами, лесной старичок,
Колдун безобидно-лукавый?

Душою до гроба застенчиво-юн,
Живешь, упоен небосводом.
Зачем ты меж нами, лукавый колдун,
Весь пахнущий лесом и медом?

Как ранние зори покинуть ты мог,
Заросшие маком полянки,
И старенький улей, и серый дымок,
Встающий над крышей землянки?

Как мог променять ты любимых зверей,
Свой лес, где цветет Небылица,
На мир экипажей, трамваев, дверей,
На дружески-скучные лица?

Вернись: без тебя не горят светляки,
Не шепчутся темные елки,
Без ласково-твердой хозяйской руки
Скучают мохнатые пчелки.

Поверь мне: меж нами никто не поймет,
Как сладок черемухи запах.
Не медли, а то не остался бы мед
В невежливых мишкиных лапах!

Кто снадобье знает, колдун, как не ты,
Чтоб вылечить зверя иль беса?
Уйди, старичок, от людской суеты
Под своды родимого леса!

Потомок шведских королей

О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, –
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.

Мой славный род – моя отрава!
Я от тоски сгораю – весь!
Падите ниц: пред вами здесь
Потомок славного Густава.

С надменной думой на лице
В своем мирке невинно-детском
Я о престоле грезил шведском,
О войнах, казнях и венце.

В моих глазах тоской о чуде
Такая ненависть зажглась,
Что этих слишком гневных глаз,
Не вынося, боялись люди.

Теперь я бледен стал и слаб,
Я пленник самой горькой боли,
Я призрак утренний – не боле…
Но каждый враг мне, кто не раб!

Вспоен легендой дорогою,
Умру, легенды паладин,
И мой привет для всех один:
«Ты мог бы быть моим слугою!»

Недоумение

Как не стыдно! Ты, такой не робкий,
Ты, в стихах поющий новолунье,
И дриад, и глохнущие тропки, –
Испугался маленькой колдуньи!

Испугался глаз ее янтарных,
Этих детских, слишком алых губок,
Убоявшись чар ее коварных,
Не посмел испить шипящий кубок?

Был испуган пламенной отравой
Светлых глаз, где только искры видно?
Испугался девочки кудрявой?
О, поэт, тебе да будет стыдно!

Обреченная

Бледные ручки коснулись рояля
Медленно, словно без сил.
Звуки запели, томленьем печаля.
Кто твои думы смутил,
Бледная девушка, там, у рояля?

Тот, кто следит за тобой,
– Словно акула за маленькой рыбкой –
Он твоей будет судьбой!
И не о добром он мыслит с улыбкой,
Тот, кто стоит за тобой.

С радостным видом хлопочут родные:
Дочка – невеста! Их дочь!
Если и снились ей грезы иные, –
Грезы развеются в ночь!
С радостным видом хлопочут родные.

Светлая церковь, кольцо,
Шум, поздравления, с образом мальчик.
Девушка скрыла лицо,
Смотрит с тоскою на узенький пальчик,
Где загорится кольцо.

«На солнце, на ветер, на вольный простор…»

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!
Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком прохожем судью.
Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шаля,
Из кружек больших молоко.
О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;
Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалунья, ты здесь без стыда
В красивые губы целуй!
Кто юному счастью прошепчет укор?
Кто скажет: «Пора!» забытью?
– На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

От четырех до семи

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной – и с людьми…
Медленно тянется день
От четырех до семи!
К людям не надо – солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь – прощу,
Только меня не томи!
– Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

Волей луны

Мы выходим из столовой
Тем же шагом, как вчера:
В зале облачно-лиловой
Безутешны вечера!
Здесь на всем оттенок давний,
Горе всюду прилегло,
Но пока открыты ставни,
Будет облачно-светло.
Всюду ласка легкой пыли.
(Что послушней? Что нежней?)
Те, ушедшие, любили
Рисовать ручонкой в ней.
Этих маленьких ручонок
Ждут рояль и зеркала.
Был рояль когда-то звонок!
Зала радостна была!
Люстра, клавиш – все звенело,
Увлекаясь их игрой…
Хлопнул ставень – потемнело,
Закрывается второй…
Кто там шепчет еле-еле?
Или ведоме не мертво?
Это струйкой льется в щели
Лунной ночи колдовство.
В зеркалах при лунном свете
Снова жив огонь зрачков,
И недвижен на паркете
След остывших башмачков.

Rouge et bleue

Девочка в красном и девочка в синем
Вместе гуляли в саду.
– «Знаешь, Алина, мы платьица скинем,
Будем купаться в пруду?».
Пальчиком тонким грозя,
Строго ответила девочка в синем:
– «Мама сказала – нельзя».
= = = =
Девушка в красном и девушка в синем
Вечером шли вдоль межи.
– «Хочешь, Алина, все бросим, все кинем,
Хочешь, уедем? Скажи!»
Вздохом сквозь вешний туман
Грустно ответила девушка в синем:
– «Полно! ведь жизнь – не роман»…
= = =
Женщина в красном и женщина в синем
Шли по аллее вдвоем.
– «Видишь, Алина, мы блекнем, мы стынем
Пленницы в счастье своем»…
С полуулыбкой из тьмы
Горько ответила женщина в синем:
– «Что же? Ведь женщины мы!»

Столовая

Столовая, четыре раза в день
Миришь на миг во всем друг друга чуждых.
Здесь разговор о самых скучных нуждах,
Безмолвен тот, кому ответить лень.

Все неустойчиво, недружелюбно, ломко,
Тарелок стук… Беседа коротка:
– «Хотела в семь она придти с катка?»
– «Нет, к девяти», – ответит экономка.

Звонок. – «Нас нет: уехали, скажи!»
– «Сегодня мы обедаем без света»…
Вновь тишина, не ждущая ответа;
Ведут беседу с вилками ножи.

– «Все кончили? Анюта, на тарелки!»
Враждебный тон в негромких голосах,
И все глядят, как на стенных часах
Одна другую догоняют стрелки.

Роняют стул… Торопятся шаги…
Прощай, о мир из-за тарелки супа!
Благодарят за пропитанье скупо
И вновь расходятся – до ужина враги.

Пасха в апреле

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, догорая,
С улицы фраз отголоски…
Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, внешняя зорька,
Волны пасхального звона…
Вот у соседей заплакал так горько
Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни…
Многое было, ах, многое было…
Прошлое, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно… Лучи догорели…
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Сказки соловьева

О, эта молодость земная!
Все так старо – и все так ново!
У приоткрытого окна я
Читаю сказки Соловьева.

Я не дышу – в них все так зыбко!
Вдруг вздохом призраки развею?
Неосторожная улыбка
Спугнет волшебника и фею.

Порою смерть – как будто ласка,
Порою жить – почти неловко!
Блаженство в смерти, Звездоглазка!
Что жизнь, Жемчужная Головка?

Не лучше ль уличного шума
Зеленый пруд, где гнутся лозы?
И темной власти Чернодума
Не лучше ль сон Апрельской Розы?

Вдруг чей-то шепот: «Вечно в жмурки
Играть с действительностью вредно.
Настанет вечер, и бесследно
Растают в пламени Снегурки!

Все сны апрельской благодати
Июльский вечер уничтожит».
– О, ты, кто мудр – и так некстати! –
Я не сержусь. Ты прав, быть может…

Ты прав! Здесь сны не много значат,
Здесь лжет и сон, не только слово…
Но, если хочешь знать, как плачут,
Читай в апреле Соловьева!

Картинка с конфеты

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лед не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет под добрым взглядом мужа!

То кавалеру даст, смеясь, цветок,
То, не смутясь, подсядет к злым старухам,
Твердит о долге, теребя платок.
И страшно мил упрямый завиток
Густых волос над этим детским ухом.

Как сладко жить: удачен туалет,
Прическа сделана рукой искусной,
Любимый муж, успех, семнадцать лет…
Как сладко жить! Вдруг блестки эполет
И чей-то взор неумолимо-грустный.

О, ей знаком бессильно-нежный рот,
Знакомы ей нахмуренные брови
И этот взгляд… Пред ней тот прежний, тот,
Сказавший ей в слезах под Новый Год:
– «Умру без слов при вашем первом слове!»

Куда исчез когда-то яркий гнев?
Ведь это он, ее любимый, первый!
Уж шепчет муж сквозь медленный напев:
– «Да ты больна?» Немного побледнев,
Она в ответ роняет: «Это нервы».

Ricordo di tivoli

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,
Девочка, плача, головку на грудь уронила…
– Грустно и мило! –
Скорбно склоняется к детям столетняя ель.

Темная ель в этой жизни видала так много
Слишком красивых, с большими глазами, детей
Нет путей
Им в нашей жизни. Их счастье, их радость – у Бога

Море синет вдали, как огромный сапфир,
Детские крики доносятся с дальней лужайки,
В воздухе – чайки…
Мальчик играет, а девочке в друге весь мир…

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
Мощная, мудрая, много видавшая ель!
Плачет свирель…
Девочка, плача, головку на грудь уронила.

Берлин, лето 1910

У кроватки

Вале Генерозовой

– «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки»…
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

– «Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела»…
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

– «Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, – и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

– «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг»…
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

– «Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок»…
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

Три поцелуя

– «Какие маленькие зубки!
И заводная! В парике!»
Она смеясь прижала губки
К ее руке.

– «Как хорошо уйти от гула!
Ты слышишь скрипку вдалеке?»
Она задумчиво прильнула
К его руке.

– «Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строим – на песке!»
Она в слезах прижала губы
К своей руке.

Два в квадрате

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестер для них «она»?
Здесь умолкают все укоры, –
Ведь две мы. Ваша ль то вина?

– «Прошел он!» – «Кто из них? Который?
К обоим каждая нежна.
Здесь умолкают все укоры. –
Вас двое. Наша ль то вина?

Связь через сны

Все лишь на миг, что людьми создается.
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье… Забыть бы… Уснуть бы…
Сладость опущенных век…
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Все мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочетал.

Я не молю: «О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему. Боже,
Сон про меня!»

Пусть я при встрече с тобою бледнею,
Как эти встречи грустны!
Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

«Не гони мою память! лазурны края…»

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть! –
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты – майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по легким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть завижу знакомый вдали силуэт, –
Бьется сердце то чаще, то реже…
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы былого напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

Привет из вагона

Сильнее гул, как будто выше – зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз… Мы едем… До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман…
Мой дальний друг, пойми – все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Все тот же смех и блестки тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

Зеленое ожерелье

Целый вечер играли и тешились мы ожерельем
зеленых, до дна отражающих взоры, камней.
Ты непрочную нить потянул слишком сильно,
посыпались камни обильно,
При паденьи сверкая сильней.
Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших трепетных пальцев
Обовьется еще, отдавая нас новым огням.
Нам к сокровищам бездн все дороги открыты,
Наши жадные взоры не сыты,
И ко всем драгоценным камням
Направляем шаги мы с покорностью вечных скитальцев.

Пусть погибла виной одного из движений нежданных
Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить!
Пусть над пламенным прошлым холодные плиты!
Разве сможем мы те хризолиты
Придорожным стеклом заменить?
Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок стеклянных!

«Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?..»

Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?
Все друг друга зовут трепетанием блещущих крыл!
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки,
Но о помнящих душах забыл.

Каждый вечер, зажженный по воле волшебницы кроткой,
Каждый вечер, когда над горами и в сердце туман,
К незабывшей душе неуверенно-робкой походкой
Приближается прежний обман.

Словно ветер, что беглым порывом минувшее будит
Ты из блещущих строчек опять улыбаешься мне.
Все позволено, все! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне…

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муки!
(Будет много блужданий-скитаний средь снега и тьмы!)
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки…
Не ответственны мы!

Плохое оправданье

Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм.
О мучительный стыд за вечернее лишнее слово!
О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш сад из Эдема…
Как влюбленность – старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо – враги!

Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченый,
Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром – мудрец, будет утром – холодный ученый
Тот, кто ночью – поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать на терзанье январскому дню?
Только утро виню я, прошедшему вздох посылая,
Только утро виню!

Предсказанье

– «У вас в душе приливы и отливы!»
Ты сам сказал, ты это понял сам!
О, как же ты, не верящий часам,
Мог осудить меня за миг счастливый?

Что принесет грядущая минута?
Чей давний образ вынырнет из сна?
Веселый день, а завтра ночь грустна…
Как осуждать за что-то, почему-то?

О, как ты мог! О, мудрый, как могли вь
Сказать «враги» двум белым парусам?
Ведь знали вы… Ты это понял сам:
В моей душе приливы и отливы!

Оба луча

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве – любовь, и молитва
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе –
Оба луча!

Детская

Наша встреча была – в полумраке беседа
Полувзрослого с полудетьми.
Хлопья снега за окнами, песни метели…
Мы из детской уйти не хотели,
Вместо сказки не жаждали бреда…
Если можешь – пойми!

Мы любили тебя – как могли, как умели;
Целый сад в наших душах бы мог расцвести,
Мы бы рай увидали воочью!..
Но, испуганы зимнею ночью,
Мы из детской уйти не посмели…
Если можешь – прости!

Разные дети

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, –
Они не играют с огнем.

Есть дети – как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осеня,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
«Огня побоялась – так гибни во мгле!»
Твои обвиненья мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле…
– Мой милый, был так беспощаден твой суд! –
Но все же я сердцем твоя – и во мгле
«За несколько светлых минут!»

Наша зала

Мне тихонько шепнула вечерняя зала
Укоряющим тоном, как няня любовно:
– «Почему ты по дому скитаешься, словно
Только утром приехав с вокзала?
= = =
Беспорядочной грудой разбросаны вещи,
Погляди, как растрепаны пыльные ноты!
Хоть как прежде с покорностью смотришь в
Но шаги твои мерные резче.
= = =
В этом дремлющем доме ты словно чужая,
Словно грустная гостья, без силы к утехам.
Никого не встречаешь взволнованным смехе
Ни о ком не грустишь, провожая.
= = =
Много женщин видала на долгом веку я,
– В этом доме их муки, увы, не случайны! –
Мне в октябрьский вечер тяжелые тайны
Не одна поверяла, тоскуя.
= = =
О, не бойся меня, не противься упрямо:
Как столетняя зала внимает не каждый!
Все скажи мне, как все рассказала однажды
Мне твоя одинокая мама.
= = =
Я слежу за тобою внимательным взглядом,
Облегчи свою душу рассказом нескорым!
Почему не с тобой он, тот милый, с которых
Ты когда-то здесь грезила рядом?»
= = =
– «К смелым душам, творящим лишь страсти веленье,
Он умчался, в моей не дождавшись прилива.
Я в решительный вечер была боязлива,
Эти муки – мое искупленье.
= = =
Этим поздним укором я душу связала,
Как предателя бросив ее на солому,
И теперь я бездушно скитаюсь по дому,
Словно утром приехав с вокзала».

«По тебе тоскует наша зала…»

По тебе тоскует наша зала,
– Ты в тени ее видал едва –
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени тебе я не сказала.
Каждый вечер я скитаюсь в ней,
Повторяя в мыслях жесты, взоры…
На обоях прежние узоры,
Сумрак льется из окна синей;
Те же люстры, полукруг дивана,
(Только жаль, что люстры не горят!)
Филодендронов унылый ряд,
По углам расставленных без плана.
Спичек нет, – уж кто-то их унес!
Серый кот крадется из передней…
Это час моих любимых бредней,
Лучших дум и самых горьких слез.
Кто за делом, кто стремится в гости.
По роялю бродит сонный луч.
Поиграть? Давно потерян ключ!
О часы, свой бой унылый бросьте!
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени услышит только зала.
Я тебе так мало рассказала, –
Ты в тени меня видал едва!

«Ваши белые могилки рядом…»

Ваши белые могилки рядом,
Ту же песнь поют колокола
Двум сердцам, которых жизнь была
В зимний день светло расцветшим садом.

Обо всем сказав другому взглядом,
Каждый ждал. Но вот из-за угла
Пронеслась смертельная стрела,
Роковым напитанная ядом.

Спите ж вы, чья жизнь богатым садом
В зимний день, средь снега, расцвела…
Ту же песнь вам шлют колокола,
Ваши белые могилки – рядом.

«Прости» нине

Прощай! Не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!
Поверь, не хватит наших сил
Для примирительного слова.
Твой нежный образ вечно мил,
Им сердце вечно жить готово, –
Но все ж не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!

Ее слова

– «Слова твои льются, участьем согреты,
Но темные взгляды в былом».
– «Не правда ли, милый, так смотрят портреты,
Задетые белым крылом?»
– «Слова твои – струи, вскипают и льются,
Но нежные губы в тоске».
– «Не правда ли, милый, так дети смеются
Пред львами на красном песке?»

– «Слова твои – песни, в них вызов и силы.
Ты снова, как прежде, бодра»…

– «Так дети бодрятся, не правда ли, милый,
Которым в кроватку пора?»

Сердца и души

Души в нас – залы для редких гостей,
Знающих прелесть тепличных растений.
В них отдыхают от скорбных путей
Разные милые тени.

Тесные келейки – наши сердца.
В них заключенный один до могилы.
В келью мою заточен до конца
Ты без товарища, милый!

Надпись в альбом

Пусть я лишь стих в твоем альбоме,
Едва поющий, как родник;
(Ты стал мне лучшею из книг,
А их немало в старом доме!)
Пусть я лишь стебель, в светлый миг
Тобой, жалеющим, не смятый;
(Ты для меня цветник богатый,
Благоухающий цветник!)
Пусть так. Но вот в полуистоме
Ты над страничкою поник…
Ты вспомнишь все… Ты сдержишь крик.
– Пусть я лишь стих в твоем альбоме!

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов…
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц…
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!

Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

Так будет

Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем взоре,
Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый – не мой!
= = =
Дверь открылась… Морозного ветра струя…
Запах свежести, счастья… Забыты тревоги…
Миг молчанья, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется – не я!
= = =
Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше…
– «Пусть сольются без слов наши души!»
Ты взволнованно шепчешь – не мне!
= = =
– «Сколько книг!.. Мне казалось… Не надо огня:
Так уютней… Забыла сейчас все слова я»…
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой – не меня!

Правда

Vitam impendere vero[6].

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытье…
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!
= = =
Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье…
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?
= = =
Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все…
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

Стук в дверь

Сердце дремлет, но сердце так чутко,
Помнит все: и блаженство, и боль.
Те лучи догорели давно ль?
Как забыть тебя, грустный малютка,
Синеглазый малютка король?
= = =
Ты, как прежде, бредешь чрез аллею,
Неуступчив, надменен и дик;
На кудрях – золотящийся блик…
Я молчу, я смущенно не смею
Заглянуть тебе в гаснущий лик.
= = =
Я из тех, о мой горестный мальчик,
Что с рожденья не здесь и не там.
О, внемли запоздалым мольбам!
Почему ты с улыбкою пальчик
Приложил осторожно к губам?
= = =
В бесконечность ступень поманила,
Но, увы, обманула ступень:
Бесконечность окончилась в день!
Я для тени тебе изменила,
Изменила для тени мне тень.

Счастье

– «Ты прежде лишь розы ценила,
В кудрях твоих венчик другой.
Ты страстным цветам изменила?»
– «Во имя твое, дорогой!»

– «Мне ландышей надо в апреле,
Я в мае топчу их ногой.
Что шепчешь в ответ еле-еле?»
– «Во имя твое, дорогой!»

– «Мне мил колокольчик-бубенчик,
Его я пребуду слугой.
Ты молча срываешь свой венчик?»
– «Во имя твое, дорогой!»

Невестам мудрецов

Над ними древность простирает длани,
Им светит рок сияньем вещих глаз,
Их каждый миг – мучительный экстаз.
Вы перед ними – щепки в океане!
Для них любовь – минутный луч в тумане,
Единый свет немеркнущий – для вас.
= = =
Вы лишь в любви таинственно-богаты,
В ней все: пожар и голубые льды,
Последний луч и первый луч звезды,
Все ручейки, все травы, все закаты!..
– Над ними лик склоняется Гекаты,
Им лунной Греции цветут сады…
= = =
Они покой находят в Гераклите,
Орфея тень им зажигает взор…
А что у вас? Один венчальный флер!
Вяжите крепче золотые нити
И каждый миг молитвенно стелите
Свою любовь, как маленький ковер!

Еще молитва

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленьи завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле…
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастия нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдьи пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу-не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней.

Осужденные

Сестрам Тургеневым

У них глаза одни и те же
И те же голоса.
Одна цветок неживше-свежий,
Другая луч, что блещет реже,
В глазах у третьей – небо. Где же
Такие встретишь небеса?

Им отдала при первой встрече
Я чаянье свое.
Одна глядит, как тают свечи,
Другая вся в капризной речи,
А третьей так поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвием пугая,
Под игом тишины;
Еще изменчива другая,
А третья ждет, изнемогая…
И все, от жизни убегая,
Уже осуждены.

Из сказки в жизнь

Хоть в вагоне темном и неловко,
Хорошо под шум колес уснуть!
Добрый путь. Жемчужная Головка,
Добрый путь!

Никому – с участьем или гневно –
Не позволь в былое заглянуть.
Добрый путь, погибшая царевна,
Добрый путь!

В зеркале книги М. Д.-В.

Это сердце – мое! Эти строки – мои!
Ты живешь, ты во мне, Марселина!
Уж испуганный стих не молчит в забытьи,
И слезами растаяла льдина.

Мы вдвоем отдались, мы страдали вдвоем,
Мы, любя, полюбили на муку!
Та же скорбь нас пронзила и тем же копьем,
И на лбу утомленно-горячем своем
Я прохладную чувствую руку.

Я, лобзанья прося, получила копье!
Я, как ты, не нашла властелина!..
Эти строки – мои! Это сердце – мое!
Кто же, ты или я – Марселина?

Эстеты

Наши встречи, – только ими дышим все мы,
Их предчувствие лелея в каждом миге, –
Вы узнаете, разрезав наши книги.
Все, что любим мы и верим – только темы.

Сновидение друг другу подарив, мы
Расстаемся, в жажде новых сновидений,
Для себя и для другого-только тени,
Для читающих об этом – только рифмы.

Они и мы

Героини испанских преданий
Умирали, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.

Пышность замков, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы, –
Все нас манит, но спросят нас: «Кто ты?»
Мы согнать не сумеем дремоты
И сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.

«Безнадежно-взрослый вы? о, нет!..»

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, –
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети – тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!

Маме

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.

«Курлык»

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожишь и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».

Бедная Fraulein[7] в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, –
Все воскресает под милое слово,
Детское слово «курлык».

После праздника

У мамы сегодня печальные глазки,
Которых и дети и няня боятся.
Не смотрят они на солдатика в каске
И даже не видят паяца.

У мамы сегодня прозрачные жилки
Особенно сини на маленьких ручках.
Она не сердита на грязные вилки
И детские губы в тянучках.

У мамы сегодня ни песен, ни сказки,
Бледнее, чем прежде, холодные щечки,
И даже не хочет в правдивые глазки
Взглянуть она маленькой дочке.

В классе

Скомкали фартук холодные ручки,
Вся побледнела, дрожит баловница.
Бабушка будет печальна: у внучки
Вдруг – единица!

Смотрит учитель, как будто не веря
Этим слезам в опустившемся взоре.
Ах, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
В белых кругах уплывает страница…
Разве учитель узнает, какая
Боль – единица?

На бульваре

В небе – вечер, в небе – тучки,
В зимнем сумраке бульвар.
Наша девочка устала,
Улыбаться перестала.
Держат маленькие ручки
Синий шар.

Бедным пальчикам неловко:
Синий шар стремится вдаль.
Не дается счастье даром!
Сколько муки с этим шаром!
Миг – и выскользнет веревка.
Что останется? Печаль.

Утомились наши ручки,
– В зимнем сумраке бульвар.
Наша детка побежала,
Ручки сонные разжала…
Мчится в розовые тучки
Синий шар.

Совет

«Если хочешь ты папе советом помочь»,
Шепчет папа любимице-дочке,
«Будут целую ночь, будут целую ночь
Над тобою летать ангелочки.

Блещут крылышки их, а на самых концах
Шелестят серебристые блестки.
Что мне делать, дитя, чтоб у мамы в глазах
Не дрожали печальные слезки?

Плещут крылышки их и шумят у дверей.
Все цвета ты увидишь, все краски!
Чем мне маме помочь? Отвечай же скорей!»
– «Я скажу: расцелуй ее в глазки!

А теперь ты беги (только свечку задуй
И сложи аккуратно чулочки).
И сильнее беги, и сильнее целуй!
Будут, папа, летать ангелочки?»

Мальчик с розой

Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом грезить вечерами!
Вот в тени уютная кроватка
И портрет над нею в темной раме.

На портрете белокурый мальчик
Уронил увянувшую розу,
И к губам его прижатый пальчик
Затаил упрямую угрозу.

Этот мальчик был любимец графа,
С колыбели грезивший о шпаге,
Но открыл он, бедный, дверцу шкафа,
Где лежали тайные бумаги.

Был он спрошен и солгал в ответе,
Затаив упрямую угрозу.
Только розу он любил на свете
И погиб изменником за розу.

Меж бровей его застыла складка,
Он печален в потемневшей раме…
Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом плакать вечерами!

Колыбельная песня асе

Спи, царевна! Уж в долине
Колокол затих,
Уж коснулся сумрак синий
Башмачков твоих.

Чуть колышутся березы,
Ветерок свежей.
Ты во сне увидишь слезы
Брошенных пажей.

Тронет землю легким взмахом
Трепетный плюмаж.
Обо всем шепнет со страхом
Непокорный паж.

Будут споры… и уступки,
(Ах, нельзя без них!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачков твоих.

Подрастающей

Опять за окнами снежок
Светло украсил ель…
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Летят снежинки, льнут ко всем
И тают без числа…
Зачем, ты, глупая, зачем
Ее переросла?

В ней не давила тяжесть дней,
В ней так легко спалось!
Теперь глаза твои темней
И золото волос…

Широкий мир твой взгляд зажег,
Но счастье даст тебе ль?
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Волшебник

Непонятный учебник,
Чуть умолкли шаги, я на стул уронила скорей.
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, войти ли и хитро мигает волшебник.

До земли борода,
Темный плащ розоватым огнем отливает…
И стоит и кивает
И кивая глядит, а под каждою бровью – звезда.

Я навстречу и мигом
Незнакомому гостю свой стул подаю.
«Знаю мудрость твою,
Ведь и сам ты не друг непонятным и путаным книгам.

Я устала от книг!
Разве сердце от слов напечатанных бьется?»
Он стоит и смеется:
«Ты, шалунья, права! Я для деток веселый шутник.

Что для взрослых – вериги,
Для шалуньи, как ты, для свободной души – волшебство.
Так проси же всего!»
Я за шею его обняла: «Уничтожь мои книги!

Я веселья не вижу ни в чем,
Я на маму сержусь, я с учителем спорю.
Увези меня к морю!
Посильней обними и покрепче укутай плащом!

Надоевший учебник
Разве стоит твоих серебристых и пышных кудрей?»
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, уйти ли и грустно кивает волшебник.

Первая роза

Девочка мальчику розу дарит,
Первую розу с куста.
Девочку мальчик целует в уста,
Первым лобзаньем дарит.

Солнышко скрылось, аллея пуста.
Стыдно в уста целовать!
Девочка, надо ли было срывать
Первую розу с куста?

Исповедь

Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени…
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упрямца для забавы
Целовали!

В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
«Если да, – зачем же мучить ложью?
Если нет, – зачем же целовали?»
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.

Девочка-смерть

Луна омывала холодный паркет
Молочной и ровной волной.
К горячей щеке прижимая букет,
Я сладко дремал под луной.

Сияньем и сном растревожен вдвойне,
Я сонные глазки открыл,
И девочка-смерть наклонилась ко мне,
Как розовый ангел без крыл.

На тоненькой шее дрожит медальон,
Румянец струится вдоль щек,
И видно бежала: чуть-чуть запылен
Ее голубой башмачок.

Затейлив узор золотой бахромы,
В кудрях бирюзовая нить.
«Ты – маленький мальчик, я – девочка: мы
Дорогою будем шалить.

Надень же (ты – рыцарь) мой шарф кружевной!»
Я молча ей подал букет…
Молочной и ровной, холодной волной
Луна омывала паркет.

Мальчик-бред

Алых роз и алых маков
Я принес тебе букет.
Я ни в чем не одинаков,
Я – веселый мальчик-бред.

Свечку желтую задую, –
Будет розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надену, словно царь.

Полно, царь ли? Я волшебник,
Повелитель сонных царств,
Исцеляющий лечебник
Без пилюль и без лекарств.

Что лекарства! Что пилюли!
Будем, детка, танцевать!
Уж летит верхом на стуле
Опустевшая кровать.

Алый змей шуршит и вьется,
А откуда, – мой секрет!
Я смеюсь, и все смеется.
Я – веселый мальчик-бред!

Принц и лебеди

В тихий час, когда лучи неярки
И душа устала от людей,
В золотом и величавом парке
Я кормлю спокойных лебедей.

Догорел вечерний праздник неба.
(Ах, и небо устает пылать!)
Я стою, роняя крошки хлеба
В золотую, розовую гладь.

Уплывают беленькие крошки,
Покружась меж листьев золотых.
Тихий луч мои целует ножки
И дрожит на прядях завитых.

Затенен задумчивой колонной,
Я стою и наблюдаю я,
Как мой дар с печалью благосклонной
Принимают белые друзья.

В темный час, когда мы все лелеем,
И душа томится без людей,
Во дворец по меркнущим аллеям
Я иду от белых лебедей.

Неравные братья

«Я колдун, а ты мой брат».
«Ты меня посадишь в яму!»
«Ты мой брат и ты не рад?»
«Спросим маму!»

«Хорошо, так ты солдат».
«Я всегда играл за даму!»
«Ты солдат и ты не рад?»
«Спросим маму!»

«Я придумал: акробат».
«Не хочу такого сраму!»
«Акробат – и ты не рад?»
«Спросим маму!»

Скучные игры

Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть – надоело!

Не поднимаясь со стула
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть – надоело!

Мятежники

Что за мука и нелепость
Этот вечный страх тюрьмы!
Нас домой зовут, а мы
Строим крепость.

Как помочь такому горю?
Остается лишь одно:
Изловчиться – и в окно,
Прямо к морю!

Мы – свободные пираты,
Смелым быть – наш первый долг.
Ненавистный голос смолк.
За лопаты!

Слов не слышно в этом вое,
Ветер, море, – все за нас.
Наша крепость поднялась,
Мы – герои!

Будет славное сраженье.
Ну, товарищи, вперед!
Враг не ждет, а подождет
Умноженье.

Живая цепочка

Эти ручки кто расцепит,
Чья тяжелая рука?
Их цепочка так легка
Под умильный детский лепет.

Кто сплетенные разнимет?
Перед ними каждый – трус!
Эту тяжесть, этот груз
Кто у мамы с шеи снимет?

А удастся, – в миг у дочки
Будут капельки в глазах.
Будет девочка в слезах,
Будет мама без цепочки.

И умолкнет милый лепет,
Кто-то всхлипнет; скрипнет дверь.
Кто разнимет их теперь
Эти ручки, кто расцепит?

Баярд

За умноженьем-черепаха,
Зато чертенок за игрой,
Мой первый рыцарь был без страха,
Не без упрека, но герой!

Его в мечтах носили кони,
Он был разбойником в лесу,
Но приносил мне на ладони
С магнолий снятую росу.

Ему на шее загорелой
Я поправляла талисман,
И мне, как он чужой и смелой,
Он покорялся, атаман!

Улыбкой принц и школьник платьем,
С кудрями точно из огня,
Учителям он был проклятьем
И совершенством для меня!

За принужденье мстил жестоко, –
Великий враг чернил и парт!
И был, хотя не без упрека,
Не без упрека, но Баярд!

Мама на даче

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венок.

Наша мама не любит тяжелой прически, –
Только время и шпильки терять!
Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

В небе облачко плыло и плакало, тая.
Назвала его мама судьбой.
Наша мама теперь золотая,
А венок у нее голубой.

Два веночка на ней, два венка, в самом деле:
Из цветов, а другой из лучей.
Это мы васильковый надели,
А другой, золотистый – ничей.

Скоро вечер: за лесом луна загорится,
На плотах заблестят огоньки…
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

Жар-птица

Максу Волошину

Нет возможности, хоть брось!
Что ни буква – клякса,
Строчка вкривь и строчка вкось,
Строчки веером, – все врозь!
Нету сил у Макса!

– «Барин, кушать!» Что еда!
Блюдо вечно блюдо
И вода всегда вода.
Что еда ему, когда
Ожидает чудо?

У больших об этом речь,
А большие правы.
Не спешит в постельку лечь,
Должен птицу он стеречь,
Богатырь кудрявый.

Уж часы двенадцать бьют,
(Бой промчался резкий),
Над подушкой сны встают
В складках занавески.

Промелькнет – не Рыба-Кит,
Трудно ухватиться!
Точно радуга блестит!
Почему же не летит
Чудная Жар-Птица?

Плакать – глупо. Он не глуп,
Он совсем не плакса,
Не надует гордых губ, –
Ведь Жар-Птица, а не суп
Ожидает Макса!

Как зарница! На хвосте
Золотые блестки!
Много птиц, да все не те…
На ресницах в темноте

Засияли слезки.

Он тесней к окну приник:
Серые фигуры…
Вдалеке унылый крик…
– В эту ночь он все постиг,
Мальчик белокурый!

«Так»

«Почему ты плачешь?» – «Так».
«Плакать «так» смешно и глупо.
Зареветь, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!

Если плачешь, есть причина.
Я отец и я не враг.
Почему ты плачешь?» – «Так».
«Ну, какой же ты мужчина?

Отними от глаз кулак!
Что за нрав такой? Откуда?
Рассержусь, и будет худо!
Почему ты плачешь?» – «Так».

Молитва в столовой

Самовар отшумевший заглох;
Погружается дом в полутьму.
Мне счастья не надо, – ему
Отдай мое счастье. Бог!

Зимний сумрак касается роз
На обоях и ярких углей.
Пошли ему вечер светлей,
Теплее, чем мне, Христос!

Я сдержу и улыбку и вздох,
Я с проклятием рук не сожму,
Но только – дай счастье ему,
О, дай ему счастье. Бог!

Юнге

Сыплют волны, с колесами споря,
Серебристые брызги вокруг.
Ни смущения в сердце, ни горя, –
Будь счастливым, мой маленький друг!

В синеву беспокойного моря
Выплывает отважный фрегат.
Ни смущения в сердце, ни горя, –
Будь счастливым, мой маленький брат!

Очаг мудреца

Не поэтом он был: в незнакомом
Не искал позабытых созвучий,
Без гнева на звезды и тучи
Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,
Уступала забвенью измена,
За окнами пышная пена
За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь – странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула нежданно.

И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною…
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волненьем и смутой.

Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, плывя. Нереиды.

Путь креста

Сколько светлых возможностей ты погубил, не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений ждала я,
Получила лишь крест.

Что горело во мне? Назови это чувство любовью,
Если хочешь, иль сном, только правды от сердца не скрой
Я сумела бы, друг, подойти к твоему изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко и смело,
Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных книг.
Как больное дитя я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.

Сколько светлых возможностей, милый, и сколько смятений!
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд…
Но во имя твое я без слез – мне свидетели тени –
Поднимаю свой крест.

Памятью сердца

Памятью сердца – венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером – нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
«Все заживает», мне люди сказали…
Вечером – нет.

Добрый путь!

В мои глаза несмело
Ты хочешь заглянуть.
За лугом солнце село…
Мой мальчик, добрый путь!

Любви при первой встрече
Отдайся и забудь.
Уж на балконе свечи…
Мой мальчик, добрый путь!

Успокоенье – сердцу,
Позволь ему уснуть!
Я распахнула дверцу…
Мой мальчик, добрый путь!

Победа

Но и у нас есть волшебная чаша,
(В сонные дни вы потянетесь к ней!)
Но и у нас есть улыбка, и наша
Тайна темней.

Тень Эвридики и факел Гекаты, –
Все промелькнет, исчезая в одном.
Наша победа: мы вечно богаты
Новым вином!

Ни здесь, ни там

Опять сияющим крестам
Поют хвалу колокола.
Я вся дрожу, я поняла,
Они поют: «и здесь и там».

Улыбка просится к устам,
Еще стремительней хвала…
Как ошибиться я могла?
Они поют: «не здесь, а там».

О, пусть сияющим крестам
Поют хвалу колокола…
Я слишком ясно поняла:
«Ни здесь, ни там… Ни здесь, ни там».

Последняя встреча

О, я помню прощальные речи,
Их шептавшие помню уста.
«Только чистым даруются встречи.
Мы увидимся, будь же чиста».

Я учителю молча внимала.
Был он нежность и ласковость весь.
Он о «там» говорил, но как мало
Это «там» заменяло мне «здесь»!

Тишина посылается роком, –
Тем и вечны слова, что тихи.
Говорил он о самом глубоком,
Баратынского вспомнил стихи;

Говорил о игре отражений,
О лучах закатившихся звезд…
Я не помню его выражений,
Но улыбку я помню и жест.

Ни следа от былого недуга,
Не мучительно бремя креста.
Только чистые узрят друг друга, –
Мой любимый, я буду чиста!

На заре

Их души неведомым счастьем
Баюкал предутренний гул.
Он с тайным и странным участьем
В их детские сны заглянул.

И, сладким предчувствием ранен
Каких-то безудержных гроз,
Спросил он, и был им так странен
Его непонятный вопрос.

Оне, притаясь, промолчали
И молча порвали звено…
За миг бесконечной печали
Да будет ему прощено!

«И как прежде оне улыбались…»

И как прежде оне улыбались,
Обожая изменчивый дым;
И как прежде оне ошибались,
Улыбаясь ошибкам своим;

И как прежде оне безустанно
Отдавались нежданной волне.
Но по-новому грустно и странно
Вечерами молчали оне.

Эпилог

Очарованье своих же обетов,
Жажда любви и незнанье о ней…
Что же осталось от блещущих дней?
Новый портрет в галерее портретов,
Новая тень меж теней.

Несколько строк из любимых поэтов,
Прелесть опасных, иных ступеней…
Вот и разгадка таинственных дней!
Лишний портрет в галерее портретов,
Лишняя тень меж теней.

Не в нашей власти

Возвращение в жизнь – не обман, не измена.
Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, – ошибается бред!)
Но проходят недели, – мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг – на печаль или радость –
Мы и душу и сердце, мы все отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари…
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

Распятие

Ты помнишь? Розовый закат
Ласкал дрожащие листы,
Кидая луч на темный скат
И темные кресты.

Лилось заката торжество,
Смывая боль и тайный грех,
На тельце нежное Того,
Кто распят был за всех.

Закат погас; в последний раз
Блеснуло золото кудрей,
И так светло взглянул на нас
Малютка Назарей.

Мой друг, незнанием томим,
Ты вдаль шагов не устреми:
Там правды нет! Будь вечно с Ним
И с нежными детьми.

И, если сны тебе велят
Идти к «безвестной красоте»,
Ты вспомни безответный взгляд
Ребенка на кресте.

Привет из башни

Скоро вечер: от тьмы не укрыться,
Чья-то тень замелькает в окне…
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

В неизвестном, в сияющем свете
Помяни незнакомку добром!
Уж играет изменчивый ветер
Золотым и зеленым пером.

Здесь оконца узорные узки,
Здесь и утром портреты в тени…
На зеленом, на солнечном спуске
Незнакомку добром помяни!

Видит Бог, от судьбы не укрыться.
Чья-то тень замелькала в окне…
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

Резеда и роза

Один маня, другой с полуугрозой,
Идут цветы блестящей чередой.
Мы на заре клянемся только розой,
Но в поздний час мы дышим резедой.

Один в пути пленяется мимозой,
Другому ландыш мил, блестя в росе. –
Но на заре мы дышим только розой,
Но резедою мы кончаем все!

Итог дня

Ах, какая усталость под вечер!
Недовольство собою и миром и всем!
Слишком много я им улыбалась при встрече,
Улыбалась, не зная зачем.

Слишком много вопросов без жажды
За ответ заплатить возлиянием слез.
Говорили, гадали, и каждый
Неизвестность с собою унес.

Слишком много потупленных взоров,
Слишком много ненужных бесед в терему,
Вышивания бисером слишком ненужных узоров.
Вот гирлянда, вот ангел… К чему?

Ах, какая усталость! Как слабы
Наши лучшие сны! Как легка в обыденность ступен
Я могла бы уйти, я замкнуться могла бы…
Я Христа предавала весь день!

Молитва лодки

В тихую пристань, где зыблются лодки,
И отдыхают от бурь корабли,
Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий,
Мне, утомленной и маленькой лодке,
Мирно приплыть повели.
В тихую пристань, где зыблются лодки,
И, отдыхая, грустят корабли.

Призрак царевны

С темной веткою шепчется ветка,
Под ногами ложится трава,
Где-то плачет сова…
Дай мне руку, пугливая детка!

Я с тобою, твой рыцарь и друг,
Ты тихонько дрожишь почему-то.
Не ломай своих рук,
А плащом их теплее закутай.

Много странствий он видел и чащ,
В нем от пуль неприятельских дыры
Ты закутайся в плащ:
Здесь туманы ползучие сыры,

Здесь сгоришь на болотном огне!
Беззащитные руки ломая,
Ты напомнила мне
Ту царевну из дальнего мая,

Ту, любимую слишком давно,
Чьи уста, как рубины горели…
Предо мною окно
И головка в плену ожерелий.

Нежный взор удержать не сумел,
Я, обняв, оторвался жестоко…
Как я мог, как я смел
Погубить эту розу Востока!

С темной веткою шепчется ветка,
Небосклон предрассветный серей.
Дай мне руку скорей
На прощанье, пугливая детка!

Письмо на розовой бумаге

В какой-то дальней рейнской саге
Печальный юноша-герой
Сжигает позднею порой
Письмо на розовой бумаге.

И я, как рыцарь (без пера,
Увы, без шлема и без шпаги!),
Письмо на розовой бумаге
На канделябре сжег вчера.

Его в поход умчали флаги,
Фанфары смех и боя пыл,
И он, счастливый, позабыл
Письмо на розовой бумаге.

Оно погибло на огне,
Но шелестит при каждом шаге,
Письмо на розовой бумаге
Уж не на мне оно, – во мне!

Пусть забывает в дальней саге
Печальный рыцарь грусть свою, –
Ах, я в груди его таю,
Письмо на розовой бумаге!

Два исхода

1

Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, –
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.

Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь…
Я не жила, – так было встарь.
Что было встарь, то будет снова.

2

С тобой в ночи шептались тени,
К тебе ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, –
А люди мимо шли без слов
Куда-то вдаль спешили мимо.

Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь…
Ты не жила, – так было встарь.
Что было встарь, – не будет снова.

На концерте

Странный звук издавала в тот вечер старинная скрипка:
Человеческим горем – и женским! – звучал ее плач.
Улыбался скрипач.
Без конца к утомленным губам возвращалась улыбка.

Странный взгляд посылала к эстраде из сумрачной ложи
Незнакомая дама в уборе лиловых камней.
Взгляд картин и теней!
Неразгаданный взгляд, на рыдание скрипки похожий.

К инструменту летел он стремительно-властно и прямо
Стон аккордах – и вдруг оборвался томительный плач…
Улыбался скрипач,
Но глядела в партер – безучастно и весело – дама.

Зимняя сказка

«Не уходи», они шепнули с лаской,
«Будь с нами весь!
Ты видишь сам, какой нежданной сказкой
Ты встречен здесь».

«О, подожди», они просили нежно,
С мольбою рук.
«Смотри, темно на улицах и снежно…
Останься, друг!

О, не буди! На улицах морозно…
Нам нужен сон!»
Но этот крик последний слишком поздно
Расслышал он.

«И уж опять они в полуистоме…»

И уж опять они в полуистоме
О каждом сне волнуются тайком;
И уж опять в полууснувшем доме
Ведут беседу с давним дневником.

Опять под музыку на маленьком диване
Звенит-звучит таинственный рассказ
О рудниках, о мертвом караване,
О подземелье, где зарыт алмаз.

Улыбка сумерек, как прежде, в окна льется;
Как прежде, им о лампе думать лень;
И уж опять из темного колодца
Встает Ундины плачущая тень.

Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить,
Но близок день, – и станет грезить нечем,
Как и теперь уже нам нечем жить!

Декабрьская сказка

Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб о нем, ушедшем, не грустить,
Мы слишком стары!

Был замок розовый, как зимняя заря,
Как мир – большой, как ветер – древний.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.

Отец – волшебник был, седой и злой;
Мы, рассердясь, его сковали;
По вечерам, склоняясь над золой,
Мы колдовали;

Оленя быстрого из рога пили кровь,
Сердца разглядывали в лупы…
А тот, кто верить мог, что есть любовь,
Казался глупый.

Однажды вечером пришел из тьмы
Печальный принц в одежде серой.
Он говорил без веры, ах, а мы
Внимали с верой.

Рассвет декабрьский глядел в окно,
Алели робким светом дали…
Ему спалось и было все равно,
Что мы страдали!

Мы слишком молоды, чтобы забыть
Того, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб опять так нежно полюбить
Мы слишком стары!

Под новый год

Встретим пришельца лампадкой,
Тихим и верным огнем.
Только ни вздоха украдкой,
Ни вздоха о нем!

Яркого света не надо,
Лампу совсем привернем.
Только о лучшем ни взгляда,
Ни взгляда о нем!

Пусть в треволненье беспечном
Год нам покажется днем!
Только ни мысли о вечном,
Ни мысли о нем!

Станем «сестричками» снова,
Крепче друг к другу прильнем.
Только о прошлом ни слова,
Ни слова о нем!

Угольки

В эту ночь он спать не лег,
Все писал при свечке.
Это видел в печке
Красный уголек.

Мальчик плакал и вздыхал
О другом сердечке.
Это в темной печке
Уголек слыхал.

Все чужие… Бог далек…
Не было б осечки!
Гаснет, гаснет в печке
Красный уголек.

Дикая воля

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, – за мною пасти,
Я смеюсь, – в руках аркан…
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги – герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

Гимназистка

Я сегодня всю ночь не усну
От волшебного майского гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула к окну.

Я – мятежница с вихрем в крови,
Признаю только холод и страсть
Я читала Бурже: нету счастья
Вне любви!

«Он» отвержен с двенадцати лет,
Только Листа играет и Грига,
Он умен и начитан, как книга,
И поэт!

За один его пламенный взгляд
На колени готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотят…

Тройственный союз

У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.

Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.

Служить свободе-наш девиз,
И кончить, как герои.
Мы тенью Шиллера клялись.
Мы молоды. Нас трое.

Поклонник байрона

Ему в окно стучатся розы,
Струится вкрадчивый аккорд…
Он не изменит гордой позы,
Поклонник Байрона, – он горд.

В саду из бархата и блесток
Шалит с пастушкою амур.
Не улыбается подросток,
Поклонник Байрона, – он хмур.

Чу! За окном плесканье весел,
На подоконнике букет…
Он задрожал, он книгу бросил.
Прости поклоннику, поэт!

«Он был синеглазый и рыжий…»

Костюмчик полинялый
Мелькает под горой.
Зовет меня на скалы
Мой маленький герой.

Уж открывает где-то
Зеленый глаз маяк.
Печально ждет ответа
Мой маленький моряк.

Уж в зеркале залива
Холодный серп блестит.
Вздыхает терпеливо
Мой маленький бандит.

Сердечко просит ласки, –
Тому виною март.
И вытирает глазки
Мой маленький Баярд.

Под дождем

Медленный дождик идет и идет,
Золото мочит кудрей.
Девочка тихо стоит у дверей,
Девочка ждет.

Серые тучи, а думы серей,
Дума: «Придет? Не придет?»
Мальчик, иди же, беги же скорей:
Девочка ждет!

С каждым мгновеньем, летящим вперед,
Детское сердце мудрей.
Долго ли, мальчик, у первых дверей
Девочка ждет?

После чтения «les rencontres de м. de breot» regner

Облачко бело, и мне в облака
Стыдно глядеть вечерами.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес
Ласковой тайны мне снова.
О, почему у земного
Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты
И укоряют в измене.
О, почему не у тени
Я попросила мечты?

Вижу, опять улыбнулось слегка
Нежное личико в раме.
О, почему за дарами
К вам потянулась рука?

Москва, 14 января 1911

Слезы

Слезы? Мы плачем о темной передней,
Где канделябра никто не зажег;
Плачем о том, что на крыше соседней
Стаял снежок;

Плачем о юных, о вешних березках,
О несмолкающем звоне в тени;
Плачем, как дети, о всех отголосках
В майские дни.

Только слезами мы путь обозначим
В мир упоений, не данный судьбой…
И над озябшим котенком мы плачем,
Как над собой.

Отнято все, – и покой и молчанье.
Милый, ты много из сердца унес!
Но не сумел унести на прощанье
Нескольких слез.

Aeternum vale

Aeternum vale! Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения – к победам!

Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся – любовь, и мягкий хлеб
Дареной дружбы мне не нужен.

Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала – гордость.

Детский юг

В каждом случайном объятьи
Я вспоминаю ее,
Детское сердце мое,
Девочку в розовом платье.

Где-то в горах огоньки,
(Видно, душа над могилой).
Синие глазки у милой
И до плечей завитки.

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушливый прян,
Где-то рокочет фонтан,
Что-то лопочет татарин.

Жмутся к холодной щеке
Похолодевшие губки;
Нежные ручки так хрупки
В похолодевшей руке…

В чьем опьяненном объятьи
Ты обрела забытье,
Лучшее сердце мое,
Девочка в розовом платье.

Только девочка

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк
И помнить: я – овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

Тверская

Вот и мир, где сияют витрины,
Вот Тверская, – мы вечно тоскуем о ней.
Кто для Аси нужнее Марины?
Милой Асеньки кто мне нужней?

Мы идем, оживленные, рядом,
Все впивая: закат, фонари, голоса,
И под чьим-нибудь пристальным взглядом
Иногда опуская глаза.

Только нам огоньками сверкая,
Только наш он, московский вечерний апрель.
Взрослым – улица, нам же Тверская –
Полу взрослых сердец колыбель.

Колыбель золотого рассвета,
Удивления миру, что утром дано…
Вот окно с бриллиантами Тэта,
Вот с огнями другое окно…

Все поймем мы чутьем или верой,
Всю подзвездную даль и небесную ширь!
Возвышаясь над площадью серой
Розовеет Страстной монастырь.

Мы идем, ни на миг не смолкая.
Все родные – слова, все родные – черты!
О, апрель незабвенный-Тверская,
Колыбель нашей юности ты!

В пятнадцать лет

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
– Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

Розовый домик

Меж великанов-соседей, как гномик
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,
Чем он мешал и кому?

Чуть потемнеет, в закрытые ставни
Тихо стучит волшебство.
Домик смиренный и давний,
Чем ты смутил и кого?

Там засмеются, мы смеху ответим.
Фея откроет Эдем…
Домик, понятный лишь детям,
Чем ты грешил, перед кем?

Лучшие радости с ним погребли мы,
Феи нырнули во тьму…
Маленький домик любимый,
Чем ты мешал и кому?

До первой звезды

До первой звезды (есть ли звезды еще?
Ведь все изменяет тайком!)
Я буду молиться – кому? – горячо,
Безумно молиться – о ком?

Молитва (равно ведь, о ком и кому!)
Растопит и вечные льды.
Я буду молиться в своем терему
До первой, до первой звезды!

Барабан

В майское утро качать колыбель?
Гордую шею в аркан?
Пленнице – прялка, пастушке – свирель,
Мне – барабан.

Женская доля меня не влечет:
Скуки боюсь, а не ран!
Все мне дарует, – и власть и почет
Мой барабан.

Солнышко встало, деревья в цвету..
Сколько невиданных стран!
Всякую грусть убивай на лету,
Бей, барабан!

Быть барабанщиком! Всех впереди!
Все остальное – обман!
Что покоряет сердца на пути,
Как барабан?

В. я. брюсову

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли, –
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.

Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли…
– Так теперь заведено. –
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

Кошки

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

Молитва морю

Солнце и звезды в твоей глубине,
Солнце и звезды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звездам отдаться вдвойне.

Сумрак ночей и улыбку зари
Дай отразить в успокоенном взоре.
Вечное море,
Детское горе мое усыпи, залечи, растворви.

Влей в это сердце живую струю,
Дай отдохнуть от терпения – в споре.
Вечное море,
В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!

Жажда

Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире
И не спорит и все позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?

И рубины, и розы, и лица, –
Все вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнеет.

Вот и юг, – мы томились по зною.
Был он дерзок, – теперь умоляет…
Почему же ничто под луною
Не утоляет?

Волшебство

Чуть полночь бьют куранты,
Сверкают диаманты,
Инкогнито пестро.
(Опишешь ли, перо,

Волшебную картину?)
Заслышав каватину,
Раздвинул паутину
Лукавый Фигаро.

Коралловые гребни
Вздымаются волшебней
Над клубом серых змей;
Но губки розовей,
Чем алые кораллы.
Под музыку из залы
Румянец бледно-алый
Нахлынул до бровей.

Везде румянец зыбкий,
На потолке улыбки,
Улыбки на стенах…
Откормленный монах
Глядит в бутылку с ромом.
В наречье незнакомом
Беседует с альбомом
Старинный альманах.

Саксонские фигурки
Устраивают жмурки.
«A vous, marquis, veuillez!»
Хохочет chevalier…
Бесшумней силуэты,
Безумней пируэты,
И у Антуанэты
Срывается колье!

На возу

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег!
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабли
В молодой руке.

Счастье видится воочью:
В небе звезды, – сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!

Завтра снова будет круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу в ночи!

Вождям

Срок исполнен, вожди! На подмостки
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел – с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

Ураганом святого безумья
Поднимайтесь, вожди, над толпой!
Все безумье отдам без раздумья
За весеннее: «Пой. птичка, пой».

Июль – апрелю

Как с задумчивых сосен струится смола,
Так текут ваши слезы в апреле.
В них весеннему дань и прости колыбели
И печаль молодого ствола.

Вы листочку сродни и зеленой коре,
Полудети еще и дриады.
Что деревья шумят, что журчат водопады
Понимали и мы – на заре!

Вам струистые кудри клонить в водоем,
Вам, дриадам, кружить по аллее…
Но и нас, своенравные девочки-феи,
Помяните в апреле своем!

В сквере

Пылают щеки на ветру.
Он выбран, он король!
Бежит, зовет меня в игру.
«Я все игрушки соберу,
Ну, мамочка, позволь!»

«Еще простудишься!» – «Ну да!»
Как дикие бежим.
Разгорячились, – не беда,
Уж подружились навсегда
Мы с мальчиком чужим.

«Ты рисовать умеешь?» – «Нет,
А трудно?» – «Вот так труд!
Я нарисую твой портрет».
«А рассказать тебе секрет?»
«Скорей, меня зовут!»

«Не разболтаешь? Поклянись!»
Приоткрывает рот,
Остановился, смотрит вниз:
«Ужасно стыдно, отвернись!
Ты лучше всех, – ну вот».

Уж солнце скрылось на песке,
Бледнеют облака,
Шумят деревья вдалеке…
О, почему в моей руке
Не Колина рука!

Весна в вагоне

Встают, встают за дымкой синей
Зеленые холмы.
В траве, как прежде, маргаритки,
И чьи-то глазки у калитки…
Но этой сказки героини
Апрельские – не мы!

Ты улыбнулась нам, Мария,
(Ты улыбалась снам!)
Твой лик, прозрачней анемоны,
Мы помним в пламени короны…
Но этой встречи феерия
Апрельская – не нам!

После гостей

Вот и уходят. Запели вдали
Жалобным скрипом ворота.
Грустная, грустная нота…
Вот и ушли.

Мама сережки сняла, – почему?
И отстегнула браслеты,
Спрятала в шкафчик конфеты,
Точно в тюрьму.

Красную мебель, отраду детей,
Мама в чехлы одевает…
Это всегда так бывает
После гостей!

Конец сказки

«Тает царевна, как свечка,
Руки сложила крестом,
На золотое колечко
Грустно глядит». – «А потом?»

«Вдруг за оградою – трубы!
Рыцарь летит со щитом.
Расцеловал ее в губы,
К сердцу прижал». – «А потом?»

«Свадьбу сыграли на диво
В замке ее золотом.
Время проводят счастливо,
Деток растят». – «А потом?

Болезнь

«Полюбился ландыш белый
Одинокой резеде.
Что зеваешь?» – «Надоело!»
«Где болит?» – «Нигде!»

«Забавлял ее на грядке
Болтовнею красный мак.
Что надулся?» – «Ландыш гадкий!»
«Почему?» – «Да так!»

«Видно счастье в этом маке,
Быть у красного в плену!..
Что смеешься?» – «Волен всякий!»
«Баловник!» – «Да ну?»

«Полюбился он невольно
Одинокой резеде.
Что вздыхаешь?» – «Мама, больно!»
«Где болит?» – «Везде!»

В сонном царстве

Скрипнуло… В темной кладовке
Крысы поджали хвосты.
Две золотистых головки,
Шепот: «Ты спишь?» – «Нет, а ты?»

Вот задремала и свечка,
Дремлет в графине вода.
Два беспокойных сердечка,
Шепот: «Уйдем!» – «А куда?»

Добрые очи Страдальца
Грустно глядят с высоты.
Два голубых одеяльца,
Шепот: «Ты спишь?» – «Нет, а ты?»

Бабушкин внучек

Сереже

Шпагу, смеясь, подвесил,
Люстру потрогал – звон…
Маленький мальчик весел:
Бабушкин внучек он!

Скучно играть в портретной,
Девичья ждет, балкон.
Комнаты нет запретной:
Бабушкин внучек он!

Если в гостиной странной
Жутко ему колонн,
Может уснуть в диванной:
Бабушкин внучек он!

Светлый меж темных кресел
Мальчику снится сон.
Мальчик и сонный весел:
Бабушкин внучек он!

Венера

Сереже

1

В небо ручонками тянется,
Строит в песке купола…
Нежно вечерняя странница
В небо его позвала.

Пусть на земле увядание,
Над колыбелькою крест!
Мальчик ушел на свидание
С самою нежной из звезд.

2

Ах, недаром лучше хлеба
Жадным глазкам балаган.
Темнокудрый мальчуган,
Он недаром смотрит в небо!

По душе ему курган,
Воля, поле, даль без меры…
Он рожден в лучах Венеры,
Голубой звезды цыган.

Контрабандисты и бандиты

Сереже

Он после книги весь усталый,
Его пугает темнота…
Но это вздор! Его мечта –
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровные места
Глядит в окно глазами серны.
Контрабандисты и таверны
Его любимая мечта.

Он странно-дик, ему из школы
Не ждать похвального листа.
Что бедный лист, когда мечта –
Контрабандисты и пистолы!

Что все мирское суета
Пусть говорит аббат сердитый, –
Контрабандисты и бандиты
Его единая мечта!

Рождественская дама

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, – я легка!)
Я игрушек не возьму на небо…
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Белоснежка

Александру Давидовичу Топольскому

Спит Белоснежка в хрустальном гробу.
Карлики горько рыдают, малютки.
Из незабудок веночек на лбу
И на груди незабудки.

Ворон – печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Плачется карлик в смешном колпаке,
Плачется: «Плохо ее берегли мы!»
Белую ленту сжимает в руке
Маленький карлик любимый.

Средний – печальный играет в трубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Старший у гроба стоит на часах,
Смотрит и ждет, не мелькнет ли усмешка.
Спит Белоснежка с венком в волосах,
Не оживет Белоснежка!

Ворон – печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Детский день

Утро… По утрам мы
Пасмурны всегда.
Лучшие года
Отравляют гаммы.

Ждет опасный путь,
Бой и бриллианты, –
Скучные диктанты
Не дают вздохнуть!

Сумерки… К вечерне
Слышен дальний звон.
Но не доплетен
Наш венец из терний.

Слышится: «раз, два!»
И летят из детской
Песенки немецкой
Глупые слова.

Приезд

Возгласами звонкими
Полон экипаж.
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш!

В экипаже песенки,
(Каждый о своем!)
Вот аллея длинная,
А в конце у лесенки
Синий водоем.

«Тише вы, проказники!»
И творит кресты,
Плачет няня старая.
Ворота, как в праздники,
Настежь отперты.

Вышла за колонки я, –
Радостно до слез!
А вверху качаются
Юные и тонкие
Веточки берез.

Паром

Темной ночью в тарантасе
Едем с фонарем.
«Ася, спишь?» Не спится Асе:
Впереди паром!

Едем шагом (в гору тяжко),
В сонном поле гром.
«Ася, слышишь?» Спит бедняжка,
Проспала паром!

В темноте Ока блеснула
Жидким серебром.
Ася глазки разомкнула…
«Подавай паром!»

Осень в тарусе

Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Все повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне…
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но все же.
Ах, золотые деньки!
Как далеки они. Боже!
Господи, как далеки!

Ока

1

Волшебство немецкой феерии,
Темный вальс, немецкий и простой.
А луга покинутой России
Зацвели куриной слепотой.
Милый луг, тебя мы так любили,
С золотой тропинкой у Оки…
Меж стволов снуют автомобили, –
Золотые майские жуки.

2

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?
Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.
К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.
Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, –
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

3

Все у Боженьки – сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы…

Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!
Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.
Пусть крыжовник незрелый, несладкий,
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.
Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.

4

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;
Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И все поют о добром, старом,
О детском времени они.
О, дни, где утро было рай
И полдень рай и эсе закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай
Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы…

5

В светлом платьице, давно-знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом.
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе…
Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?
Мы вдвоем, но, милый, не легко мне,
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет…
Вечер тих, – не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой…
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

На радость

С. Э.

Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги…
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
Все зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете…
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!

Солнце жжет, – на север с юга,
Или на луну!
Им очаг и бремя плуга,
Нам простор и зелень луга…
Милый, милый, друг у друга
Мы навек в плену!

Герцог рейхштадтский

Из светлого круга печальных невест
Не раз долетали призывы.
Что нежные губы! Вздымались до звезд
Его молодые порывы!

Что жалобы скрипок, что ночи, как мед,
Что мертвые статуи в парке?
Иному навстречу! Победа не ждет,
Не ждут триумфальные арки.

Пусть пламенем пестрым кипит маскарад,
Пусть шутит с ним дед благосклонный,
Пусть кружатся пары, – на Сене парад,
Парад у Вендомской колонны!

Родному навстречу! Как пламя лицо,
В груди раскаленная лава.
И нежно сомкнула, вручая кольцо,
Глаза ему юная слава.

Зима

Мы вспоминаем тихий снег,
Когда из блеска летней ночи
Нам улыбнутся старческие очи
Под тяжестью усталых век.

Ах, ведь и им, как в наши дни,
Казались все луга иными.
По вечерам в волнисто-белом дыме
Весной тонули и они.

В раю затепленным свечам
Огни земли казались грубы.
С безумной грустью розовые губы
О них шептались по ночам.

Под тихим пологом зимы
Они не плачут об апреле,
Чтобы без слез отчаянья смотрели
В лицо минувшему и мы.

Из них судьба струит на нас
Успокоенье мудрой ночи, –
И мне дороже старческие очи
Открытых небу юных глаз.

Розовая юность

С улыбкой на розовых лицах
Стоим у скалы мы во мраке.
Сгорело бы небо в зарницах
При первом решительном знаке,
И рухнула в бездну скала бы
При первом решительном стуке…
– Но, если б вы знали, как слабы
У розовой юности руки.

Полночь

Снова стрелки обежали целый круг:
Для кого-то много счастья позади.
Подымается с мольбою сколько рук!
Сколько писем прижимается к груди!

Где-то кормчий наклоняется к рулю,
Кто-то бредит о короне и жезле,
Чьи-то губы прошептали: «не люблю»,
Чьи-то локоны запутались в петле.

Где-то свищут, где-то рыщут по кустам,
Где-то пленнику приснились палачи,
Там, в ночи, кого-то душат, там
Зажигаются кому-то три свечи.

Там, над капищем безумья и грехов,
Собирается великая гроза,
И над томиком излюбленных стихов
Чьи-то юные печалятся глаза.

Неразлучной в дорогу

Стоишь у двери с саквояжем.
Какая грусть в лице твоем!
Пока не поздно, хочешь, скажем
В последний раз стихи вдвоем.

Пусть повторяет общий голос
Доныне общие слова,
Но сердце на два раскололось.
И общий путь – на разных два.

Пока не поздно, над роялем,
Как встарь, головку опусти.
Двойным улыбкам и печалям
Споем последнее прости.

Пора! завязаны картонки,
В ремни давно затянут плед…
Храни Господь твой голос звонкий
И мудрый ум в шестнадцать лет!

Когда над лесом и над полем
Все небеса замрут в звездах,
Две неразлучных к разным долям
Помчатся в разных поездах.

Бонапартисты

Длинные кудри склонила к земле,
Словно вдова молчаливо.
Вспомнилось, – там, на гранитной скале,
Тоже плакучая ива.

Бедная ива казалась сестрой
Царскому пленнику в клетке,
И улыбался плененный герой,
Гладя пушистые ветки.

День Аустерлица – обман, волшебство,
Легкая пена прилива…
«Помните, там на могиле Его
Тоже плакучая ива.

С раннего детства я – сплю и не сплю –
Вижу гранитные глыбы».
«Любите? Знаете?» – «Знаю! Люблю!»
«С Ним в заточенье пошли бы?»

«За Императора – сердце и кровь,
Все – за святые знамена!»
Так началась роковая любовь
Именем Наполеона.

Конькобежцы

Асе и Борису

Башлык откинула на плечи:
Смешно кататься в башлыке!
Смеется, – разве на катке
Бывают роковые встречи?

Смеясь над «встречей роковой»,
Светло сверкают два алмаза,
Два широко раскрытых глаза
Из-под опушки меховой.

Все удается, все фигуры!
Ах, эта музыка и лед!
И как легко ее ведет
Ее товарищ белокурый.

Уж двадцать пять кругов подряд
Они летят по синей глади.
Ах, из-под шапки эти пряди!
Ах, исподлобья этот взгляд!
Поникли узенькие плечи
Ее, что мчалась налегке.
Ошиблась, Ася: на катке
Бывают роковые встречи!

Первый бал

О, первый бал – самообман!
Как первая глава романа,
Что по ошибке детям дан,
Его просившим слишком рано,

Как радуга в струях фонтана
Ты, первый бал, – самообман.
Ты, как восточный талисман,
Как подвиги в стихах Ростана.

Огни сквозь розовый туман,
Виденья пестрого экрана…
О, первый бал-самообман!
Незаживающая рана!

Старуха

Слово странное – старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем – непонятое всеми,
Кто мгновения экран.
В этом слове дышит время
В раковине – океан.

«Прости» волшебному дому

В неосвещенной передней я
Молча присела на ларь.
Темный узор на портьере,
С медными ручками двери…
В эти минуты последние
Все полюбилось, как встарь.

Был заповедными соснами
В темном бору вековом
Прежде наш домик любимый.
Нежно его берегли мы,
Дом с небывалыми веснами,
С дивными зимами дом.

Первые игры и басенки
Быстро сменились другим.
Дом притаился волшебный,
Стали большими царевны.
Но для меня и для Асеньки
Был он всегда дорогим.

Зала от сумрака синяя,
Жажда великих путей,
Пренебреженье к науке,
Переплетенные руки,
Светлые замки из инея
И ожиданье гостей.

Возгласы эти и песенки
Чуть раздавался звонок!
Чье-нибудь близко участье?
Господи, может быть счастье?
И через залу по лесенке
Стук убегающих ног…

На вокзале

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка…
Кто поймет, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?

Решено за поездом погнаться,
Все цветы любимой кинуть вслед.
Наимладшему из них тринадцать,
Наистаршему под двадцать лет.

Догонять ее, что станет силы,
«Добрый путь» кричать до хрипоты.
Самый младший не сдержался, милый:
Две слезинки капнули в цветы.

Кто мудрец, забыл свою науку,
Кто храбрец, забыл свое: «воюй!»
«Ася, руку мне!» и «Ася, руку!»
(Про себя тихонько: «Поцелуй!»)

Поезд тронулся – на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

Из сказки – в сказку

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу, –
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой.

Литературным прокурорам

Все таить, чтобы люди забыли,
Как растаявший снег и свечу?
Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано все понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду…
Все понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном – сила)
Все родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

«Он приблизился, крылатый…»

Он приблизился, крылатый,
И сомкнулись веки над сияньем глаз.
Пламенная-умерла ты
В самый тусклый час.

Что искупит в этом мире
Эти две последних, медленных слезы?
Он задумался. – Четыре
Выбили часы.

Незамеченный он вышел,
Слово унося важнейшее из слов.
Но его никто не слышал –
Твой предсмертный зов!

Затерялся в море гула
Крик, тебе с душою разорвавший грудь.
Розовая, ты тонула
В утреннюю муть…

«Посвящаю эти строки…»

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
«Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все».

В платье белоснежном – с детства
Нелюбимый цвет! –
Лягу – с кем-то по соседству? –
До скончанья лет.

Слушайте! – Я не приемлю!
Это-западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю! – Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

«Идешь, на меня похожий…»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала-тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет –
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь-могила,
Что я появлюсь, грозя…
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились…
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли…
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

«Солнцем жилки налиты – не кровью…»

Солнцем жилки налиты – не кровью –
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую…
– Странно чувствовать так сильно
и так просто
Мимолетность жизни – и свою.

«Вы, идущие мимо меня…»

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох…
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале…
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

«Сердце, пламени капризней…»

Сердце, пламени капризней,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок-мимо!
Все, что неосуществимо,
Я сама осуществлю.

Всем случайностям навстречу!
Путь – не все ли мне равно?
Пусть ответа не дано, –
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Все, чего не будет в жизни
Я найду в своих стихах!

«Мальчиком, бегущим резво…»

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость – жизнь мне, имя – шалость.
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была-как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу…
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ…
– Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

«Я сейчас лежу ничком…»

Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? –

В золоте и в серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик…
– Слышите, мой ученик?

И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! –
Я метала бы в огонь
Прошлое – за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? –

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда, –
Господи, какое чудо
Я бы сделала из Вас!

Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? –

А когда бы Вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки.

Чувствуя, что ты – велик!
– Слышите, мой ученик?

«Идите же! – мой голос нем…»

Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете-из-за других –
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуять сил…
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

Сергею эфрон-дурново

1

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка – драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь – так он юн –
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

2

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив…
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны – бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы…

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой…
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете-и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут радостные львы –
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах – очень длинных –
В волнистых волосах,
И обо всех – в аллеях и в гостиных –
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых – слишком юный
Вы не имели времени прочесть
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы – мне, я – Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз…
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Встреча с пушкиным

Я подымаюсь победой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте…
Смуглую руку у лба…
– Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба… –

Запах – из детства-какого-то дыма
Или каких-то племен…
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
– Каждого встречного пса! –

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей…
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллей,

Комедиантов и звон тамбурина,

Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом – колею…
Смуглые руки и синие реки,
– Ах, – Мариулу твою! –

Треск барабана – мундир властелина –
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет…

Вечное сердце свое и служенье
Только ему. Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале… – Как я люблю…

Кончено… – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз…
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба – не так ли? –
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре! –
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

Аля

Ах, несмотря на гаданья друзей.
Будущее – непроглядно.
В платьице-твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.

Аля! – Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте.
Будет день –

Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда летя вперед,
– Своенравно! – Без запрета! –
С ветром в комнату войдет –
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
И волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена…

Целый день – на скакуне,
А ночами – черный кофе,
Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль.

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови

И уста.

Прелесть двух огромных глаз,
– Их угроза – их опасность –
Недоступность – гордость – страстность
В первый раз…

Благородным без границ
Станет профиль – слишком белый,
Слишком длинными ресшщ
Станут стрелы.

Слишком грустными – углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных –
Слишком злы.

– Ворожит мое перо!
Аля! – Будет все, что было:
Так же ново и старо,
Так же мило.

Будет – с сердцем не воюй,
Грудь Дианы и Минервы! –
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

Будет «он» – ему сейчас
Года три или четыре…
– Аля! – Это будет в мире –
В первый раз.

«Уж сколько их упало в эту бездну…»

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе…
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру…
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

«Быть нежной, бешеной и шумной…»

Быть нежной, бешеной и шумной,
– Так жаждать жить! –
Очаровательной и умной, –
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины…
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! –
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забыть, как сердце раскололось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной –
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке…

Как зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи…
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо

Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо –
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера –
Малютки-мальчики, сегодня –
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!
Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена…
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как – мне кажется – могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать-и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век…
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало-трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие –
И весело переходили
В небытие.

В ответ на стихотворение

Горько таить благодарность
И на чуткий призыв отозваться не сметь,
В приближении видеть коварность
И где правда, где ложь угадать не суметь.

Горько на милое слово
Принужденно шутить, одевая ответы в броню.
Было время – я жаждала зова
И ждала, и звала. (Я того, кто не шел, – не виню

Горько и стыдно скрываться,
Не любя, но ценя и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не суметь отозваться, –
Тяжело мне играть эту первую женскую роль!

«Ты, чьи сны еще непробудны…»

Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю-пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир невозвратно-чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

Восклицательный знак

Сам не ведая как,
Ты слетел без раздумья,
Знак любви и безумья,
Восклицательный знак!

Застающий врасплох
Тайну каждого……..
….
Заключительный вздох!

В небо кинутый флаг –
Вызов смелого жеста.
Знак вражды и протеста,
Восклицательный знак!

«Взгляните внимательно и если возможно – нежнее…»

Взгляните внимательно и если возможно – нежнее.
И если возможно – подольше с нее не сводите очей
Она перед вами-дитя с ожерельем на шее
И локонами до плечей.

В ней-все, что вы любите, все, что, летя вокруг света
Вы уже не догоните – как поезда ни быстры.
Во мне говорят не влюбленность поэта
И не гордость сестры.

Зовут ее Ася: но лучшее имя ей – пламя,
Которого не было, нет и не будет вовеки ни в ком.
И помните лишь, что она не навек перед вами.
Что все мы умрем…

«В тяжелой мантии торжественных обрядов…»

В тяжелой мантии торжественных обрядов,
Неумолимая, меня не встреть.
На площади, под тысячами взглядов,
Позволь мне умереть.

Чтобы лился на волосы и в губы
Полуденный огонь.
Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
И гарцевал мой конь.

Чтобы церквей сияла позолота,
В раскаты грома превращался гул,
Чтоб из толпы мне юный кто-то
И кто-то маленький кивнул.

В лице младенца ли, в лице ли рока
Ты явишься – моя мольба тебе:
Дай умереть прожившей одиноко
Под музыку в толпе.

«Вы родились певцом и пажем…»

Вы родились певцом и пажем.
Я – с золотом в кудрях.
Мы – молоды, и мы еще расскажем
О королях.

Настроив лютню и виолу,
Расскажем в золоте сентябрьских аллей,
Какое отвращение к престолу
У королей.

В них – демон самообороны,
Величия их возмущает роль, –
И мой король не выдержит корону,
Как ваш король.

Напрасно перед их глазами
Мы простираемся в земной пыли, –
И – короли – они не знают сами,
Что – короли!

«Макс волошин первый был…»

Макс Волошин первый был,
Нежно Майенку любил,
Предприимчивый Бальмонт
Звал с собой за горизонт,
Вячеслав Иванов сам
Пел над люлькой по часам:
Баю-баюшки-баю,
Баю Майенку мою.

«В огромном липовом саду…»

В огромном липовом саду,
– Невинном и старинном –
Я с мандолиною иду,
В наряде очень длинном,

Вдыхая теплый запах нив
И зреющей малины,
Едва придерживая гриф
Старинной мандолины,

Пробором кудри разделив…
– Тугого шелка шорох,
Глубоко-вырезанный лиф
И юбка в пышных сборах. –

Мой шаг изнежен и устал,
И стан, как гибкий стержень,
Склоняется на пьедестал,
Где кто-то ниц повержен.

Упавшие колчан и лук
На зелени-так белы!
И топчет узкий мой каблук
Невидимые стрелы.

А там, на маленьком холме,
За каменной оградой,
Навеки отданный зиме
И веющий Элладой,

Покрытый временем, как льдом,
Живой каким-то чудом –
Двенадцатиколонный дом
С террасами, над прудом.

Над каждою колонной в ряд
Двойной взметнулся локон,
И бриллиантами горят
Его двенадцать окон.

Стучаться в них – напрасный труд:

Ни тени в галерее,
Ни тени в залах. – Сонный пруд
Откликнется скорее.

««О, где вы, где вы, нежный граф?..»

«О, где Вы, где Вы, нежный граф?
О, Дафнис, вспомни Хлою!»
Вода волнуется, приняв
Живое-за былое.

И принимает, лепеча,
В прохладные объятья –
Живые розы у плеча
И розаны на платье,

Уста, еще алее роз,
И цвета листьев – очи…
– И золото моих волос
В воде еще золоче.

О день без страсти и без дум,
Старинный и весенний.
Девического платья шум
О ветхие ступени…

«Над феодосией угас…»

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромен ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Але

1

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала –
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Все будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно –
И лучше писать стихи…

Но будешь ли ты – кто знает –
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

2

Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года –

Ты так грустна.

Все куклы мира, все лошадки
Ты без раздумия отдашь –
За листик из моей тетрадки
И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре
Все делать хочется самой.
И вдруг отчаянье, что «море
Ушло домой».

Не передашь тебя – как гордо
Я о тебе ни повествуй! –
Когда ты просишь: «Мама, морду
Мне поцелуй».

Ты знаешь, все во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удается
Поцеловать.

Я – змей, похитивший царевну, –
Дракон! – Всем женихам – жених! –
О свет очей моих! – О ревность
Ночей моих!

П. Э.

1

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И – помнится – тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути:
Не надо – или надо – розу
Вам принести.

И все приготовляла фразу,
Увы, забытую потом. –
И вдруг – совсем нежданно – сразу!
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки…
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее – крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. – Он дома,
Сейчас придет.
Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. –
Я буду помнить все разводы

Цветных обой.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере –
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери –
И Вы вошли.
И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост. –
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря –
Еще за миг.

Я героически боролась.
– Мы с Вами даже ели суп! –
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И – самое родное в Вас! –
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню – Вы уже забыли –
Вы – там сидели, я – вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут –

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой…
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду

Уж не бывать.

В пол-оборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
«Глаза породистой собаки,
– Прощайте, граф».
Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели –
Колокола.

2

Прибой курчавился у скал, –
Протяжен, пенен, пышен, звонок…
Мне Вашу дачу указал –
Ребенок.

Невольно замедляя шаг
– Идти смелей как бы не вправе –
Я шла, прислушиваясь, как
Скрежещет гравий.

Скрип проезжающей арбы
Без паруса. – Сквозь плющ зеленый
Блеснули белые столбы
Балкона.

Была такая тишина,
Как только в полдень и в июле.
Я помню: Вы лежали на
Плетеном стуле.

Ах, не оценят – мир так груб! –
Пленительную Вашу позу.
Я помню: Вы у самых губ
Держали розу.

Не подымая головы,
И тем подчеркивая скуку –
О, этот жест, которым Вы
Мне дали руку.

Великолепные глаза
Кто скажет – отчего – прищуря,
Вы знали – кто сейчас гроза
В моей лазури.

От солнца или от жары –
Весь сад казался мне янтарен,
Татарин продавал чадры,
Ушел татарин…

Ваш рот, надменен и влекущ,
Был сжат – и было все понятно.
И солнце сквозь тяжелый плющ
Бросало пятна.

Все помню: на краю шэз-лонг
Соломенную Вашу шляпу,
Пронзительно звенящий гонг,
И запах

Тяжелых, переспелых роз
И складки в парусинных шторах,
Беседу наших папирос
И шорох,

С которым Вы, властитель дум,
На розу стряхивали пепел.
– Безукоризненный костюм
Был светел.

3

Его дочке

С ласточками прилетела
Ты в один и тот же час,
Радость маленького тела,
Новых глаз.

В марте месяце родиться
– Господи, внемли хвале! –

Это значит быть как птица
На земле.

Ласточки ныряют в небе,
В доме все пошло вверх дном:
Детский лепет, птичий щебет
За окном.

Дни ноябрьские кратки,
Долги ночи ноября.
Сизокрылые касатки –
За моря!

Давит маленькую грудку
Стужа северной земли.
Это ласточки малютку
Унесли.

Жалобный недвижим венчик,
Нежных век недвижен край.
Спи, дитя. Спи, Божий птенчик.
Баю-бай.

4

Война, война! – Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На, кажется, – надтреснутом-канате
Я – маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун.

5

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий

На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но, если в Вас уже успела
Остыть любовь –

К любовнику – любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, –
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили
И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле –
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног –
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь – безумие и пыл!
Припомните, с какою жаждой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните былые клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И, прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,

Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз…
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас –

Неданной клятвы не нарушу
– Жизнь! – Карие глаза твои! –
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

6

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой – так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала –
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду!
– Что ленты от Ваших венков! –

Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
– Письмо в бесконечность. – Письмо
в беспредельность –
Письмо в пустоту.
7

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы – протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута и я обокрадена, –
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд – поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, –
Умирающего светская лесть…

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
– Свежий холмик меж других бугорков! –
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

«Я видела вас три раза…»

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
– Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы-точно портрет в альбоме,
И мне не узнать, кто Вы.
Здесь все-говорят-случайно,
И можно закрыть альбом…
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух – не смирен никем он.
Мы-души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

– «Так что ж это было?» – Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать – кто я.

Подруга

1

Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!
И лучше – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной –
Красноречив!

Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех –
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни – разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас – хоть разорвись над гробом!
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то-что – неужели
Мне снится сон? –
За эту ироническую прелесть,
Что Вы – не он.

2

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

3

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане –
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабаня

По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот,
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство

4

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
– А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
– А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод.

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
– Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

5

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех…
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий – рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, –
Сильнее, чем я – желанной.

– Oh, je n'en puis plus, j'etouffe(1)* –
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув
На ней меховую полость.

Мир – весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки…
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд –
Не более – вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей – без гнева.
Ваш маленький Кай замерз,
О Снежная Королева.

[1] О, я больше не могу, я задыхаюсь! (фр.).

6

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распущен,
Как чудовищный цветок.

Скоро месяц – юн и тонок –
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслеток,
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
Спутники твои ревнивы? –
Кони кровные легки!

7

Как весело сиял снежинками
Ваш – серый, мой – соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась – шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.

Как рыжие поддевки-парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое С» абье.

Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.

Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.

Как руку Вы мою оставили,
Сказав: «О, я ее хочу!»
С какою бережностью вставили
В подсвечник – желтую свечу…

– О, светская, с кольцом опаловым
Рука! – О, вся моя напасть! –
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть!

Как в монастырскую гостиницу
– Гул колокольный и закат –
Блаженные, как имянинницы,
Мы грянули, как полк солдат.

Как я Вам – хорошеть до старости –
Клялась – и просыпала соль,
Как трижды мне – Вы были в ярости!
Червонный выходил король.

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой…

8

Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто – лета,
Кто – край ее, кто – век?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

До умилительности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст,
И – в серебре – опал.

Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

9

Ты проходишь своей дорогою,
руки твоей я не трогаю.
Но тоска во мне – слишком вечная,
Чтоб была ты мне – первой встречною.

Сердце сразу сказало: «Милая!»
Все тебе – наугад – простила я,
Ничего не знав, – даже имени! –
О, люби меня, о, люби меня!

Вижу я по губам – извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется – приступом!

Платье – шелковым черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Все в тебе мне до боли нравится, –
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок – стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный – с какого острова?

Опахалом чудишь, иль тросточкой, –
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, –
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Все, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

10

Могу ли не вспомнить я
Тот запах White-Rose и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком…

Мы были: я – в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы – в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом – без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, –
Но что-то сильней меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутливом тоне:
«Знакомьтесь же, господа».

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, –
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

Я помню – над синей вазой –
Как звякнули наши рюмки.
«О, будьте моим Орестом!»,
И я Вам дала цветок.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили-платок.

[1] Белой розы (модные в то время духи).

11

Все глаза под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, –

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвесть,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть…

Видишь крестик кипарисный?
– Он тебе знаком –
Все проснется – только свистни
Под моим окном.

12

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом – пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, – должно
Выздоравливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише:
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе едва нагретом…
Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

13

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

И глаза – кого – кого-то
Взглядом не дарят! –
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью – видит Бог! –
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
– Слушать не спеши! –
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
– Все равно-канун! –
Этот рот до поцелуя
Твоего был юн.

Взгляд-до взгляда – смел и светел,
Сердце – лет пяти…
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

14

Есть имена, как душные цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя…
Есть темные извилистые рты
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины. – Их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. – Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?

15

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе…
Вы – в дыме поезда… Поля
В вечерней жалобе –

Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны…
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

16

В первой любила ты

Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,

Звон – под конем – кремня,
Стройный прыжок с коня,
И – в самоцветных зернах –
Два челночка узорных.

А во второй-другой –
Тонкую бровь дугой,
Шелковые ковры
Розовой Бухары,
Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды
И полунощный Лондон.

Третья тебе была
Чем-то еще мила…

– Что от меня останется
В сердце твоем, странница?

17

Вспомяните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе… – Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

Уж часы – который час?..

Прозвенели.
Впадины огромных глаз,
Платья струйчатый атлас…
Еле-еле вижу Вас,
Еле-еле.

У соседнего крыльца
Свет погашен.
Где-то любят без конца…
Очерк Вашего лица
Очень страшен.

В комнате полутемно,
Ночь – едина.
Лунным светом пронзено,
Углубленное окно –
Словно льдина.

– Вы сдались? – звучит вопрос.
– Не боролась.
Голос от луны замерз.
Голос – словно за сто верст
Этот голос!

Лунный луч меж нами встал,
Миром движа.
Нестерпимо заблистал
Бешеных волос металл
Темно-рыжий.

Бег истории забыт
В лунном беге.
Зеркало луну дробит.
Отдаленный звон копыт,
Скрип телеги.

Уличный фонарь потух,
Бег – уменьшен.
Скоро пропоет петух
Расставание для двух
Юных женщин.

«Собаки спущены с цепи…»

Собаки спущены с цепи,
И бродят злые силы.
Спи, милый маленький мой, спи,
Котенок милый!

Свернись в оранжевый клубок
Мурлыкающим телом,
Спи, мой кошачий голубок,
Мой рыжий с белым!

Ты пахнешь шерстью и зимой,
Ты – вся моя утеха,
Переливающийся мой
Комочек меха.

Я к мордочке прильнула вплоть,
О, бачки золотые! –
Да сохранит тебя Господь
И все святые!

Германии

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око-око, кровь-за кровь»,
Германия-мое безумье!
Германия-моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland[8]
Где все еще по Кенигсбергу
Проходит узколицый Кант,

Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке –
Geheimrath Goethe[9] по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, – когда, –

– От песенок твоих в восторге –
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor[10].

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном-Лорелей.

Москва, 1 декабря 1914

«Радость всех невинных глаз…»

Радость всех невинных глаз,
– Всем на диво! –
В этот мир я родилась –
Быть счастливой!

Нежной до потери сил,
…
Только памятью смутил
Бог – богиню.

Помню ленточки на всех
Детских шляпах,
Каждый прозвеневший смех,
Каждый запах.

Каждый парус вдалеке
Жив – на муку.
Каждую в своей руке
Помню руку.

Каждое на ней кольцо
– Если б знали! –
Помню каждое лицо
На вокзале.

Все прощанья у ворот.
Все однажды…
Не поцеловавший рот –
Помню – каждый!

Все людские имена,
Все собачьи…
– Я по-своему верна,
Не иначе.

«Безумье – и благоразумье…»

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть –

Во мне. – Все каторжные страсти
Свились в одну! –
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот,
– Ах, наизусть! –
– Мой двадцатидвухлетний опыт –
Сплошная грусть!

Но облик мой – невинно розов,
– Что ни скажи! –
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик
– Ловимый вновь! –
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет…

От скрипки – от автомобиля –
Шелков, огня…
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я – невеста
У жениха…
От жеста и стиха – для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее…

И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее,
Когда я лгу…

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

«Легкомыслие! – милый грех…»

Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мои вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научил не хранить кольца, –
С кем бы жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть, как стебель, и быть, как сталь,
В жизни, где мы так мало можем…
– Шоколадом лечить печаль
И смеяться в лицо прохожим!

«Голоса с их игрой сулящей…»

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опаленные и палящие
Роковые рты –

О, я с Вами легко боролась!
Но, – что делаете со мной
Вы, насмешка в глазах, и в голосе
Холодок родной.

«Бессрочно кораблю не плыть…»

Бессрочно кораблю не плыть
И соловью не петь.
Я столько раз хотела жить
И столько умереть!

Устав, как в детстве от лото,
Я встану от игры,
Счастливая не верить в то,
Что есть еще миры.

«Что видят они? – пальто…»

Что видят они? – Пальто
На юношеской фигуре.
Никто не узнал, никто,
Что полы его, как буря.

Остер, как мои лета,
Мой шаг молодой и четкий.
И вся моя правота
Вот в этой моей походке.

А я ухожу навек
И думаю: день весенний
Запомнит мой бег – и бег
Моей сумасшедшей тени.

Весь воздух такая лесть,
Что я быстроту удвою.
Нет ветра, но ветер есть
Над этою головою!

Летит за крыльцом крыльцо,
Весь мир пролетает сбоку.
Я знаю свое лицо.
Сегодня оно жестоко.

Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг
Мой лоб рассекает-тучи!

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач…»

Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок…
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу черту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем!
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем.

Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка – гибкий…
И почему-то я поняла,
Что он – не играл на скрипке!

И было все ему нипочем, –
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.

Асе

Ты мне нравишься: ты так молода,
Что в полмесяца не спишь и полночи,
Что на карте знаешь те города,
Где глядели тебе вслед чьи-то очи.

Что за книгой книгу пишешь, но книг
Не читаешь, умиленно поникши,
Что сам Бог тебе – меньшой ученик,
Что же Кант, что же Шеллинг, что же Ницше?

Что весь мир тебе – твое озорство,
Что наш мир, он до тебя просто не был,
И что яе было и нет ничего
Над твоей головой – кроме неба.

«И все вы идете в сестры…»

И все вы идете в сестры,
И больше не влюблены
Я в шелковой шали пестрой
Восход стерегу луны.

Вы креститесь у часовни,
А я подымаю бровь…
– Но в вашей любви любовной
Стократ – моя нелюбовь!

«Спят трещотки и псы соседовы…»

Спят трещотки и псы соседовы, –
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выведывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов – и зорких птиц,
Заговорщиков час – и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс…
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен…
О, возлюбленный, – видишь, вот она
Отравительница! – Кармен.

«В тумане, синее ладана…»

В тумане, синее ладана,
Панели – как серебро.
Навстречу летит негаданно
Развеянное перо.

И вот уже взгляды скрещены,
И дрогнул – о чем моля? –
Твой голос с певучей трещиной
Богемского хрусталя.

Мгновенье тоски и вызова,
Движенье, как длинный крик,
И в волны тумана сизого,
Окунутый легкий лик.

Все длилось одно мгновение:
Отчалила… уплыла…
Соперница! – Я не менее
Прекрасной тебя ждала.

«С большою нежностью – потому…»

С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому – разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой…

И все – записки, и все – цветы,
Которых хранить – невмочь…
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!

«Все георгии на стройном мундире…»

Все Георгии на стройном мундире
И на перевязи черной – рука.
Черный взгляд невероятно расширен
От шампанского, войны и смычка.

Рядом – женщина, в любовной науке
И Овидия и Сафо мудрей.
Бриллиантами обрызганы руки,
Два сапфира – из-под пепла кудрей.

Плечи в соболе, и вольный и скользкий
Стан, как шелковый чешуйчатый хлыст.
И – туманящий сознание – польский
Лихорадочный щебечущий свист.

«Лорд байрон! – вы меня забыли!..»

Лорд Байрон! – Вы меня забыли!
Лорд Байрон! – Вам меня не жаль?
На…….. плечи шаль
Накидывали мне – не Вы ли?
И кудри-жесткие от пыли –
Разглаживала Вам – не я ль?

Чьи арфы…… аккорды
Над озером, – скажите, сэр! –
Вас усмиряли, Кондотьер?
И моего коня, – о, гордый!
Не Вы ли целовали в морду,
Десятилетний лорд и пэр!

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,
Кинжала дедовского сталь?
Кто целовал мою перчатку?
– Лорд Байрон! – Вам меня не жаль?

«Заповедей не блюла, не ходила к причастью…»

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
– Видно, пока надо мной не пропоют литию, –
Буду грешить – как грешу – как грешила:
со страстью
Господом данными мне чувствами – всеми пятью!

Други! – Сообщники! – Вы, чьи наущения – жгучи!
– Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, –
Богу на Страшном суде вместе ответим. Земля!

«Как жгучая, отточенная лесть…»

Как жгучая, отточенная лесть
Под римским небом, на ночной веранде,
Как смертный кубок в розовой гирлянде
Магических таких два слова есть.

И мертвые встают как по команде,
И Бог молчит – то ветреная весть
Язычника – языческая месть:
Не читанное мною Ars Amandi

Мне синь небес и глаз любимых синь
Слепят глаза. – Поэт, не будь в обиде,
Что времени мне нету на латынь!

Любовницы читают ли, Овидий?!
– Твои тебя читали ль? – Не отринь
Наследницу твоих же героинь!

«В гибельном фолианте…»

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Ars Amandi[11]
Женщине – вся земля.

Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле…
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

«Мне полюбить вас не довелось»

Мне полюбить Вас не довелось,
А может быть – и не доведется!
Напрасен водоворот волос
Над темным профилем инородца,
И раздувающий ноздри нос,
И закурчавленные реснички,
И – вероломные по привычке –
Глаза разбойника и калмычки.

И шаг, замедленный у зеркал,
И смех, пронзительнее занозы,
И этот хищнический оскал
При виде золота или розы,
И разлетающийся бокал,
И упирающаяся в талью
Рука, играющая со сталью,
Рука, крестящаяся под шалью.

Так, – от безделья и для игры –
Мой стих меня с головою выдал!
Но Вы красавица и добры:
Как позолоченный древний идол
Вы принимаете все дары!
И все, что голубем Вам воркую –
Напрасно – тщетно – вотще и всуе,
Как все признанья и поцелуи!

«Два солнца стынут – о господи, пощади!..»

Два солнца стынут – о Господи, пощади!
Одно-на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца – прощу ли себе сама? –
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

«Цветок к груди приколот…»

Цветок к груди приколот,
Кто приколол, – не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек –
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо –
И выстрелит в упор.

«Цыганская страсть разлуки!..»

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.

«Полнолунье и мех медвежий…»

Полнолунье и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс…
Легкомысленнейший час! – Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилостивил мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега – свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне сцеловываете, друг,
Я на дерево гляжу, – в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь – сниться,
Отоснились – Вы.

«Быть в аду нам, сестры пылкие…»

Быть в аду нам, сестры пылкие,
Пить нам адскую смолу, –
Нам, что каждою-то жилкою
Пели Господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкою
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,
Заводившим песни райские
У разбойного костра.

Нерадивым рукодельницам
– Шей не шей, а все по швам! –
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру – госпожам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду…
– Быть нам, девицы любезные,
Сестры милые – в аду!

«День угасший…»

День угасший
Нам порознь нынче гас.
Это жестокий час –
Для Вас же.

Время – совье,
Пусть птенчика прячет мать.
Рано Вам начинать
С любовью.

Помню первый
Ваш шаг в мой недобрый дом,
С пряничным петухом
И вербой.

Отрок чахлый,
Вы жимолостью в лесах,
Облаком в небесах –
Вы пахли!

На коленях
Снищу ли прощенья за
Слезы в твоих глазах
Оленьих.

Милый сверстник,
Еще в Вас душа – жива!
Я же люблю слова
И перстни.

«Лежат они, написанные наспех…»

Лежат они, написанные наспех,
Тяжелые от горечи и нег.
Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век

И слышу я, что где-то в мире – грозы,
Что амазонок копья блещут вновь.
– А я пера не удержу! – Две розы
Сердечную мне высосали кровь.

«Даны мне были и голос любый…»

Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать Судьба.

Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба…
Но на бегу меня тяжкой дланью
Схватила за волосы Судьба!

«Отмыкала ларец железный…»

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный, –
С крупным жемчугом перстенек,
С крупным жемчугом.

Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо.
Ветры веяли, птицы реяли,
Лебеди – слева, справа – вороны…
Наши дороги – в разные стороны.

Ты отойдешь – с первыми тучами,
Будет твой путь – лесами дремучими,
песками горючими.

Душу – выкличешь,
Очи – выплачешь.

А надо мною – кричать сове,
А надо мною – шуметь траве.

«Посадила яблоньку…»

Посадила яблоньку:
Малым – забавоньку,
Старому – младость,
Садовнику – радость.

Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору – досада,
Хозяйке – услада.

Породила доченьку –
Синие оченьки,
Горлинку – голосом,
Солнышко – волосом.
На горе девицам,
На горе молодцам.

«К озеру вышла. крут берег…»

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды в снег сбиты,
На голос воют. Рвут пасти –
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В серебро пены кань, злато,
Кань с песней.

Ярой дугою – как брызнет!
Встречной дугою – млад – лебедь
Как всполохнется, как взмоет
В день сизый!

«Собирая любимых в путь…»

Собирая любимых в путь,
Я им песни пою на память –
Чтобы приняли как-нибудь,
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
Ты без устали, ветер, пой,
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слез не лей, –
Как на праздник они обуты!
Ущеми себе жало, змей,
Кинь, разбойничек, нож свой лютый.

Ты, прохожая красота,
Будь веселою им невестой.
Потруди за меня уста, –
Наградит тебя Царь Небесный!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.
Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих!

«Ты запрокидываешь голову…»

Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая тебя верста… –

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, –
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков – царей…

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти…
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!

«Откуда такая нежность?..»

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
– Откуда такая нежность?
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая – о нежность! –
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

«Разлетелось в серебряные дребезги…»

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем-взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь-перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич – звонок.
Серебряно мне – петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

«Не сегодня – завтра растает снег…»

Не сегодня – завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя, у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоем –
Два обугленных прошлолетних круга!
Видно, отроком в невеселый дом
Завела подруга.

Далеко – в ночи – по асфальту – трость,
Двери настежь – в ночь – под ударом ветра.
Заходи – гряди! – нежеланный гость
В мой покой пресветлый.

«Голуби реют серебряные, растерянные…»

Голуби реют серебряные, растерянные,
вечерние.
Материнское мое благословение
Над тобой, мой жалобный
Вороненок.

Иссиня – черное, исчерна –
Синее твое оперение.
Жесткая, жадная, жаркая
Масть.
Было еще двое
Той же масти – черной молнией сгасли!
Лермонтов, Бонапарт.

Выпустила я тебя в небо,
Лети себе, лети, болезный!
Смиренные, благословенные
Голуби реют серебряные,
Серебряные над тобой.

«Еще и еще песни…»

Еще и еще песни
Слагайте о моем кресте.
Еще и еще перстни
Целуйте на моей руке.

Такое со мной сталось,
Что гром прогромыхал зимой,
Что зверь ощутил жалость
И что заговорил немой.

Мне солнце горит – в полночь!
Мне в полдень занялась звезда!
Смыкает надо мной волны
Прекрасная моя беда.

Мне мертвый восстал из праха!
Мне страшный совершился суд!
Под рев колоколов на плаху
Архангелы меня ведут.

«Не ветром ветреным – до – осени…»

Не ветром ветреным – до – осени
Снята гроздь.
Ах, виноградарем – до – осени
Пришел гость.

Небесным странником – мне – страннице
Предстал – ты.
И речи странные – мне – страннице
Шептал – ты.

По голубым и голубым лестницам
Повел в высь.
Под голубым и голубым месяцем
Уста – жглись.

В каком источнике – их – вымою,
Скажи, жрец!
И тяжкой верности с головы моей
Сними венец!

«Гибель от женщины. вот знак…»

Гибель от женщины. Вот знак
На ладони твоей, юноша.
Долу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полуночи.

Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
Что небесен.

Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза – что? – пряча.
Ах, запрокинется твоя голова –
Иначе.

Голыми руками возьмут – ретив! упрям! –
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растреплют крылья твои по всем четырем в
Серафим! – Орленок! –

«Приключилась с ним странная хворь…»

Приключилась с ним странная хворь,
И сладчайшая на него нашла оторопь.
Все стоит и смотрит ввысь,
И не видит ни звезд, ни зорь
Зорким оком своим – отрок.

А задремлет – к нему орлы
Шумнокрылые слетаются с клекотом,
И ведут о нем дивный спор.
И один – властелин скалы –
Клювом кудри ему треплет.

Но дремучие очи сомкнув,
Но уста полураскрыв – спит себе.
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.

«Устилают – мои – сени…»

Устилают – мои – сени
Пролетающих голубей – тени.
Сколько было усыновлений!
Умилений!

Выхожу на крыльцо: веет,
Подымаю лицо: греет.
Но душа уже – не – млеет,
Не жалеет.

На ступеньке стою – верхней,
Развеваются надо мной – ветки.
Скоро купол на той церкви
Померкнет.

Облаками плывет Пасха,
Колоколами плывет Пасха…
В первый раз человек распят –
На Пасху.

«На крыльцо выхожу – слушаю…»

На крыльцо выхожу – слушаю,
На свинце ворожу – плачу.
Ночи душные,
Скушные.
Огоньки вдали, станица казачья.

Да и в полдень нехорош – пригород:
Тарахтят по мостовой дрожки,
Просит нищий грошик,
Да ребята гоняют кошку,
Да кузнечики в траве – прыгают.

В черной шали, с большим розаном
На груди, – как спадет вечер,
С рыжекудрым, розовым,
Развеселым озорем
Разлюбезные – поведу – речи.

Серебром меня не задаривай,
Крупным жемчугом материнским,
Перстеньком с мизинца.
Поценнее хочу гостинца:
Над станицей – зарева!

«В день благовещенья…»

В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнущий,
Окна настежь распахнуты, –
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
– Летите, куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
– Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

«Канун благовещенья…»

Канун Благовещенья.
Собор Благовещенский
Прекрасно светится.
Над главным куполом,
Под самым месяцем,
Звезда – и вспомнился
Константинополь.

На серой паперти
Старухи выстроились,
И просят милостыню
Голосами гнусными.
Большими бусами
Горят фонарики
Вкруг Божьей Матери.

Черной бессонницей
Сияют лики святых,
В черном куполе
Оконницы ледяные.
Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
– Благословен плод чрева
Твоего, Дева
Милая!

Пошла странствовать
По рукам – свеча.
Пошло странствовать
По устам слово:
– Богородице.

Светла, горяча
Зажжена свеча.

К Солнцу – Матери,
Затерянная в тени,
Воззываю и я, радуясь:
Матерь – матери
Сохрани

Дочку голубоглазую!
В светлой мудрости
Просвети, направь
По утерянному пути –
Блага.

Дай здоровья ей,
К изголовью ей
Отлетевшего от меня
Приставь – Ангела.
От словесной храни – пышности,
Чтоб не вышла как я – хищницей,
Чернокнижницей.

Служба кончилась.
Небо безоблачно.
Крестится истово
Народ и расходится.
Кто – по домам,
А кому – некуда,
Те – Бог весть куда,
Все – Бог весть куда!

Серых несколько
Бабок древних
В дверях замешкались, –
Докрещиваются
На самоцветные
На фонарики.

Я же весело
Как волны валкие
Народ расталкиваю.
Бегу к Москва – реке
Смотреть, как лед идет.

«Четвертый год…»

Четвертый год.
Глаза, как лед,
Брови уже роковые,
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки скрещены,
Рот нем.
Брови сдвинув – Наполеон! –
Ты созерцаешь – Кремль.

– Мама, куда – лед идет?
– Вперед, лебеденок.
Мимо дворцов, церквей, ворот
Вперед, лебеденок!

Синий
Взор – озабочен.
– Ты меня любишь, Марина?
– Очень.
– Навсегда?
– Да.

Скоро – закат,
Скоро – назад:
Тебе – в детскую, мне –
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Все
Идет.

«За девками доглядывать, не скис…»

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Всыпая в узкогорлые бутыли.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крестным

Кормилица с дородным петухом
В переднике – как ночь ее повойник! –
Докладывает древним шепотком,
Что молодой – в часовенке – покойник…

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони – что ангелы – белы,
И голуби на них – что ладан – сизы.

И странница, потягивая квас
Из чайника, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

«Димитрий! Марина! в мире…»

Димитрий! Марина! В мире
Согласнее нету ваших
Единой волною вскинутых,
Единой волною смытых
Судеб! Имен!

Над темной твоею люлькой,
Димитрий, над люлькой пышной
Твоею, Марина Мнишек,
Стояла одна и та же
Двусмысленная звезда.

Она же над вашим ложем,
Она же над вашим троном
– Как вкопанная – стояла
Без малого – целый год.

Взаправду ли знак родимый
На темной твоей ланите,
Димитрий, – все та же черная
Горошинка, что у отрока
У родного, у царевича
На смуглой и круглой щечке
Смеясь целовала мать?
Воистину ли, взаправду ли –
Нам сызмала деды сказывали,
Что грешных судить – не нам?

На нежной и длинной шее
У отрока – ожерелье.
Над светлыми волосами
Пресветлый венец стоит.

В Марфиной черной келье
Яркое ожерелье!
– Солнце в ночи! – горит.

Памятливыми глазами
Впилась – народ замер.
Памятливыми губами
Впилась – в чей – рот.

Сама инокиня
Признала сына!
Как же ты – для нас – не то;!

Марина! Царица – Царю,
Звезда – самозванцу!
Тебя пою,
Злую красу твою,
Лик без румянца.
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя
Славно ношу.

Правит моими бурями
Марина – звезда – Юрьевна,
Солнце – среди – звезд.

Крест золотой скинула,
Черный ларец сдвинула,
Маслом святым ключ
Масленный – легко движется.
Черную свою книжищу
Вынула чернокнижница.

Знать, уже делать нечего,
Отошел от ее от плечика
Ангел, – пошел несть
Господу злую весть:

– Злые, Господи, вести!
Загубил ее вор – прелестник!

Марина! Димитрий! С миром,
Мятежники, спите, милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас в соборе Архангельском
Большая свеча горит.

«Облака – вокруг…»

Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! –
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церквей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние –
На Ваганькове.

«Из рук моих – нерукотворный град…»

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По церковке – все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

И Спасские – с цветами – ворота,
Где шапка православного снята.

Часовню звездную – приют от зол –
Где вытертый от поцелуев – пол.

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил…
Ты не раскаешься, что ты меня любил.

«Мимо ночных башен…»

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая – ох – кровь!

Мой рот разгарчив,
Даром, что свят – вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было – как хочу.

«Настанет день – печальный, говорят!..»

Настанет день – печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
– Остужены чужими пятаками –
Мои глаза, подвижные как пламя.
И-двойника нащупавший двойник –
Сквозь легкое лицо проступит лик.
О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали – завижу ли и Вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет,
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

«Над городом, отвергнутым Петром…»

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

«Над синевою подмосковных рощ…»

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой, –

Калужской – песенной – прекрасной, и она
Смывает и смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, –

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

«Москва! – какой огромный…»

Москва! – Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека – далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть –
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, –
Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

«Говорила мне бабка лютая…»

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
– Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, –
Царевать тебе – под заборами!
Целовать тебе, внучка, – ворона.

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления, да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет да за милость царскую,
За карманы твои порожние
Да за песни твои острожные,
За позор пополам со смутою, –
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол –
Сволокут меня черти волоком,
Я за чаркой, с тобою роспитой,
Говорила, скажу и Господу, –
Что любила тебя, мальчоночка,
Пуще славы и пуще солнышка.

«Да с этой львиною…»

Да с этой львиною
Златою россыпью,
Да с этим поясом,
Да с этой поступью, –
Как не бежать за ним
По белу по свету –
За этим поясом,
За этим посвистом!

Иду по улице –
Народ сторонится.
Как от разбойницы,
Как от покойницы.

Уж знают все, каким
Молюсь угодникам
Да по зелененьким,
Да по часовенкам.

Моя, подруженьки,
Моя, моя вина.
Из голубого льна
Не тките савана.

На вечный сон за то,
Что не спала одна –
Под дикой яблоней
Ложусь без ладана.

«Веселись, душа, пей и ешь!..»

Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок –
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там где во поле, во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян!

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
Вечной памяти не хочу
На родной земле.

«Братья, один нам путь прямохожий…»

Братья, один нам путь прямохожий
Под небом тянется.
…….я тоже
Бедная странница…
Вы не выспрашивайте, на спросы
Я не ответчица.

Только и памятлив, что на песни
Рот мой улыбчивый.
Перекреститесь, родные, если
Что и попритчилось.

«Всюду бегут дороги…»

Всюду бегут дороги,
По лесу, по пустыне,
В ранний и поздний час.

Люди по ним ходят,
Ходят по ним дроги,
В ранний и поздний час.

Топчут песок и глину
Страннические ноги,
Топчут кремень и грязь…

Кто на ветру – убогий?
Всяк на большой дороге
Переодетый князь!

Треплются их отрепья
Всюду, где небо – сине,
Всюду, где Бог – судья.

Сталкивает их цепи,
Смешивает отрепья
Парная колея.

Так по земной пустыне,
Кинув земную пажить
И сторонясь жилья,

Нищенствуют и княжат –
Каторжные княгини,
Каторжные князья.

Вот и сошлись дороги,
Вот мы и сшиблись клином.
Темен, ох, темен час.

Это не я с тобою, –
Это беда с бедою
Каторжная – сошлась.

Что же! Целуй в губы,

Коли тебя, любый,
Бог от меня не спас.

Всех по одной дороге
Поволокут дроги –
В ранний ли, поздний час.

«Люди на душу мою льстятся…»

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня – святцы,

А восприемников за душой
Цельный, поди, монастырь мужской!

Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот – орленком, щегленком-тот,
Всяк по – иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц –
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали – равно, называли – разно,
Все называли, никто не назвал.

«Коли милым назову – не соскучишься!..»

Коли милым назову – не соскучишься!
Богородицей – слыву – Троеручицей:
Одной – крепости крушу, друга – тамотка,
Третьей по морю пишу – рыбам грамотку.

А немилый кто взойдет да придвинется,
Подивится весь народ, что за схимница!
Филин ухнет, черный кот ощетинится.
Будешь помнить цельный год – чернокнижницу!

Черт: ползком не продерусь! – а мне едется!
Хочешь, с зеркальцем пройдусь – в гололедицу?
Ради барских твоих нужд – хошь в метельщицы!
Только в мамки – не гожусь – в колыбельщицы!

Коль похожа на жену – где повойник мой?
Коль похожа на вдову – где покойник мой?
Коли суженого жду – где бессонница?
Царь – Девицею живу – беззаконницей!

«Обвела мне глаза кольцом…»

Обвела мне глаза кольцом
Теневым – бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись – идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало – тебе – дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала – и накликала
Теневой венец.

Мало – меня – звала?
Мало – со мной – спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

– Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы – спалось – легче,
Буду – тебе – певчим:

– Спи, подруженька
Неугомонная!

Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,

И кому с тобой ни клялись мы.
Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон – свят,
Все – спят.
Венец – снят.

«Руки люблю…»

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще – раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.
Сплю почти
Где-то в ночи
Человек тонет.

«В огромном городе моем – ночь…»

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

«После бессонной ночи слабеет тело…»

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы –
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

«Нынче я гость небесный…»

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа – гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был – сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

«Сегодня ночью я одна в ночи…»

Сегодня ночью я одна в ночи –
Бессонная, бездомная черница! –
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
– О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль
мой! –
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воюющую землю!

Вздымаются не волосы – а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех, –
Кого жалеют и кого целуют.

«Нежно-нежно, тонко-тонко…»

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне.
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи моей прекрасной
Ходит по сердцу пила.

«Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая…»

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет – люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце – ночь!

«Кто спит по ночам? никто не спит!..»

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод – с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь – проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:

Не спи! крепись! говорю добром!
А то – вечный сон! а то – вечный дом!

«Бессонница! друг мой!..»

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно –
Звенящей ночи.

– Прельстись!
Пригубь!
Не в высь,
А в глубь –
Веду…
Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!
Прельстись!
Испей!
От всех страстей –
Устой,
От всех вестей –
Покой.
– Подруга! –
Удостой.
Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми –
Втяни,
Глотни:
– Не будь! –
О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей –
Страстнейшая, из всех смертей
Нежнейшая… Из двух горстей
Моих – прельстись! – испей!

Мир без вести пропал. В нигде –
Затопленные берега…
– Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга…

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
С каким любовником кутеж
С моим
– Дитя –
Сравним?

А если спросят (научу!),
Что, дескать, щечки не свежи, –
С Бессонницей кучу, скажи,
С Бессонницей кучу…

«Нежный призрак…»

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж Третий
Вечер я чую ворога.

Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне под ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом –
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпься!
Аминь.

«Ты проходишь на запад Солнца…»

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег. –

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий-святыя славы –
Вседержитель моей души.

«Зверю – берлога…»

Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому-свое.

Женщине – лукавить,
Царю-править,
Мне-славить
Имя твое.

«У меня в москве – купола горят!..»

У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как. над рекой – Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю –
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари…

Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся. Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.

«Думали – человек!..»

Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек.
– Плачьте о мертвом ангеле!

Она на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.

Шли от него лучи –
Жаркие струны по снегу!
Три восковых свечи –
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите, как
Веки ввалились темные!
О поглядите, как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные…
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

«Должно быть – за той рощей…»

Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.

– Эй, идолы, чтоб вы сдохли!
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед – охлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

«И тучи оводов вокруг равнодушных кляч…»

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый – желтый – за синею рощей –
крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

«Как слабый луч сквозь черный морок адов…»

Как слабый луч сквозь черный морок адов –
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, –

Откуда-то из древних утр туманных –
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства – грех…
И как нежнее всех – ту, глубже всех

В ночь канувшую – на дела лихие!
И как не разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска – потерянным перстом
Все водит, водит… И еще о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать – и как не
встанет…

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),

Предстало нам – всей площади широкой! –
Святое сердце Александра Блока.

«Вот он – гляди – уставший от чужбин…»

Вот он – гляди – уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот – горстью пьет из горной быстрины –
Князь без страны.

Там все ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.

Красно твое наследие, – владей,
Друг без друзей!

«Останешься нам иноком…»

Останешься нам иноком:
Хорошеньким, любименьким,
Требником рукописным,
Ларчиком кипарисным.

Всем – до единой – женщинам,
Им, ласточкам, нам, венчанным,
Нам, злату, тем, сединам,
Всем – до единой – сыном

Останешься, всем – первенцем,
Покинувшим, отвергнувшим,
Посохом нашим странным,
Странником нашим ранним.

Всем нам с короткой надписью
Крест на Смоленском кладбище
Искать, всем никнуть в черед,
Всем…….. не верить.

Всем – сыном, всем – наследником,
Всем – первеньким, последненьким.

«Други его – не тревожьте его!..»

Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!
Было так ясно на лике его:
Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил, –
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья изведали право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! –
Знают, что этого нет – умереть!

Зори пьет, море пьет – в полную сыть
Бражничает. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! –
Хлеба достанет его накормить!

«А над равниной…»

А над равниной –
Крик лебединый.
Матерь, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной – он – версты,
Это последнее – он – прости.

А над равниной –
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови…
Это последнее он: – Живи!

Над окаянной –
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал – осанна!
Каторжник койку – обрел – теплынь.
Пасынок к матери в дом. – Аминь.
Не проломанное ребро –
Переломленное крыло.

«Не расстрельщиками навылет…»

Не расстрельщиками навылет
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.
Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему – трепет черни,

Женской лести лебяжий пух…
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

«Без зова, без слова…»

Без зова, без слова, –
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, – в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель…
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот – его – рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а терном –
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
– И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!

Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может, – проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.
Такую усталость –
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

«Как сонный, как пьяный…»

Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:
Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес –
Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?

«Так, господи! и мой обол…»

Так, Господи! И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь –
Гранит, коленами протертый.
Всем отданы герой и царь,
Всем – праведник – певец – и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тесом,
Русь – Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который? –
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору.

«То-то в зеркальце – чуть брезжит»

То-то в зеркальце – чуть брезжит
Все гляделась:
Хорошо ли для приезжих
Разоделась.

По сережкам да по бусам
Стосковалась.
То-то с купчиком безусым
Целовалась.

Целовалась, обнималась –
Не стыдилась!
Всяк тебе: «Прости за малость!»
– «Сделай милость!»

Укатила в половодье
На три ночи.
Желтоглазое отродье!
Ум сорочий!

А на третью – взвыла Волга,
Ходит грозно.
Оступиться, что ли, долго
С перевозу?

Вот тебе и мех бобровый,
Шелк турецкий!
Вот тебе и чернобровый
Сын купецкий!

Не купецкому же сыну
Плакать даром!
Укатил себе за винным
За товаром!

Бурлаки над нею, спящей,
Тянут барку. –
За помин души гулящей
Выпьем чарку.

«В оны дни ты мне была, как мать…»

В оны дни ты мне была, как мать,
Я в ночи тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный,
Свет очей моих в ночи оны.

Благодатная, вспомяни,
Незакатные оны дни,
Материнские и дочерние,
Незакатные, невечерние.

Не смущать тебя пришла, прощай,
Только платья поцелую край,
Да взгляну тебе очами в очи,
Зацелованные в оны ночи.

Будет день – умру – и день – умрешь,
Будет день – пойму – и день – поймешь.
И вернется нам в день прощеный
Невозвратное время оно.

«Я пришла к тебе черной полночью…»

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я – бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих – междуцарствие,
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псари царствуют.

Кто земель моих не оспаривал,
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи не варил – варева,
Не жег – зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я до тла расхищена.
У палат твоих, царь истинный,
Стою – нищая!

«Продаю! продаю! продаю!..»

Продаю! Продаю! Продаю!
Поспешайте, господа хорошие!
Золотой товар продаю,
Чистый товар, не ношенный,
Не сквозной, не крашенный, –
Не запрашиваю!

Мой товар-на всякий лад, на всякий вкус.
Держись, коробейники! –
Не дорожусь! не дорожусь! не дорожусь!
Во что оцените.
Носи – не сносишь!
Бросай – не сбросишь!

Эй, товары хороши-то хороши!
Эй, выкладывайте красные гроши!
Да молитесь за помин моей души!

«Много тобой пройдено…»

Много тобой пройдено
Русских дорог глухих.
Ныне же вся родина
Причащается тайн твоих.

Все мы твои причастники,
Смилуйся, допусти! –
Кровью своей причастны мы
Крестному твоему пути.

Чаша сия – полная,
– Причастимся Св<ятых> даров!
Слезы сии солоны,
– Причастимся Св<ятых> даров!

Тянут к тебе матери
Кровную кровь свою.
Я же – слепец на паперти –
Имя твое пою.

«О, муза плача, прекраснейшая из муз!..»

О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами-то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий…
И я дарю тебе свой колокольный град,
– Ахматова! – и сердце свое в придачу.

«Охватила голову и стою…»

Охватила голову и стою,
– Что людские козни! –
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас – одна,
Как луна на небе!

Что, на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна – милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою, как ремнем,
Мне стянула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь – нищей,

Что тебя, чей голос – о глубь, о мгла!
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

«Еще один огромный взмах…»

Еще один огромный взмах –
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумане дней?
Ждала и пела…
Так много вздоха было в ней,
Так мало – тела.

Не человечески мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было Что-то.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!

Часы, года, века. – Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.

Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.

«Имя ребенка – Лев…»

Имя ребенка – Лев,
Матери – Анна.
В имени его – гнев,
В материнском – тишь.
Волосом он рыж
– Голова тюльпана! –
Что ж, осанна
Маленькому царю.

Дай ему Бог – вздох
И улыбку матери,
Взгляд – искателя
Жемчугов.
Бог, внимательней
За ним присматривай:
Царский сын – гадательней
Остальных сынов.

Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!

Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок – в твоей горсти!

«Сколько спутников и друзей!..»

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия – и во рту
Крылышко розы.

Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе…

И – высоко у парусов –
Отрока в синей блузе.
Гром моря и грозный зов
Раненой Музы.

«Не отстать тебе! я – острожник…»

Не отстать тебе! Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти – ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

«Ты, срывающая покров…»

Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
– Чернокнижница! – Крепостница!
Я заслышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу.

Слышу страстные голоса –
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса –
И один – между ними – черный.

Океаном ли правишь путь,
Или воздухом – всею грудью
Жду, как солнцу, подставив грудь
Смертоносному правосудью.

«На базаре кричал народ…»

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном – с цветиками – платке,
– Милости удостоиться
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергий – Троицы,

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

«Златоустой Анне-всея Руси…»

Златоустой Анне-всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! – Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне – всея Руси!

«У тонкой проволоки над волной овсов…»

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос – как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие – свят, свят, свят –
Не тем же ль голосом. Господи, говорят.

Стою и слушаю и растираю колос,
И темным куполом меня замыкает-голос.
Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истово, – а руки твоей.

Для всех, в томленьи славящих твой подъезд,
Земная женщина, мне же – небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны,
И все твоими очами глядят иконы!

«Ты солнце в выси мне застишь…»

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы – двери настежь! –
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.

«Руки даны мне – протягивать каждому обе…»

Руки даны мне – протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы – давать имена,
Очи – не видеть, высокие брови над ними –
Нежно дивиться любви и – нежней – нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, –
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно быть –
Мне загоститься не дать на российской земле!

«А что если кудри в плат…»

А что если кудри в плат
Упрячу – что вьются валом,
И в синий вечерний хлад
Побреду себе…….

– Куда это держишь путь,
Красавица – аль в обитель?
– Нет, милый, хочу взглянуть
На царицу, на царевича, на Питер.

– Ну, дай тебе Бог! – Тебе! –
Стоим опустив ресницы.
– Поклон от меня Неве,
Коль запомнишь, да царевичу с царицей.

…И вот меж крылец-крыльцо
Горит заревою пылью,
И вот – промеж лиц – лицо
Горбоносое и волосы как крылья.

На лестницу нам нельзя, –
Следы по ступенькам лягут.
И снизу – глаза в глаза:
– Не потребуется ли, барынька, ягод?

«Белое солнце и низкие, низкие тучи…»

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов – за белой стеною – погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд…
Старая баба – посыпанный крупною солью
Черный ломоть у калитки жует и жует.

Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! – и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь…

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. – Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже ты мой!

«Вдруг вошла…»

Вдруг вошла
Черной и стройной тенью
В дверь дилижанса.
Ночь
Ринулась вслед.

Черный плащ
И черный цилиндр с вуалью.
Через руку
В крупную клетку – плед.
Если не хочешь муку
Принять, – спи, сосед.

Шаг лунатик. Лик
Узок и ярок.
Горячи
Глаз черные дыры.

Скользнул на колени
Платок нашейный,
И вонзились
Острия локтей – в острия колен.

В фонаре
Чахлый чадит огарок.
Дилижанс – корабль,
Дилижанс – корабль.
Лес
Ломится в окна.
Скоро рассвет.

Если не хочешь муку
Принять-спи, сосед!

«Искательница приключений…»

Искательница приключений,
Искатель подвигов – опять
Нам волей роковых стечений
Друг друга суждено узнать.

Но между нами – океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,
И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев, –
И эта ветреная лира!

Мне и тогда на земле
Не было места!
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.
А Вас ждала прелестная невеста
В поместье родовом.

По ночам, в дилижансе, –
И за бокалом Асти,
Я слагала Вам стансы
О прекрасной страсти.

Гнал веттурино,
Пиньи клонились: Salve!
Звали меня-Коринной,
Вас – Освальдом.

«Села я на подоконник, ноги свесив…»

Села я на подоконник, ноги свесив.
Он тогда спросил тихонечко: Кто здесь?
– Это я пришла. – Зачем? – Сама не знаю.
– Время позднее, дитя, а ты не спишь.

Я луну увидела на небе,
Я луну увидела и луч.
Упирался он в твое окошко, –
Оттого, должно быть, я пришла…

О, зачем тебя назвали Даниилом?
Все мне снится, что тебя терзают львы!

«Наездницы, развалины, псалмы…»

Наездницы, развалины, псалмы,
И вереском поросшие холмы,
И наши кони смирные бок о бок,
И подбородка львиная черта,
И пасторской одежды чернота,
И синий взгляд, пронзителен и робок.

Ты к умирающему едешь в дом,
Сопровождаю я тебя верхом.
(Я девочка, – с тебя никто не спросит!)
Поет рожок меж сосенных стволов…
– Что означает, толкователь снов,
Твоих кудрей довременная проседь?

Озерная блеснула синева,
И мельница взметнула рукава,
И, отвернув куда-то взгляд горячий,
Он говорит про бедную вдову…
Что надобно любить Иегову…
И что не надо плакать мне – как плачу.

Запахло яблонями и дымком,
– Мы к умирающему едем в дом,
Он говорит, что в мире все нам снится.
Что волосы мои сейчас как шлем…
Что все пройдет… Молчу – и надо всем
Улыбка Даниила – тайновидца.

«В полнолунье кони фыркали…»

В полнолунье кони фыркали,
К девушкам ходил цыган.
В полнолунье в красной кирке
Сам собою заиграл орган.

По лугу металась паства
С воплями: Конец земли!
Утром молодого пастора
У органа – мертвого нашли.

На его лице серебряном
Были слезы. Целый день
Притекали данью щедрой
Розы из окрестных деревень.

А когда покойник прибыл
В мирный дом своих отцов –
Рыжая девчонка Библию
Запалила с четырех концов.

«Не моя печаль, не моя забота…»

Не моя печаль, не моя забота,
Как взойдет посев,
То не я хочу, то огромный кто-то:
И ангел и лев.

Стерегу в глазах молодых-истому,
Черноту и жар.
Так от сердца к сердцу, от дома к дому
Вздымаю пожар.

Разметались кудри, разорван ворот…
Пустота! Полет!
Облака плывут, и горящий город
Подо мной плывет.

«И взглянул, как в первые раза…»

И взглянул, как в первые раза
Не глядят.
Черные глаза глотнули взгляд.

Вскинула ресницы и стою.
– Что, – светла? –
Не скажу, что выпита до тла.

Все до капли поглотил зрачок.
И стою.
И течет твоя душа в мою.

«Бог согнулся от заботы…»

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого –
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов его.

«Чтоб дойти до уст и ложа…»

Чтоб дойти до уст и ложа –
Мимо страшной церкви Божьей
Мне идти.

Мимо свадебных карет,
Похоронных дрог.
Ангельский запрет положен
На его порог.

Так, в ночи ночей безлунных,
Мимо сторожей чугунных:
Зорких врат –

К двери светлой и певучей
Через ладанную тучу
Тороплюсь,

Как торопится от века
Мимо Бога – к человеку
Человек.

«И поплыл себе – Моисей в корзине!..»

И поплыл себе – Моисей в корзине!
Через белый свет.
Кто же думает о каком-то сыне
В восемнадцать лет!

С юной матерью из чужого края
Ты покончил счет,
Не узнав, какая тебе, какая
Красота растет.

Раззолоченной роковой актрисе –
Не до тех речей!
А той самой ночи – уже пять тысяч
И пятьсот ночей.

И не знаешь ты, и никто не знает,
– Бог один за всех! –
По каким сейчас площадям гуляет
Твой прекрасный грех!

«На завитки ресниц…»

На завитки ресниц
Невинных и наглых,
На золотой загар
И на крупный рот, –
На весь этот страстный,
Мальчишеский, краткий век
Загляделся один человек
Ночью, в трамвае.

Ночь – черна,
И глаза ребенка – черны,
Но глаза человека – черней.
– Ах! – схватить его, крикнуть:
– Идем! Ты мой!
Кровь – моя течет в твоих темных жилах.
Целовать ты будешь и петь,
Как никто на свете!
Насмерть
Женщины залюбят тебя!

И шептать над ним, унося его на руках
по большому лесу,
По большому свету,
Все шептать над ним это странное слово: – Сын!

«Соперница, а я к тебе приду…»

Соперница, а я к тебе приду
Когда-нибудь, такою ночью лунной,
Когда лягушки воют на пруду
И женщины от жалости безумны.

И, умиляясь на биенье век
И на ревнивые твои ресницы,
Скажу тебе, что я – не человек,
А только сон, который только снится.

И я скажу: – Утешь меня, утешь,
Мне кто-то в сердце забивает гвозди!
И я скажу тебе, что ветер – свеж,
Что горячи – над головою – звезды…

«И другу на руку легло…»

И другу на руку легло
Крылатки тонкое крыло.
Что я поистине крылата,
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки…
И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

«Так, от века здесь, на земле, до века…»

Так, от века здесь, на земле, до века,
И опять, и вновь
Суждено невинному человеку –
Воровать любовь.

По камням гадать, оступаться в лужи
…….
Сторожа часами – чужого мужа,
Не свою жену.

Счастье впроголодь? у закона в пасти!
Без свечей, печей…
О несчастное городское счастье
Воровских ночей!

У чужих ворот – не идут ли следом? –
Поцелуи красть…
– Так растет себе под дождем и снегом
Воровская страсть…

«И не плача зря…»

И не плача зря
Об отце и матери – встать, и с Богом
По большим дорогам
В ночь – без собаки и фонаря.

Воровская у ночи пасть:
Стыд поглотит и с Богом тебя разлучит.
А зато научит
Петь и, в глаза улыбаясь, красть.

И кого-то звать
Длинным свистом, на перекрестках черных,
И чужих покорных
Жен под деревьями целовать.

Наливается поле льдом,
Или колосом – все по дорогам – чудно!
Только в сказке – блудный
Сын возвращается в отчий дом.

Евреям

Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!

В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

«Целую червонные листья и сонные рты…»

Целую червонные листья и сонные рты,
Летящие листья и спящие рты.
– Я в мире иной не искала корысти. –
Спите, спящие рты,
Летите, летящие листья!

«Погоди, дружок!..»

Погоди, дружок!
Не довольно ли нам камень городской толочь?
Зайдем в погребок,
Скоротаем ночь.

Там таким – приют,
Там целуются и пьют, вино и слезы льют,
Там песни поют,
Пить и есть дают.

Там в печи – дрова,
Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах нож.
Там и я права,
Там и ты хорош.

Там одна – темней
Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней.
Ох, взгляд у ней!
Ох, голос у ней!

«Каждый день все кажется мне: суббота!..»

Каждый день все кажется мне: суббота!
Зазвонят колокола, ты войдешь.
Богородица из золотого киота
Улыбнется, как ты хорош.

Что ни ночь, то чудится мне: под камнем
Я, и камень сей на сердце – как длань.
И не встану я, пока не скажешь, пока мне
Не прикажешь: Девица, встань!

«Словно ветер над Нивой, словно…»

Словно ветер над нивой, словно
Первый колокол – это имя.
О, как нежно в ночи любовной
Призывать Элоима!

Элоим! Элоим! В мире
Полночь, и ветры стихли.
К невесте идет жених.
Благослови
На дело любви
Сирот своих!

Мы песчинок морских бесследней,
Мы бесследней огня и дыма.
Но как можно в ночи последней
Призывать Элоима!

«Счастие или грусть…»

Счастие или грусть –
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теребить в руках,
И прослыть в веках –
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой –
Гончаровой.

Сон или смертный грех –
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно – кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать – Ланского.

«Через снега, снега…»

Через снега, снега –
Слышишь голос, звучавший еще в Эдеме?
Это твой слуга
С тобой говорит, Господин мой – Время.

Черных твоих коней
Слышу топот.
Нет у тебя верней
Слуги – и понятливей ученицы.

Рву за цветком цветок,
И целует, целует мой рот поющий.
– О бытие! Глоток
Горячего грога на сон грядущий!

«По дорогам, от мороза звонким…»

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Все – снег, все – смерть, все – сон.

На кустах серебряные стрелы.
Было у меня когда – то тело,
Было имя, – но не все ли – дым?

Голос был, горячий и глубокий…
Говорят, что тот голубоокий,
Горностаевый ребенок – мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным – давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

«Рок приходит не с грохотом и громом…»

Рок приходит не с грохотом и громом,
А так: падает снег,
Лампы горят. К дому
Подошел человек.

Длинной искрой звонок вспыхнул.
Взошел, вскинул глаза.
В доме совсем тихо.
И горят образа.

«Я ли красному как жар киоту…»

Я ли красному как жар киоту
Не молилась до седьмого поту?
Гость субботний, унеси мою заботу,
Уведи меня с собой в свою субботу.

Я ли в день святого Воскресенья
Поутру не украшала сени?
Нету для души моей спасенья,
Нету за субботой воскресенья!

Я ль свечей не извожу по сотням?
Третью полночь воет в подворотне
Пес захожий. Коли душу отнял –
Отними и тело, гость субботний!

«Ты, мерящий меня по дням…»

Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям –
Шатался – под луной огромной?

И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?

Каким я голосом во сне
Шепчу – слыхал? – О, дым и пепел!
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и не пил?

«Я бы хотела жить с вами…»

Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.

И в маленькой деревенской гостинице –
Тонкий звон
Старинных часов – как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И может быть, Вы бы даже меня любили…
Посреди комнаты – огромная изразцовая печка,
На каждом изразце – картинка:
Роза – сердце – корабль. –
А в единственном окне –
Снег, снег, снег.

Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.

Папироса горит и гаснет,
И долго – долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком – пепел.
Вам даже лень его стряхивать –
И вся папироса летит в огонь.

«По ночам все комнаты черны…»

По ночам все комнаты черны,
Каждый голос темен. По ночам
Все красавицы земной страны
Одинаково – невинно – неверны.

И ведут друг с другом разговоры
По ночам красавицы и воры.

Мимо дома своего пойдешь –
И не тот уж дом твой по ночам!
И сосед твой – странно – непохож,
И за каждою спиною – нож.

И шатаются в бессильном гневе
Черные огромные деревья.

Ох, узка подземная кровать
По ночам, по черным, по ночам!

Ох, боюсь, что буду я вставать,
И шептать, и в губы целовать…

– Помолитесь, дорогие дети,
За меня в час первый и в час третий.

«Так, одним из легких вечеров…»

Так, одним из легких вечеров,
Без принятия Святых Даров,
– Не хлебнув из доброго ковша! –
Отлетит к тебе моя душа.
Красною причастной теплотой
Целый мир мне был горячий твой.
Мне ль дары твои вкушать из рук
Раззолоченных, неверных слуг?

Ртам и розам – разве помнит счет
Взгляд <бессонный> мой и грустный рот?
– Радостна, невинна и тепла
Благодать твоя в меня текла.

Так, тихонько отведя потир,
Отлетит моя душа в эфир –
Чтоб вечерней славе облаков
Причастил ее вечерний ковш.

«Мне ль, которой ничего не надо…»

Мне ль, которой ничего не надо,
Кроме жаркого чужого взгляда,
Да янтарной кисти винограда, –
Мне ль, заласканной до тла и всласть,
Жаловаться на тебя, о страсть!

Все же в час как леденеет твердь
Я мечтаю о тебе, о смерть,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, уставший от объятий.

«День идет…»

День идет.
Гасит огни.

Где – то взревел за рекою гудок фабричный.
Первый
Колокол бьет.
Ох!
Бог, прости меня за него, за нее,
за всех!

«Мировое началось во мгле кочевье…»

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле – деревья,
Это бродят золотым вином – грозди,
Это странствуют из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять!
И мне хочется к тебе на грудь – спать.

«Только закрою горячие веки…»

Только закрою горячие веки
Райские розы, райские реки…

Где – то далече,
Как в забытьи,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

«Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб…

Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек –
Рокот…

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?
Синий дымок на горе,
И о цыганском царе –
Песню…

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных – как ночь – сыновей.
Нищих – как ночь – сыновей…
И рокотал соловей –
Славу…

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры –
Звезды…

«У камина, у камина…»

У камина, у камина
Ночи коротаю.
Все качаю и качаю
Маленького сына.

Лучше бы тебе по Нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.

Царский сон оберегая,
Затекли колена.
Ночь была… И ночь другая
Ей пришла на смену.

Так Агарь в своей пустыне
Шепчет Измаилу:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»

Дорастешь, царек сердечный,
До отцовской славы,
И поймешь: недолговечны
Царские забавы!

И другая, в час унылый
Скажет у камина:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»

«На заре морозной…»

На заре морозной
Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон – Жуан!

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!

Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц –
Строгие глаза.

И чтобы не слышать
Пустяков – красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.

Так вот и жила бы,
Да боюсь – состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу.

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон – Жуан!

«Долго на заре туманной…»

Долго на заре туманной
Плакала метель.
Уложили Дон – Жуана
В снежную постель.

Ни гремучего фонтана,
Ни горячих звезд…
На груди у Дон – Жуана
Православный крест.

Чтобы ночь тебе светлее
Вечная – была,
Я тебе севильский веер,
Черный, принесла.

Чтобы видел ты воочью
Женскую красу,
Я тебе сегодня ночью
Сердце принесу.

А пока – спокойно спите!..
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список
Полон, Дон – Жуан!

«После стольких роз, городов и тостов…»

После стольких роз, городов и тостов –
Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы – почти что остов,
Я – почти что тень.

И зачем мне знать, что к небесным силам
Вам взывать пришлось?
И зачем мне знать, что пахнуло – Нилом
От моих волос?

Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку:
Был тогда – январь.
Кто-то бросил розу. Монах под маской
Проносил фонарь.

Чей – то пьяный голос молил и злился
У соборных стен.
В этот самый час Дон – Жуан Кастильский
Повстречал – Кармен.

«Ровно – полночь»

Ровно – полночь.
Луна – как ястреб.
– Что – глядишь?
– Так – гляжу!

– Нравлюсь? – Нет.
– Узнаешь? – Быть может.
– Дон-Жуан я.
– А я – Кармен.

«И была у Дон-Жуана – шпага…»

И была у Дон-Жуана – шпага,
И была у Дон-Жуана – Донна Анна.
Вот и все, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.

И белел в тумане посох странный…
– Не было у Дон-Жуана – Донны Анны!

«И падает шелковый пояс…»

И падает шелковый пояс
К ногам его – райской змеей…
А мне говорят – успокоюсь
Когда-нибудь, там, под землей.

Я вижу надменный и старый
Свой профиль на белой парче.
А где-то – гитаны – гитары –
И юноши в черном плаще.

И кто-то, под маскою кроясь:
– Узнайте! – Не знаю. – Узнай!
И падает шелковый пояс
На площади – круглой, как рай.

«И разжигая во встречном взоре…»

И разжигая во встречном взоре
Печаль и блуд,
Проходишь городом – зверски – черен,
Небесно-худ.

Томленьем застланы, как туманом,
Глаза твои.
В петлице – роза, по всем карманам –
Слова любви!

Да, да. Под вой ресторанной скрипки
Твой слышу – зов.
Я посылаю тебе улыбку,
Король воров!

И узнаю, раскрывая крылья –
Тот самый взгляд,

Каким глядел на меня в Кастилье –
Твой старший брат.

«И сказал господь…»

И сказал Господь:
– Молодая плоть,
Встань!

И вздохнула плоть:
– Не мешай. Господь,
Спать.

Хочет только мира
Дочь Иаира. –

И сказал Господь:
– Спи.

«Уж и лед сошел, и сады в цвету…»

Уж и лед сошел, и сады в цвету.
Богородица говорит сынку:
– Не сходить ли, сынок, сегодня мне
В преисподнюю?

Что за грех такой?
Видишь, и день какой!
Пусть хоть нынче они не злобятся
В мой субботний день, Богородицын!

Повязала Богородица – белый плат:
– Ну, смотри, – ей молвил сын. – Ты ответчица!
Увязала Богородица – целый сад
Райских розанов – в узелочке – через плечи

И идет себе,
И смеется вслух.
А навстречу ей
Реет белый пух
С вишен, с яблонь…

«Над церковкой – голубые облака…»

Над церковкой – голубые облака,
Крик вороний…

И проходят – цвета пепла и песка –
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!

Нету лиц у них и нет имен, –
Песен нету!

Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!

Царю – на пасху

Настежь, настежь
Царские врата!
Сгасла, схлынула чернота.
Чистым жаром
Горит алтарь.
– Христос Воскресе,
Вчерашний царь!

Пал без славы
Орел двуглавый.
– Царь! – Вы были неправы.

Помянет потомство
Еще не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

Ваши судьи –
Гроза и вал!
Царь! Не люди –
Вас Бог взыскал.

Но нынче Пасха
По всей стране,
Спокойно спите
В своем Селе,
Не видьте красных
Знамен во сне.

Царь! – Потомки
И предки – сон.
Есть – котомка,
Коль отнят – трон.

«За отрока – за голубя – за сына…»

За Отрока – за Голубя – за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий – Димитрий.

Ласковая ты, Россия, матерь!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него – любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка – Алексия!

«Во имя отца и сына и святого духа…»

Во имя Отца и Сына и Святого Духа
Отпускаю ныне
Дорогого друга
Из прекрасной пустыни – в мир.

Научила я друга – как день встает,
Как трава растет,
И как ночь идет,
И как смерть идет,
И как звезды ходят из дома в дом –
Будет друг царем!

А как друг пошел – полегла трава
Как под злой косой,
Зашатались черные дерева,
Пал туман густой…

– Мы одни с тобой,
Голубь, дух святой!

«Чуть светает…»

Чуть светает –
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы –
Старухи, воры.
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.
В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из черной тряпицы
Выползают на свет Божий
Гроши нищие,
Гроши острожные,
Потом и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души
Отложенные.

Так, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры –
Старухи, воры:
За живот, за здравие
Раба Божьего – Николая.

Так, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.

«А все же спорить и петь устанет…»

А все же спорить и петь устанет
И этот рот!
А все же время меня обманет
И сон – придет.

И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья и птицы.

Стенька Разин

1

Ветры спать ушли – с золотой зарей,
Ночь подходит – каменною горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб,
Как гремит над жарким его шатром
Соловьиный гром.

2

А над Волгой – ночь,
А над Волгой – сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою – Брови Черные.

И не видно звезд, и не слышно волн,
Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов челн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь – такую речь:
– Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб –
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!
А она – брови насупила,
Брови длинные.

А она – очи потупила
Персиянские.
И из уст ее –
Только вздох один.
– Джаль – Эддин!
А над Волгой – заря румяная,
А над Волгой – рай.
И грохочет ватага пьяная:
– Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза – то у красавицы наплаканы!

А она – что смерть,
Рот закушен в кровь. –
Так и ходит атаманова крутая бровь.

– Не поладила ты с нашею постелью,
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то – ясно,
Темно – на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан – ровно грозный дуб,
Побелел Степан – аж до самых губ.
Закачался, зашатался. – Ох, томно!
Поддержите, нехристи, – в очах темно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

3

(Сон Разина)

И снится Разину – сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину – звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину дно:
Цветами – что плат ковровый.
И снится лицо одно –
Забытое, чернобровое.

Сидит, ровно Божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет…

Сдавило дыханье – аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный – меж ними – полог.
Рулевой зарею правил
Вниз по Волге – реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!

И звенят – звенят, звенят – звенят запястья:
– Затонуло ты, Степанове счастье!
Так и буду лежать, лежать
Восковая, да ледяная, да скорченная.
Так и будут шептать, шептать:
– Ох, шальная! ох, чумная! ох, порченная!

А монашки-то вздыхать, вздыхать,
А монашки-то – читать, читать:
– Святый Боже! Святый Боже! Святый Крепкий!

Не помилует, монашки, – ложь!
Захочу – хвать нож!
Захочу – и гроб в щепки!
Да нет – не Хочу –
Молчу.

Я тебе, дружок,
Я слово скажу:
Кому – вверху гулять,

Кому – внизу лежать.

Хочешь – целуй
В желтый лоб,
А не хочешь – так
Заколотят в гроб.

Дело такое:
Стала умна.
Вот оттого я
Ликом темна.
– Что же! Коли кинут жребий
Будь, любовь!
В грозовом – безумном! – небе –
Лед и кровь.

Жду тебя сегодня ночью
После двух:
В час, когда во мне рокочут
Кровь и дух.

Гаданье

1

В очи взглянула
Тускло и грозно.
Где-то ответил – гром.
– Ох, молодая!
Дай погадаю
О земном талане твоем.

Синие тучи свились в воронку.
Где-то гремит, – гремят!
Ворожея в моего ребенка
Сонный вперила взгляд.
– Что же нам скажешь?
– Все без обману.
– Мне уже поздно,
Ей еще рано…
– Ох, придержи язык, красота!
Что до поры говорить: не верю! –
И распахнула карточный веер
Черная – вся в серебре – рука.

– Речью дерзка,
Нравом проста,
Щедро живешь,
Красоты не копишь.
В ложке воды тебя – ох – потопит
Злой человек.

Скоро в ночи тебе путь нежданный.
Линии мало,
Мало талану. –
Позолоти!

И вырастает с ударом грома
Черный – на черном – туз.

2

Как перед царями да князьями стены падают –
Отпади, тоска – печаль – кручина,
С молодой рабы моей Марины,
Верноподданной.

Прошуми весеннею водою
Над моей рабою
Молодою.

(Кинь-ка в воду обручальное кольцо,
Покатай по белой грудке – яйцо!)

От бессонницы, от речи сладкой,
От змеи, от лихорадки,
От подружкина совета,
От лихого человека,
От младых друзей,
От чужих князей –
Заклинаю государыню-княгиню,
Молодую мою, верную рабыню.

(Наклони лицо,
Расколи яйцо!)

Да растут ее чертоги –
Выше снежных круч,
Да бегут ее дороги –
Выше синих туч,

Да поклонятся ей в ноги
Все князья земли, –
Да звенят в ее кошелке
Золотые рубли.

Ржа – с ножа,
С тебя, госпожа, –
Тоска!

3

Голос – сладкий для слуха,
Только взглянешь – светло.
Мне что? – Я старуха,
Мое время прошло.

Только солнышко скроется,
Да падет темнота,
Выходи ты под Троицу
Без Христа – без креста.

Пусть несут тебя ноженьки
Не к дружку твоему:
Непроезжей дороженькой –
В непроглядную тьму.

Да сними – не забудь же –
Образочек с груди.
А придешь на распутье,
К земле припади.

Позовет тебя глухо,
Ты откликнись – светло…
– Мне что? – Я старуха,
Мое время прошло.

«И кто-то, упав на карту…»

И Кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому – то гремят раскаты:
– Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой
Что ночь без звезд!
Горит на мундире впалом
Солдатский крест,

Народы призвал к покою,
Смирил озноб –
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

«Из строгого, стройного храма…»

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей…
– Свобода! – Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

(Бальмонт, выслушав: – Мне не нравится –
твое презрение к девке! Я – обижен за
девку! Потому что – (блаженно –
заведенные глаза) – иная девка…
Я: – Как жаль
что я не могу тебе ответить: –
«Как и иной солдат…»)

«В лоб целовать – заботу стереть…»

В лоб целовать – заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать – бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать – водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать – память стереть.
В лоб целую.

«Голубые, как небо, воды…»

Голубые, как небо, воды,
И серебряных две руки.
Мало лет – и четыре года:
Ты и я – у Москвы-реки.

Лодки плыли, гудки гудели,
Распоясанный брел солдат.
Ребятишки дрались и пели
На отцовский унылый лад.

На ревнителей Бога Марса
Ты тихонько кривила рот.
Ледяными глазами барса
Ты глядела на этот сброд.

Был твой лик среди этих, темных,
До сиянья, до блеска – бел.
Не забуду – а ты не вспомнишь –
Как один на тебя глядел.

(NB! с ненавистью – как мне
тогда показалось, и весь этот стих –
ответ на этот –
классовой ненависти – взгляд. МЦ –

«А пока твои глаза…»

А пока твои глаза
– Черные – ревнивы,
А пока на образа
Молишься лениво –
Надо, мальчик, целовать
В губы – без разбору.
Надо, мальчик, под забором
И дневать и ночевать.

И плывет церковный звон
По дороге белой.
На заре-то – самый сон
Молодому телу!
(А погаснут все огни –
Самая забава!)
А не то – пройдут без славы
Черны ночи, белы дни.

Летом – светло без огня,
Летом – ходишь ходко.
У кого увел коня,
У кого красотку.
– Эх, и врет, кто нам поет
Спать в тобою розно!
Милый мальчик, будет поздно,
Наша молодость пройдет!

Не взыщи, шальная кровь,
Молодое тело!
Я про бедную любовь
Спела – как сумела!
Будет день – под образа
Ледяная – ляжу.
– Кто тогда тебе расскажет
Правду, мальчику, в глаза?

«Горечь! горечь! вечный привкус…»

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус –
Окончательнее пасть.

Я от горечи – целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи – другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь – горе, горечь – грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

«И зажег, голубчик, спичку…»

И зажег, голубчик, спичку.
– Куды, матушка, дымок?
– В двери, родный, прямо в двери,
Помирать тебе, сынок!

– Мне гулять еще охота.
Неохота помирать.
Хоть бы кто за меня помер!
…Только до ночи и пожил.

Але

А когда – когда-нибудь – как в воду
И тебя потянет – в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом – меня – мои стихи – забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара –
И бросайся каждому на грудь.

Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь – миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!
(Я о них писала – столько раз!)

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись – добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка, – забудь.

«А царит над нашей стороной…»

А царит над нашей стороной –
Глаз дурной, дружок, да час худой.

А всего у нас, дружок, красы –
Что две русых, вдоль спины, косы,
Две несжатых, в поле, полосы.

А затем, чтобы в единый год
Не повис по рощам весь народ –
Для того у нас заведено
Зеленое шалое вино.

А по селам – ивы – дерева
Да плакун-трава, разрыв-трава…

Не снести тебе российской ноши.
– Проходите, господин хороший!

Кармен

1

Божественно, детски-плоско
Короткое, в сборку, платье.
Как стороны пирамиды
От пояса мчат бока.

Какие большие кольца
На маленьких темных пальцах!
Какие большие пряжки
На крохотных башмачках!

А люди едят и спорят,
А люди играют в карты.
Не знаете, что на карту
Поставили, игроки!

А ей – ничего не надо!
А ей – ничего не надо!
– Вот грудь моя. Вырви сердце
И пей мою кровь, Кармен!

2

Стоит, запрокинув горло,
И рот закусила в кровь.
А руку под грудь уперла –
Под левую – где любовь.

– Склоните колена! – Что вам,
Аббат, до моих колен?!
Так кончилась – этим словом –
Последняя ночь Кармен.

Иоанн

1

Только живите! – Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг – словно с неба – ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
– Так молодую Бурю слушает Бог.

2

Запах пшеничного злака,
Ветер, туман и кусты…
Буду отчаянно плакать –
Я, и подумаешь – ты,

Длинной рукою незрячей
Гладя раскиданный стан,
Что на груди твоей плачет
Твой молодой Иоанн.

3

Люди спят и видят сны.
Стынет водная пустыня.
Все у Господа – сыны,
Человеку надо – сына.

Прозвенел кремнистый путь
Под усердною ногою,
И один к нему на грудь
Пал курчавой головою.

Люди спят и видят сны.
Тишина над гладью водной.
– Ты возьми меня в сыны!
– Спи, мой сын единородный.

4

Встречались ли в поцелуе
Их жалобные уста?
Иоанна кудри, как струи
Спадают на грудь Христа.

Умилительное бессилье!
Блаженная пустота!
Иоанна руки, как крылья,
Висят по плечам Христа.

Цыганская свадьба

Из-под копыт
Грязь летит.
Перед лицом
Шаль – как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь косматый!

Не дали воли нам
Отец и мать,
Целое поле нам –
Брачная кровать!
Пьян без вина и без хлеба сыт,
Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан,
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан.
Князем – цыган!
Цыганом – князь!
Эй, господин, берегись, – жжет!
Это цыганская свадьба пьет!

Там, на ворохе
Шалей и шуб,
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ – мониста.
Свистнул под чьей – то рукою
Шелк.

Кто-то завыл как волк,
Кто-то как бык храпит.
– Это цыганская свадьба спит.

Князь тьмы

1

Князь! Я только ученица
Вашего ученика!

Колокола – и небо в темных тучах.
На перстне – герб и вязь.
Два голоса – плывучих и певучих:
– Сударыня? – Мой князь?

– Что Вас приводит к моему подъезду?
– Мой возраст – и Ваш взор.
Цилиндр снят, и тьму волос прорезал
Серебряный пробор.

– Ну, что сказали на денек вчерашний
Российские умы?

2

Страстно рукоплеща
Лает и воет чернь.
Медленно встав с колен
Кланяется Кармен.

Взором – кого ища?
– Тихим сейчас – до дрожи.
Безучастны в царской ложе
Два плаща.

И один – глаза темны –
Воротник вздымая стройный:
– Какова, Жуан? – Достойна
Вашей светлости, Князь Тьмы.

3

Да будет день! – и тусклый день туманный
Как саван пал над мертвою водой.
Взглянув на мир с полуулыбкой странной:
– Да будет ночь! – тогда сказал другой.

И отвернув задумчивые очи,
Он продолжал заоблачный свой путь.
Тебя пою, родоначальник ночи,
Моим ночам и мне сказавший: будь.

4

И призвал тогда Князь света – Князя тьмы,
И держал он Князю тьмы – такую речь:
– Оба княжим мы с тобою. День и ночь
Поделили поровну с тобой.

Так чего ж за нею белым днем
Ходишь – бродишь, речь заводишь под окном?

Отвечает Князю света – Темный князь:
– То не я хожу – брожу, Пресветлый – нет!
То сама она в твой белый Божий день
По пятам моим гоняет, словно тень.

То сама она мне вздоху не дает,
Днем и ночью обо мне поет.

И сказал тогда Князь света – Князю тьмы:
– Ох, великий ты обманщик. Темный князь!
Ходит – бродит, речь заводит, песнь поет?
Ну, посмотрим, Князь темнейший, чья возьмет?

И пошел тогда промеж князьями – спор.
О ею пору он не кончен, княжий спор.

Boheme

Помнишь плащ голубой,
Фонари и лужи?
Как играли с тобой
Мы в жену и мужа.

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет,
Наш клетчатый плед?!

Ты, по воле судьбы,
Все писал сонеты.
Я варила бобы
Юному поэту.

Как над картою вин
Мы на пальцы дули,
Как в дымящий камин
Полетели стулья.

Помнишь – шкаф под орех?
Холод был отчаянный!
Мой страх, твой смех,
Гнев домохозяина.

Как стучал нам сосед,
Флейтою разбужен…
Поцелуи – в обед,
И стихи – на ужин…

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет –
Наш клетчатый плед…

«Ну вот и окончена метка…»

Ну вот и окончена метка, –
Прощай, мой веселый поэт!
Тебе приглянулась – соседка,
А мне приглянулся – сосед.

Забита свинцовою крышкой
Любовь – и свободны рабы.
А помнишь: под мышкою – книжки,
А помнишь: в корзинке – бобы…

Пожалуйте все на поминки,
Кто помнит, как десять лет
Клялись: кружевная косынка
И сей апельсинный жилет…

Юнкерам, убитым в нижнем

Сабли взмах –
И вздохнули трубы тяжко –
Провожать
Легкий прах.
С веткой зелени фуражка –
В головах.

Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал – душу.
Гул – смолк.
– Слуша – ай! На – кра – ул!

Три фуражки.
Трубный звон.
Рвется сердце.
– Как, без шашки?
Без погон
Офицерских?
Поутру –
В безымянную дыру?

Смолкли трубы.
Доброй ночи –
Вам, разорванные в клочья
На посту!

«И в заточеньи зимних комнат…»

И в заточеньи зимних комнат
И сонного Кремля –
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля.

И легкий воздух деревенский,
И полдень, и покой, –
И дань моей гордыне женской
Твоей слезы мужской.

«Бороды – цвета кофейной гущи…»

Бороды – цвета кофейной гущи,
В воздухе – гул голубиных стай.
Черное око, полное грусти,
Пусто, как полдень, кругло, как рай.

Все провожает: пеструю юбку,
Воз с кукурузой, парус в порту…
Трубка и роза, роза и трубка –
Попеременно – в маленьком рту.

Звякнет – о звонкий кувшин – запястье,
Вздрогнет – на звон кувшина – халат…
Стройные снасти – строки о страсти –
И надо всеми и всем – Аллах.

Что ж, что неласков! что ж, что рассеян!
Много их с розой сидит в руке –
Там на пороге дымных кофеен, –
В синих шальварах, в красном платке.

Любви старинные туманы

1

Над черным очертаньем мыса –
Луна – как рыцарский доспех.
На пристани – цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, –
И горестный, огромный вздох:
– Ne laissez pas trainer mes lettres![12]

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синеет водный путь.
– Опять любить кого-нибудь? –
Ты уезжаешь утром рано.

Горячие туманы Сити –
В глазах твоих. Вот так, ну вот…
Я буду помнить – только рот
И страстный возглас твой: – Живите!

3

Смывает лучшие румяна –
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы – солоны. Боюсь,
Я завтра утром – мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? – Во сне.
– Как ветрено! – Привет жене,
И той – зеленоглазой – даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден – от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.

Такая слабость вдоль колен!
– Так вот она, стрела Господня!
– Какое зарево! – Сегодня
Я буду бешеной Кармен.
…Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом – туман, туман.
Любви старинные туманы.

«Из Польши своей спесивой…»

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,
Да руку с перстами длинными,
Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.

– А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

«Молодую рощу шумную…»

Молодую рощу шумную –
Дровосек перерубил.
То, что Господом задумано –
Человек перерешил.

И уж роща не колышется –
Только пни, покрыты ржой.
В голосах родных мне слышится
Темный голос твой чужой.

Все мерещатся мне дивные
Темных глаз твоих круги.
– Мы с тобою – неразрывные,
Неразрывные враги.

«С головою на блещущем блюде…»

С головою на блещущем блюде
Кто-то вышел. Не я ли сама?
На груди у меня – мертвой грудою –
Целый город, сошедший с ума!

А глаза у него – как у рыбы:
Стекленеют, глядят в небосклон,
А над городом – мертвою глыбой –
Сладострастье, вечерний звон.

«Собрались, льстецы и щеголи…»

Собрались, льстецы и щеголи,
Мы не страсти праздник праздновать.
Страсть – то с голоду, да с холоду, –
Распашная, безобразная.

Окаянствует и пьянствует,
Рвет Писание на части…
– Ах, гондолой венецьянскою
Подплывает сладострастье!

Роза опытных садовников
За оградою церковною,
Райское вино любовников –
Сладострастье, роза кровная!

Лейся, влага вдохновенная,
Вожделенное токайское –
За нетленное – блаженное
Сладострастье, роскошь райскую!

«Нет! еще любовный голод…»

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен – оттого что молод,
Нежен – оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот – Шираза лепестки! –
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

Иосиф

Царедворец ушел во дворец.
Раб согнулся над коркою черствой.
Изломала – от скуки – ларец
Молодая жена царедворца.

Голубям раскусила зоба,
Исщипала служанку – от скуки,
И теперь молодого раба
Притянула за смуглые руки.

– Отчего твои очи грустны?
В погребах наших – царские вина!
– Бедный юноша – я, вижу сны!
И служу своему господину.

– Позабавь же свою госпожу!
Солнце жжет, господин наш – далеко.
– Я тому господину служу,
Чье не дремлет огромное око.
Длинный лай дозирающих псов,
Дуновение рощи миндальной.
Рокот спорящих голосов
В царедворческой опочивальне.

– Я сберег господину – казну.
– Раб! Казна и жена – не едино.
– Ты алмаз у него. Как дерзну –
На алмаз своего господина?!
Спор Иосифа! Перед тобой –
Что – Иакова единоборство!
И глотает – с улыбкою – вой
Молодая жена царедворца.

«Только в очи мы взглянули – без остатка…»

Только в очи мы взглянули – без остатка,
Только голос наш до вопля вознесен –
Как на горло нам – железная перчатка
Опускается – по имени – закон.
Слезы в очи загоняет, воды –
В берега, проклятие – в уста.
И стремит железная свобода
Вольнодумца с нового моста.
И на грудь, где наши рокоты и стоны,
Опускается железное крыло.
Только в обруче огромного закона
Мне просторно – мне спокойно – мне светло.

«Мое последнее величье…»

Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!
В сухие руки ростовщичьи
Снесен последний мой заклад.

Промотанному – в ночь – наследству
У Господа – особый счет.
Мой – не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь и рот.

Простимся ж коротко и просто
– Раз руки не умеют красть! –
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость! – страсть!

«Без бога, без хлеба, без крова…»

Без Бога, без хлеба, без крова,
– Со страстью! со звоном! со славой!
Ведет арестант чернобровый
В Сибирь – молодую жену.

Когда – то с полуночных палуб
Взирали на Хиос и Смирну,
И мрамор столичных кофеен
Им руки в перстнях холодил.

Какие о страсти прекрасной
Велись разговоры под скрипку!
Тонуло лицо чужестранца
В египетском тонком дыму.

Под низким рассеянным небом
Вперед по сибирскому тракту
Ведет господин чужестранный
Домой – молодую жену.

«Поздний свет тебя тревожит?..»

Поздний свет тебя тревожит?
Не заботься, господин!
Я – бессонна. Спать не может
Кто хорош и кто один.

Нам бессонница не бремя,
Отродясь кипим в котле.
Так-то лучше. Будет время
Телу выспаться в земле.

Ни зевоты, ни ломоты,
Сын – уснул, а друг – придет.
Друг за матерью присмотрит,
Сына – Бог побережет.

Поделю ж, пока пригожа,
И пока одной невмочь, –
Бабью жизнь свою по – божьи:
Сыну – день, а другу – ночь.

«Я помню первый день, младенческое зверство…»

Я помню первый день, младенческое зверство,
Истомы и глотка божественную муть,
Всю беззаботность рук, всю бессердечность сердца,
Что камнем падало – и ястребом – на грудь.

И вот – теперь – дрожа от жалости и жара,
Одно: завыть, как волк, одно: к ногам припасть,
Потупиться – понять – что сладострастью кара –
Жестокая любовь и каторжная страсть.

«Тот – щеголем наполовину мертвым…»

Тот – щеголем наполовину мертвым,
А этот – нищим, по двадцатый год.
Тот говорит, а этот дышит. Тот
Был ангелом, а этот будет чертом.

Встречают – провожают поезда
И….. слушают в пустынном храме,
И все глядит – внимательно – как даме –
Как женщине – в широкие глаза.

И все не может до конца вздохнуть
Товарищ младший, и глотает – яро,
Расширенными легкими – сигары
И города полуночную муть.

И коротко кивает ангел падший,
Когда иссяк кощунственный словарь,
И расстаются, глядя на фонарь,
Товарищ старший и товарищ младший.

«Ввечеру выходят семьи…»

Ввечеру выходят семьи.
Опускаются на скамьи.
Из харчевни – пар кофейный.
Господин клянется даме.

Голуби воркуют. Крендель
Правит триумфальный вход.
Мальчик вытащил занозу.
– Господин целует розу. –

Пышут пенковые трубки,
Сдвинули чепцы соседки:
Кто – про юбки, кто – про зубки.
Кто – про рыжую наседку.

Юноша длинноволосый,
Узкогрудый – жалкий стих
Сочиняет про разлуку.
– Господин целует руку.

Спят…….. спят ребята,
Ходят прялки, ходят зыбки.
Врет матрос, портной горбатый
Встал, поглаживая скрипку.

Бледный чужестранец пьяный,
Тростью в грудь себя бия,
Возглашает: – Все мы братья!
– Господин целует платье.

Дюжина ударов с башни
– Доброй ночи! Доброй ночи!
– Ваше здравие! За Ваше!
(Господин целует в очи).

Спит забава, спит забота.
Скрипача огромный горб
Запрокинулся под дубом.
– Господин целует в губы.

«И вот, навьючив на верблюжий горб…»

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый – стопудовую заботу,
Отправимся – верблюд смирен и горд –
Справлять неисправимую работу.

Под темной тяжестью верблюжьих тел –
Мечтать о Ниле, радоваться луже,
Как господин и как Господь велел –
Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи.

И будут в зареве пустынных зорь
Горбы – болеть, купцы – гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля,
Вперед, вперед, с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами.

«Аймек-гуарузим – долина роз…»

Аймек-гуарузим – долина роз.
Еврейка – испанский гранд.
И ты, семилетний, очами врос
В истрепанный фолиант.

От розовых, розовых, райских чащ
Какой – то пожар в глазах.
Луна Сарагосы – и черный плащ.
Шаль – до полу – и монах.

Еврейская девушка – меж невест –
Что роза среди ракит!
И старый серебряный дедов крест
Сменен на Давидов щит.

От черного взора и красных кос
В глазах твоих – темный круг.
И целое дерево райских роз
Цветет меж библейских букв.

Аймек-гуарузим – так в первый раз
Предстала тебе любовь.
Так первая книга твоя звалась,
Так тигр почуял кровь.

И, стройное тело собрав в прыжок,
Читаешь – черно в глазах! –
Как в черную полночь потом их сжег
На красном костре – монах.

«Запах, запах…»

Запах, запах
Твоей сигары!
Смуглой сигары
Запах!
Перстни, перья,
Глаза, панамы…
Синяя ночь
Монако.

Запах странный,
Немножко затхлый:
В красном тумане –
Запад.
Столб фонарный
И рокот Темзы,
Чем же еще?
Чем же?

Ах, Веной!
Духами, сеном,
Открытой сценой,
Изменой!

«Бел, как мука, которую мелет…»

Бел, как мука, которую мелет,
Черен, как грязь, которую чистит,
Будет от Бога похвальный лист
Мельнику и трубочисту.

Нам же, рабам твоим непокорным,
Нам, нерадивым: мельникам – черным,
Нам, трубочистам белым – увы! –
Страшные – Судные дни твои;

Черным по белому в день тот черный
Будем стоять на доске позорной.

«Ночь. – норд-ост. – рев солдат. – рев волн…»

Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.
Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое – в ночи – пенье птиц.
Царский памятник вчерашний – пуст,
И над памятником царским – ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир – наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая – пьет.

В винном облаке – луна. – Кто здесь?
Будь товарищем, красотка: пей!
А по городу – веселый слух:
Где-то двое потонули в вине.

«Плохо сильным и богатым…»

Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опущу.

Город буйствует и стонет,
В винном облаке – луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.

Корнилов

…Сын казака, казак…
Так начиналась – речь.
– Родина. – Враг. – Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
– Нечего есть. – Честь.

– Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня…

Москве

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил – ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? – Румянец,
Красавица? – Разумница, – где речь?

Как Петр – Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою –
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах – стойла.
Все вынесут кремлевские бока.

2

Гришка – Вор тебя не ополячил,
Петр – Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? – Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? – Далече.

– Голубочки где твои? – Нет корму.
– Кто унес его? – Да ворон черный.
– Где кресты твои святые? – Сбиты.
– Где сыны твои, Москва? – Убиты.

3

Жидкий звон, постный звон.
На все стороны – поклон.

Крик младенца, рев коровы.

Слово дерзкое царево.

Плеток свист и снег в крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.
Черные глаза Стрельчихи.

notes

Сноски

1

«Так можно отправляться, господин?» (нем.).

2

«В сумерках» Поля Шабаса (фр.).

3

«Ибо все лишь сон, о моя сестра!» (фр.).

4

1. (нем.)

5

Сплошь фантазия (лат.).

6

Отдать жизнь за правду (лат.).

7

Барышня (нем.).

8

Родина (нем.).

9

Тайный советник Гете (нем.).

10

Швабские ворота (нем.).

11

Искусство любви (лат.).

Не раскидывайте мои письма!» (фр.).